ISBN: 978-605-80679-7-4

ARTSÜREM

Особенности послеложных конструкций в чулымском языке

Башбуг Фырат

Особенности послеложных конструкций в чулымском языке

УДК (UDC): 811.512.152
ISBN: 978-605-80679-7-4
Publisher/Yayımcı: Artsürem
Publisher Certificate Number/Yayımcı Sertifika Numarası: 46183
Design/Tasarım: Nurullah Güner
Cover Photo/Kapak Fotoğrafı: Fırat Başbuğ, “Mişa Dede”, Tomsk, 2014

Osobennosti poslelozhnyh konstrukcij v chulymskom jazyke

Fırat BAŞBUĞ

Ankara - 2021

Başbuğ, Fırat. *Osobennosti poslelozhnyh konstrukcij v chulymskom jazyke.* Ankara: Artsürem, 2021.
Кандидатская работа автора.
Башбуг Фырат. firatbasbug@gmail. com, ORCID: 0000-0001-9824-123X

Osobennosti poslelozhnyh konstrukcij v chulymskom jazyke © 2021 by Fırat BAŞBUĞ is licensed under CC BY-NC-ND 4.0

ARTSÜREM

Оглавление

Глава 1. Общие сведения о чулымском языке и чулымцах ... 6
1.1. Чулымский язык и чулымцы ... 6
1.2. Происхождение чулымских тюрков ... 7
1.3. Чулымский язык в окружении других языков ... 9
1.4. Положение чулымского языка в тюркской семье ... 14
1.5. Документирование чулымского языка и других языков, находящихся под угрозой ... 19
1.6. Текущее социолингвистическое состояние чулымского языка ... 22
1.7. Транскрипционные обозначения ... 26
Выводы по Главе 1 ... 27
Глава 2. Послелоги в тюркских языках ... 28
2.1. О выделении послелогов в исследованиях тюркских языков ... 28
2.2. О выражении пространства, времени, движения ... 33
2.3. О семантике и эволюции послелогов ... 38
2.4. Классификации послелогов в тюркских языках ... 42
Выводы по главе 2 ... 45
Глава 3. Послелоги в чулымском языке ... 47
3.1. Классификация чулымских послелогов ... 47
3.2. Собственно послелоги ... 48
3.2.1. Послелоги, выражающие пространственные отношения ... 48
3.2.1.1. ažɨra (через) ... 48
3.2.1.2. ala (перед) ... 51
3.2.1.3. äjländerä (вокруг) ... 53
3.2.1.4. čettir (до) ... 55
3.2.1.5. ebire (вокруг) ... 57
3.2.1.6. kedžer (через) ... 59
3.2.1.7. tüvün (вниз) ... 62
3.2.1.8. tüŋža (до) ... 63
3.2.1.9. udur (навстречу) ... 67
3.2.1.10. koža (с, рядом) ... 71
3.2.1.11. košti/kosti (напротив) ... 72
3.2.2. Послелоги, выражающие временные отношения ... 74
3.2.2.1. ažɨra «свыше», «больше» ... 74
3.2.2.2. ala (с, начиная с) ... 75
3.2.2.3. čettir (до) ... 76
3.2.2.4. kidin (с) ... 79
3.2.2.5. peer (с) ... 81
3.2.2.6. saj (каждый) ... 83
3.2.3. Послелоги, выражающие отношения соответствия, сравнения, включения–исключения 88

3.2.3.1. köre (по сравнению с; в соответствии с) 88
3.2.3.2. öske (кроме) 91
3.2.3.3. baska/baška(кроме) 92
3.2.3.4. ažira (больше чем) 95
3.2.4. Послелоги, выражающие отношения подобия 97
3.2.4.1. šilep, šili (как) 97
3.2.4.2. sindiŋ (как, словно) 99
3.2.4.3. kökten (как, словно) 101
3.2.4.4. ošhaš (подобно, как) 102
3.2.5. Послелоги, выражающие комитативные отношения 104
3.2.5.1. pirge (вместе) 104
3.2.5.2. birle, bile (вместе, с) 107
3.2.5.3. koža (вместе) 110
3.2.6. Послелоги, выражающие причинно-следственные отношения 112
3.2.6.1. öžin (для) 112
3.2.6.2. köre (по причине) 117
3.2.7. Послелоги, выражающие отношения меры 118
3.2.7.1. š'ene, sene (до, приблизительно) 118
3.3. Послелоги-аффиксы 120
3.3.1. О статусе послелогов-аффиксов 120
3.3.1.1. -čA (пространство) 122
3.3.1.2. -čA (временная связь, до) 129
3.3.1.3. -čA (приблизительности/относительности) 130
3.3.1.4. -naŋ / -neŋ (с) 131
3.3.1.5. -bla/-ble, -la/-le (с) 133
3.4. Послелоги-имена 136
3.4.1. Послелоги-имена, выражающие отношения места-расположения 136
3.4.1.1. al/alin [перед] 136
3.4.1.2. alt [под] 138
3.4.1.3. ara [между] 142
3.4.1.4. baš/bas [голова, вершина, начало] 144
3.4.1.5. čan/šan [бок] 146
3.4.1.6. is/iš[внутри] 148
3.4.1.7. kaš/kas [бровь, берег, край] 150
3.4.1.8. qir [на краю] 151
3.4.1.9. käs [за] 152
3.4.1.10. ortu [посередине, между] 153
3.4.1.11. tag [на] 155
3.4.1.12. uč [на краю] 157
3.4.1.13. üst [на] 158
3.4.1.14. töz [у] 160

3.4.2. Послелоги-имена, указывающие на замещение 161
3.4.2.1. orun [вместо] 161
3.4.3. Послелоги-имена, образующие временные связи 162
3.4.3.1. al [перед] 162
3.4.3.2. pas/paš [через, спустя] 162
3.4.3.3. ortu [посередине] 163
Выводы по главе 3 164
Заключение 166
Список сокращений и условных обозначений 173
Список литературы 177
Приложение А 196
Приложение Б 198

Аннотация

В последние годы увеличилось количество исследований, связанных с языками, находящимися на грани исчезновения. Чулымский является одним из исчезающих языков, на котором говорят проживающие в Южной Сибири чулымские тюрки. Эта этническая группа проживает в бассейне реки Чулым на территории Томской области и в Красноярском крае. Данная работа посвящена изучению проблемы послеложных конструкций в чулымском языке и определению их семантических и синтаксических особенностей. Послелоги — это служебные слова, функционально схожие с падежными показателями, которые управляют зависимым существительным (именной группой) и стоят к нему в постпозиции. Послелоги способствуют образованию смысловой связи между управляемым существительным (именной группой) и другими членами предложения. Послелоги в чулымском языке используются, например, в таких значениях, как место, время, средство, причина, сравнение. Как становится ясно из существующих работ, не существует единого мнения по поводу их происхождения и функциональных особенностей. Развитие технологий и широкая география распространения работ в области документации языка привели к появлению более систематических взглядов на языки, относящихся к различным языковым группам. Развитие технологий, с одной стороны, значительно облегчило работу по документации языка, а с другой, рассматривается в качестве одной из причин исчезновения языков. Исследования показывают, что многие языки на нашей планете исчезнут в ближайшем будущем. Чулымский язык, являющийся темой нашего исследования, — это один из языков, который весьма близко подошёл к этому трагическому рубежу. Одной из важнейших стадий работы являются полевые исследования. В результате полевых исследований были изучено социолингвистическое состояние чулымского языка, а также были получены важные сведения с точки зрения чулымской грамматики. Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Научный руководитель: к. филол. н., Александр Владимирович Архипов.

Ключевые слова: чулымский язык, чулымские тюрки, послелоги.

Глава 1. Общие сведения о чулымском языке и чулымцах
1.1. Чулымский язык и чулымцы

В последние годы увеличилось количество исследований, связанных с языками, находящихся в опасности. Одним из исчезающих языков является язык, на котором говорят проживающие в Сибири чулымские тюрки. Эта этническая группа проживают на севере Южной Сибири, на территории Томской области и в Красноярском крае. В современных энциклопедических источниках данную народность называют чулымскими тюрками, чулымскими татарами, в некоторых русскоязычных источниках — «мелецкими татарами», «чулымскими инородцами», «мелецкими инородцами» [Томилов, 1987; Баскаков, 2003; Бутанаев, 1990, 2007]. Свой вклад в изучение чулымских тюрков внесли В.В. Радлов [Радлов, 1868, 1929], П.Г. Иванов [Иванов, 1929], А.П. Дульзон [Дульзон, 1950, 1952, 1954, 1956, 1960, 1966], М.А. Абдрахманов [Абдрахманов, 1959, 1970], Р.М. Бирюкович [Бирюкович, 1972, 1973, 1975, 1978, 1979, 1980, 1981, 1984, 1996], Н.З. Гаджиева [Гаджиева, 1968, 1973, 1976; Гаджиева, Бирюкович 1983], О.Б. Беликова [Беликова, 1986, 2010], Е.М. Пеняев [Пеняев, 1953], Л.П. Потапов [Потапов, 1953, 1956, 1957], Р.А. Ураев [Ураев, 1955], В.В. Храмова [Храмова, 1956], З.Я. Бояршинова [Бояршинова, 1960], Б.О. Долгих [Долгих, 1960], Р.А. Бони [Бони, 1971, 1973], Н.А. Томилов [Томилов, 1978, 1980, 1981, 1987, 1992, 1999], Б.А. Серебренников [Серебренников, Бирюкович, 1984], Э.Л. Львова [Львова, 1977, 1978, 1979, 1987, 1991 и др.], Д.Г. Тумашева [Тумашева, 1992], Н.К. Дмитриев [Дмитриев, 1962], А.Н. Багашев [Багашев и др., 1998], Г. Андерссон и Д. Харрисон [Андерссон, Харрисон, 2003, 2004, 2006], М. Поморска [Поморска 2004, 2011], В.М. Лемская [2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017], Ч. Наажан [Лемская, Наажан, 2014], Д.М. Токмашев [Лемская, Токмашев, 2015]. Приводятся различные данные о численности носителей чулымско-тюркского языка. Согласно полевым исследованиям автора работы, в селах Тегульдет и Новошумилово носителей чулымского языка всего пять человек, в селе Пасечное — около десяти. По нашим данным, самому молодому носителю языка 63 года. Детей и молодёжи, говорящих на чулымском языке, не было обнаружено, и каких-либо поводов или обстоятельств, побуждающих к его изучению, не наблюдается. В селе Пасечное этническое самосознание у носителй языка находится на несколько более высоком уровне и многие носители стараются сохранить свой язык, тогда как в селах Тегульдет и

Новошумилово только один человек предпринимает попытки по защите и сохранению своего языка [Başbuğ, 2014].

1.2. Происхождение чулымских тюрков

Существуют различные точки зрения на историю и этногенез чулымских тюрков. Считается, что чулымские тюрки являются частью тоболо-иртышских татар, пришедших в бассейн реки Чулым в 1582 году после поражения предводителя сибирских татар Кучум-хана. В.В. Радлов также придерживался данной позиции [Малиновский, Томилов, 1999: 490]. Историк З.Я. Бояршинова, известная своими работами по географии Сибири XV века, пишет, что этническая структура Северного Алтая и бассейна Оби была очень сложной, на данной территории происходила тюркизация аборигенного населения, говорящего на угорском, самодийском и кетском языках [Бояршинова, 1960, с. 72]. По мнению автора, в становлении сибирских татар важную роль сыграло смешение переселяющихся тюркских народов с енисейско-самоедскими народами [Там же: с. 80]. Историк Л. П. Потапов имел схожую точку зрения. Ученый считал, что между такими тюркскими народами, как шорцы и кумандинцы, и обскими уграми много общего, смешение этих народов, по его мнению, в более давний период времени [Потапов 1953, с. 95, 153 – 154]. В другой своей работе Л.П. Потапов, приводя антропологические, этнографические и лингвистические данные, материал по топонимике и фольлору, высказывает мнение о том, что «современные шорцы предсталяют собой тюркизированных потомков угрских, самодийскоязычных племен и кетоязычных аборигенов северной, таежной части Саяно–Алтайского нагорья» [Потапов, 1956, с. 493]. В.В. Храмова, проводившая этнографические исследования сибирских татар, проживающих в бассейне реки Чулым, в своем труде под названием «Западносибирские татары» предположила, что на формирование чулымских тюрков происходило в результате смешения народов после падения ханства Кучума [Храмова, 1956, с. 474–475]. А.П. Дульзон, проводивший с 1946 года этнографические и археологические исследования в Чулымском и Обском бассейне, придерживался противоположного мнения. Он говорит о том, что в результате археологических раскопок каких-либо находок, связанных с тобольскими татарами, занимающихся земледелием и скотоводством, а не охотой и рыболовством, не было обнаружено. В связи с этим А.П. Дульзон выступает против позиции, согласно которой чулымские

татары произошли от народа Кучум-хана, отхлынувшего с Тобола после его разрома [Дульзон, 1952, с. 97]. Кроме того, А.П. Дульзон утверждает, что языки тобольских татар и чулымских татар не схожи, язык чулымцев больше похож на язык алтае-саянских татар. Этот факт вынуждает нас полагать, что в тюркизации чулыма тобольские татары не играли роли [Дульзон, 1952, с. 101].

Опираясь на полученные данные, А.П. Дульзон говорит о сходстве чулымцев, проживающих в районе нижнего течения реки Чулым, с селькупами, чулымцев, проживающих в районе среднего течения, с кетами [Дульзон, 1952, с. 113; Дульзон, 1953, с. 135]. Данную точку зрения поддерживает Н.А. Томилов, который считает, что тобольские татары никакой роли в тюркизации чулымцев не сыграли, и некоторые из сообществ чулымских тюрков пришли в данную область после поражения Кучум-хана, в связи с этим он приводит цитату из труда Мессершмидта от 1721 года: «И сообщил мне один понятливый татарин, что большинство живущих на Чулыме и Кие, татар происходят от Кучум-хана, и что они в древности были одинаковым с казахской ордой народом... Как Кучум-хан был прогнан от Тоболска, то некотрые из них отправились сюда, другие – на томскую сторону» [Томилов, 1999, с. 492; Мессершмидт, 1962]. В начале 16 века чулымские тюрки географически разделились на две группы: нижние чулымские тюрки и средние чулымские тюрки. Такое разделение наблюдается и в диалектах чулымского тюркского языка. А.П. Дульзон выделил несколько диалектов нижне-чулымского языка: кецик, кюэрик, ячинский, чибинский, ежинский [Дульзон, 1952, 1956]. В.В. Радлов подразделял тюрков Чулымского бассейна на кециков (к югу от Мариинска), кюэриков (к северу от Мариинска) и чулымских татар (от северной части реки Кия вдоль реки Чердат) [Радлов, 1868, с. 9–13]. Н.А. Аристов называет их кециками, или кюэриками [Аристов, 1896, с. 344 из Томилов, 1999, с. 488]. Согласно источникам 17 века, в бассейне реки Чулым проживало три разных тюркских общности: чулымцы, мелесы и киргизы [Львова, 1977, с. 111]. Б.О. Долгих говорит о проживании в том же веке в данной области четырёх различных групп: кециков, кюэриков, мелесов (милисов) и киргисов [Долгих, 1960, с. 99].

По мнению З.Я. Бояршиновой, этническая структура Северного Алтая, среднего и верхнего течения Чулыма, бассейна Томи очень сложна. На данную структуру оказали влияние как смешение внутри самого местного населения, говорящего на угорском, самодийском и кетском языках, так и тюркизация, нарастающая в трёх направлениях.

Она пишет о том, что данные народы, оказавшиеся под давлением со стороны Южного Алтая, Енисея и Оби, восприняли многие элементы тюркской культуры, в том числе и тюркский язык [Бояршинова 1960, с. 72].

Тесные контакты между соседними народами в бассейнах рек Чулым и Кеть, особенно в сфере охоты и земледелия, развивались наряду с взаимовлиянием языков. История и этническая картина чулымского бассейна до конца не ясна. Считается, что на некоторые нерешённые вопросы прольют свет новые работы учёных из различных областей.

1.3. Чулымский язык в окружении других языков

Проведённые исследования показывают наличие большого количества языков во всём мире, которые находятся под угрозой исчезновения. На сегодняшний день необходимо выделить две критические зоны такие, как Кавказ и Сибирь, поскольку некоторые языки, существующие на территории этих зон, находятся под угрозой исчезновения, а также возрастает число языков, которые уже отнесены к категории исчезающих. В случае несвоевременного предпринятия необходимых мер, в ближайшем будущем лингвистам придётся отнести к мёртвым языкам языки Кавказа и Сибири. В настоящий момент чулымский тюркский язык числится среди языков, носители которых практически вымерли. Первое систематическое исследование чулымского языка, носители которого, проживали вдоль реки Чулым, было проведено А.П. Дульзоном. Он со своими студентами провёл очень важную работу по архивации/документированию чулымского языка. А.П. Дульзон считал, что чулымский язык формировался в процессе ассимиляции местных жителей в тюркоязычной среде. «Накопленные наукой данные, разнородные по своему характеру, позволяют сделать предположение, что экспансия тюркских языков в Сибири происходила, вероятно, больше путем тюркизации самодийских народностей на Оби, угорских – на Тоболе и Иртыше, енисейских – на Енисее, чем путем передвижения больших человеческих масс» [Дульзон, 1971, с. 198–199]. Отмечалось, что «чулымско-тюркский язык не имеет общей нормативной письменные формы; он бытует в виде ряда диалектов и говоров, причем соседствующие диалекты и говоры чулымского языка мало отличаются друг от друга; вместе с тем на периферии ареала, где скапливаются дифференцирующие признаки, расхождения между ними настолько

возрастают, что взаимопонимание между их носителями сильно затрудняется» [Дульзон, 1973, с. 16]. В Сибирском регионе, включая чулымский язык, существуют десятки языков, похожих друг на друга. Но все ли эти языки связаны генетически? Почему некоторые языки похожи друг на друга, а другие языки не похожи? Почему, несмотря на сходство между енисейскими языками и чулымским языком, в классификации данные языки находятся в разных группах. Несмотря на то, что данные вопросы касаются проблем исторической лингвистики и сравнительно-сопоставительной лингвистики, нужно постараться найти ответы на данные вопросы, поскольку, возможно, есть разные объяснения сходств между языками. С одной стороны, зыки могут быть схожи генетически, являться языками «родственниками», происходящими от одного протоязыка; с другой – сходство может возникнуть случайно, вследствие близкого географического положения [Aikhenvald, Dixon, 2001].

Языковой процесс, по А.П. Дульзону произошедший в результате этнического слияния, называется «конвергенцией» [Trask, 1999, p. 112; Campbell, 1998, p. 299]. Языковой союз (linguistic area, sprachbund) [Trubetzkoy, 1928; Sherzer, 1976, p. 132; Trask, 1996, p. 315; Campbell, 1998, p. 299; Thomason, 2001, p. 99; Trask, 1999, p. 112], употребляется для определения географического региона, в котором несмотря на отсутствие родственных связей, образовались некоторые общие структурные особенности между тремя или более языками вследствие взаимодействия. Данный термин также применим в отношении Южного-Сибирского региона, который включает в себя зону распространения чулымского языка. Территориальное расположение и взаимодействие между похожими языками называется «языковой союз (linguistic area)», а для обозначения общих свойств языков, распространённых в одном регионе, употребляется термин «ареальные особенности (areal features)». Следовательно, необходимо провести сравнительные исследования языков региона. Однако, в данной работе чулымский язык сопоставляется с генетически родственными.

Н.С. Трубецкой использовал термин «языковой союз» для описания языков, имеющих сходства с точки зрения синтаксиса, морфологии, культурного словарного фонда и системы звуков, но не обладающих систематическим тождеством звуков и генетическим родством. «Языковой союз» Н.С. Трубецкого выходит на первый план в виде двух основных понятий: соседство и общие особенности.

Вышеуказанное определение лингвистического ареала или языкового союза включает в себя шесть основных принципов по П. Мюскену [Muysken, 2008, p. 3]:

1. Географическое положение,
2. Наличие 3 и более языков,
3. Общие структурные особенности,
4. Взаимодействие,
5. Неслучайное происхождение,
6. Негенетическое происхождение.

При исследовании свойств чулымско-тюркского языка учитывалось отношение чулымского языка с географически близкими языками. Чувствуется заметное влияние на чулымский язык не только географически близких языков таких, как эвенский, хантыйский и селькупский, но и господствующего русского языка. Заимствование лексических элементов языка считается несложным по сравнению с заимствованием грамматических свойств. Однако, в некоторых случаях наблюдается заимствование лексических элементов.

Но, наблюдается ли определённое превосходство между категориями лексических элементов языка и грамматическими свойствами, в результате заимствования? Структуры каких языков считаются стабильными, а каких менее стабильными? По А. Айхенвальд и Р. Диксону, для того чтобы найти ответы на данные вопросы, необходимо изучить язык и культуру региона. Даже образ жизни носителя, например, кочевничество, собирательство, земледелие или городская жизнь играют непосредственную роль в данном взаимодействии [Aikhenvald, Dixon, 2001, p. 14].

В результате интенсивного контакта между языками, господствующий язык может достигать положительных результатов тогда, когда второстепенный язык забывается и вымирает [Aikhenvald, Dixon, 2001, p. 13]. Основная структура енисейского языка, упомянутая в работе А.П. Дульзона о процесс развития чулымского языка, становится более понятной с помощью данного определения. Также в работе А.П. Дульзона говорится о влиянии тюркских языков на енисейские языки в ходе тюркских переселений и образования чулымского языка в результате аналогичного процесса. На сегодняшний день наблюдается аналогичный процесс влияния русского языка на другие языки региона. Русский язык в качестве господствующего языка выполняет функции языка-лидера (winner) по отношению к остальным языкам региона. Согласно определению А. Айхенвальд и Р. Диксона, существует несколько факторов, которые

играют значительную роль в отношении иерархии между языками [Aikhenvald, Dixon, 2001, p. 13]:

Образ жизни сообщества: в данном случае очень важно установить пространство, на котором проживает языковое сообщество. Пространство может быть просторным или ограниченным. Ограниченное пространство по сравнению с просторным способствует развитию различных языков и этнических групп [Andersen, 1988, p. 72]. Предполагается, что изначально чулымский язык употреблялся в изолированной среде, отношения с ближайшими группами были ограниченными, но позднее изоляция была устранена. Думается, что вышеуказанное пояснение является одной из главных причин исчезновения языка. Кроме того, на сегодняшний день не наблюдается тесной связи между носителями языка в вопросе этнической принадлежности.

Размер сообщества. Степень распространения в маленьких сообществах может отличаться от более крупных сообществ. Маленькие сообщества по сравнению с крупными связаны более тесными связями. По этой причине, в крупных сообществах изменения в языках происходят более масштабно и быстро. Несмотря на то, что на мелетском говоре чулымского языка говорят в узкой и закрытой среде, он находится на грани исчезновения. В деревне Пасечное, где чулымское население составляет около 50 человек, языком общения является русский. По отношению к тутальскому же говору чулымского можно говорить о более крупном и открытом сообществе. В результате поселения русских в деревне с местным населением объём сообщества увеличился, но был нанесён ущерб чулымскому. В результате, и маленькое сообщество, разговаривающее на мелетском, и более крупное сообщество носителей тутальского потеряли свой язык.

Связи внутри общества. В этом пункте описывается влияние иерархических классов в обществе на языки и диалекты. Это – заимствования из «престижных» языков в «непрестижные». Например, к этой группе мы можем отнести некоторые предлоги и междометия, перешедшие из русского в чулымский или из чулымского в другие соседние языки. Как известно, некоторые предлоги тюркских языков, обладающих системой послелогов, являются служебными словами, заимствованными из соседних языков. Почти все междометия и союзы в тутальском и мелетском диалектах чулымского являются русскими элементами.

Связь с другими сообществами: в данном случае важна продолжительность связи, которая может быть длительной или

короткой, также важны условия и социальный уровень, при которых происходит связь с другими сообществами. Можно сказать, что связь в результате торговли, спорта, религии, брака и других похожих причин среди сибирских народов существует на протяжении нескольких веков и продолжается по сей день. Тесная связь между чулымским и хакасским народом на протяжении многих лет привела к принятию чулымского народа, как хакасского народа.

Уровень лингвализма. Под уровнем лингвализма подразумевается склонность людей к таким языковым способностям, как мультилингвизм или билингвизм. То, какой язык выбирается в определённых социальных условиях, может помочь нам понять причину взаимодействия факторов, играющих роль при этом выборе. Чулымские тюрки уже даже дома предпочитают общаться на русском. Это является одним из факторов, указывающих на исчезновение языка.

Разновидности влияния в предполагаемом регионе: индивидуальное влияние одного языка на другой язык или влияние географически близкой языковой группы на другой язык. В качестве примера можно привести влияние хакасского, алтайского, русского языка на енисейские и алтайские языки региона.

Отношение носителей: Некоторые сообщества избегают заимствований слов из других сообществ, с которыми они поддерживают связь. Вместо заимствования слов данные сообщества предпочитают создавать новые слова. В ходе исследований в регионе, были выявлены новые слова, воспроизведённые представителем чулымских тюрков А. Кондияковым путём добавления некоторых тюркских слов. В чулымском языке используется слово «самолёт», которое было заимствовано из русского языка, а в турецком языке для обозначения слова «самолёт» используется слово «учак», которое в чулымском языке употребляется для обозначения всех летающих насекомых «ужяк». Это сходство в значении слов «ужяк» на чулымском и турецком языке позволило расширить употребление слова «ужяк» и использовать его также в значении «самолёт». В данный момент в словаре А. Кондиякова вместо слова «самолёт» используется слово «ужяк».

Некоторые из вышеуказанных обстоятельств считаются положительными для чулымского языка, некоторые нет. Однако в ходе определения положения чулымского языка необходимо установить существующие отношения между чулымским языком и генетическими родственными языками, географически близкими языками, в указанном порядке. Классификация языков, представленная

тюркологами, является очень важной и ценной, однако при такой классификации возможно упустить некоторые моменты. По этой причине, термин «языковой союз» Н.С. Трубецкого [Трубецкой, 1995, с. 333], который используется по отношению к географически близким языкам, а не по отношению к родственным языкам, является важным относительно исследований сибирских языков.

Этим можно объяснить принятие уральско-алтайскими, как и ностратическими языками, некоторых терминов вот уже на протяжении многих лет. С.А. Старостин среди ностратических языков выделял уральские языки в качестве наиболее близкой группы к алтайским языкам, даже когда он отделял Урал от урало-алтайских языков. Уральские, алтайские, индоевропейские языки, это ностратическое ядро совпадало с «евразийской семьёй» Гринберга [Старостин, 2003]. Хотя чулымский язык относится к тюркским языкам, некоторые языковые свойства сближают его с енисейскими языками. В этом отношении, вместо классификации географически близких языков соответственно генетическим родственным связям, можно воспользоваться методами сравнительной лингвистики и различными подходами, определяющими языковые свойства согласно синхронным критериям.

1.4. Положение чулымского языка в тюркской семье

Для того чтобы установить положение чулымского языка среди других тюркских языков, необходимо изучить классификации языков по семействам, разработанные в различные периоды времени. В целом классификация тюркских языков до В.В. Радлова основана в большей степени на племенной классификации, нежели на собственно языковых признаках.

В.В. Радлов в своей работе [Radloff 1882] разработал классификацию на основе звуковых свойств языка. В.В. Радлов подразделил тюркские диалекты на четыре основные группы: восточную, западную, южную и среднеазиатскую; в данной работе кюэрик (нижнечулымский) отнесён к восточной группе. Также говорится о том, что чулымский тюркский язык принадлежит к северо-алтайской группе по отношению к «гласным звукам», также по отношению к «сочетанию гласных звуков», более того в чулымском языке очень часто встречаются дифтонги «ua» и «üä» [Radloff 1882, с. 17; Arat 1953, с. 79]. Такие звуки, как [j], [s], [š], [z], [ž] в чулымском языке похожи на звуки алтайского. Звук [č] алтайского при

использовании в начале слова, в конце слова, также в середине слова в сочетании с глухими согласными соответствует чулымскому звуку [ts]; а в середине слова между гласными, перед глухими согласными переходит в [dz], как и в барабинском диалекте. В конце слова, перед звонкими согласными в середине слова часто встречается звук [ġ]. В некоторых чулымских словах в середине используется звук [z] вместо звука [y] в соответствующих алтайских словах. Звуки [l], [n] после глухих согласных в чулымском переходят в [t], тогда как после звонких согласных переходят [d]; а звук [l], который используется после носовых звуков, перходит в [n] [Radloff 1882, c. 284; Arat 1953, c. 79; Günşen 1995, c. 219]. Классификация В.В. Радлова считается очень подробной, поскольку включает не только языки, но и диалекты, говоры. Работа В.В. Радлова представляет подробные сведения о фонетике диалектов, который он в свою очередь подразделяет на четыре группы. Однако классификация В.В. Радлова не представляет звуковые свойства, которые характерны только определённому диалекту, наоборот, представлены детерминативные свойства [Tavkul 2003, c. 27].

Надо отдать должное русскому тюрколог А.Н. Самойловичу, поскольку именно он впервые разработал классификацию тюркских языков, основанную на научных методах. А.Н. Самойлович разработал свою классификацию на основе различных звуковых соответствиях. Он применил работы В.В. Радлова и Ф.Е. Корша в своих исследованиях; распределил тюркские языки на группы в соответствии с 6-ю критериями [Самойлович 1922, с. 15]:

1) изменение «з > р» (тоқыз > тыхыр «9»)

2) изменение «д > р / д / й» (адақ > ура «нога»),

3) изменение бол- > ол-

4) изменение – -ағ > -ыв/-у, -ағ > -ау (тағ > тыв > туу > тау > тағ > дағ «гора»)

5) Изменение -ығ > -ы, ыг, ық, -ы в конце многосложных словах

6) Изменение -ған > -ны, -ған, -ан (қалған > йулны, > қалан).

Нужно отметить, что лингвистически чулымско-тюркский язык неоднороден и представляет собой совокупность двух диалектных массивов – нижнечулымского и среднечулымского [Дульзон 1973а, с. 16], которые носят разные признаки при фонетической классификации тюркских языков. Исходя из классификации А.Н. Самойловича, среднечулымский диалект относится к группе тюркских диалектов «азак» (среднечулымский пратюркское -d- отражает как -z-: *азақ* 'нога',

нижнечулымский — как -j-: *айак*), по критерию 1 к группе «z» (например, чувашский отнесён к группе «r», по критерию 3 к группе диалектов «бол» (например, турецкий язык в группе «ол»), », по критерию 4 к группе «-ағ (тағ)», по критерию 5 к группе -ығ (-ығ > -ы, тағлығ > тағлы), по критерию 6 в группе «ған (қалған)».

Классификация С.Е. Малова основана и названа в соответствии с историческими периодами. По его словам «все древние и современные нам тюркские языки можно очень хорошо разделить на две большие группы по признаку присутствия или отсутствия звука *й* в известных позициях ряда слов, главным образом в середине существительных, например *айак*, и в конце глагольных, основ, например, *кой*. Если в ряде слов в известных позициях слов наличествует *й*, то языки, к которым принадлежат эти слова, вместе, конечно, с другими признаками, о которых говорили другие и говорю я, можно отнести и относят к новым тюркским языкам. Те же языки, в которых вместо этого *й* в этих же словах наличествуют другие звуки, — будут древними тюркскими языками, т. е. языками, в которых больше других сохранилось считающихся старыми черт». Согласно данной классификации среднечулымский язык следует отнести к древним тюркским языкам, а нижнечулымский – к новым тюркским языкам, хотя сам С.Е. Малов перечисляет чулымский в группе новых языков [Малов 1952, с. 139]. А.М. Рясянен [Räsänen 1955, с. 28–32] в своей классификации в основном использовал классификацию Г. Рамстедта, также свою работу дополнил работами В.В. Радлова и А.Н. Самойловича. Данная классификация тоже основана на звуках. Взаимодействие диалектов усложнило классификацию языков. Н.А. Баскаков тоже в числе учёных, которые работали над классификациями языков. Согласно его известной классификации, чулымский язык относится к восточно-хунской группе и к разделу хакас. Другие языки в данной группе: хакасский, камский, чулымский, шорский, тувинский, челканский, кумандийский диалект и диалект жёлтых уйгуров.

По словам Р.М. Бирюкович, «наиболее точное определение места чулымско-тюркского языка дано А.П. Дульзоном, фактически первым обратившимся к изучению фонетических и морфологических особенностей диалектов и говоров рассматриваемого языка, и Н.А. Баскаковым, основывающимся в своей классификации относительно чулымско-тюркского языка на этих данных» [Бирюкович 1981, с. 110; Дульзон 1952; Баскаков 1960, с. 206–207; 1966, с. 16; 1964, с. 2; 1969, с. 336–337].

Ещё существует классификация Клауса Шёнига, которая подразделена на группы: центрально-тюркская (Central Turkic) и крайная-тюркская (Border Turkic); все тюркские языки, в которых употребляется [y] вместо [d] [-d(-) > -y(-)] считаются центрально-тюркскими языками. Кроме того, К. Шёнинг определил критерии принадлежности к центрально-тюркской группе, следующим образом: диалекты, в которых могут использоваться формы воссоздаваемого личного вопросительного местоименя «*kim», слово «toġ-» в значении «рождаться», слово «ket-» в значении глагола «уходить», аффикс «-mIz» в первом лице множественного числа, которое изменяется на «-K» в условном наклонении прошлого времени, суффикс «+lIK» и суффикс «+sIz» для обозначения отсутствия. Согласно К. Шёнингу, все члены центрально-тюркской группы считаются распространёнными тюркскими языками (Norm Turkic). Прочие тюркские языки называются «пограничными тюркскими» (Border Turkic). Пограничные тюркские языки состоят из 3-х групп, которые не считаются «распространёнными тюркскими», но включают несколько распространённых тюркских языков. Так, старо-тюркское -d(-) звучит как -r(-) в чувашском, который не считается распространённым тюркским языком, в халачском как -d(-), в якутском и долганском звучит как -t(-). Распространённые тюркские языки, которые считаются крайне-тюркскими: саянский [c -d(-)], чулымско-тюркский диалект, некоторые енисейские тюркские языки, диалект жёлтых уйгуров и фую [c -z(-)]. В особенности енисейские тюркские языки (Yenisey Turkic) и фуюйско-тюркский (Fu-yü) считаются близкими тюркскими языками [Schönig, 1999, p. 64]. Несмотря на то, что в подразделении К. Шёнига тюркских языков на центрально-тюркские и пограничные тюркские чулымский считается пограничным тюркским, но в тоже время стоит отметить, что чулымско- тюркский обладает и специфическими архаическими свойствами. Центрально-тюркская группа состоит из трёх подгрупп: огузская подгруппа, кыпчакская подгруппа и юго-восточная подгруппа. Данные три подгруппы генетически связаны и исходят от одного корня. Саларский и алтайский диалекты, чулымско-тюркский диалект и некоторые енисейские тюркские диалекты, имеющие переход -d(-) > -y(-), считаются центрально-тюркскими, в то же время данные диалекты и языки обладают рядом специфических и устаревших свойств [Schönig, 1999, p. 64].

Вышеперечисленные классификации в отношении всех тюркских языков основаны на генетически родственных свойствах. С начала второй половины XVIII века в области тюркологии стали

обсуждаться урало-алтайская теория и теория алтайских языков. Ф. Штраленберг — военнопленный, сосланный в Сибирь,— во время своего изгнания изучал тюркские языки, далее в результате своих исследований выдвинул теорию, в которой выделил 6 классов языков: 1-финно-угорские языки, 2-языки северных тюркских народностей, 3-языки самоедские, 4-языки калмыцкий, маньчжурские и тангутский, 5-языки тунгусские, палеоазиатские и угорские, 6-языки кавказские. По словам М.Г. Новлянской, в качестве примера он приводит установленное по таблице сходство первого класса с финно-угорскими языками, дающее основание не только считать эти языки родственными, но и полагать, что народы, говорящие на этих языках и в настоящее время живущие частью в Европе, частью в Сибири, в древности жили в одном месте и составляли один народ [Новлянская, 1966, с. 75–76]. В данной теории на основе сходства в звуках и языковых структурах считается, что вышеперечисленные языки являются родственными языками. Также данная теория отвергается многими учёными на сегодняшний день. Исследования, проведённые в 19-ом веке, показали существование угро-финской группы, однако несмотря на существование группы, родственное отношение угро-финской группы к алтайской и тюркской группе не доказано. Теория алтайских языков, согласно которой, корейский и японский языки тоже относятся к алтайским языкам, считается не обоснованной. Версия, согласно которой считается, что сходства были образованы в результате взаимодействия географически близких языков, доминирующая, нежели версия, основанная на генетически родственных сходствах. Вышеперечисленные исследования чулымско-тюркского диалекта показали взаимодействие чулымского с генетически родственными языками и географически близкими языками. Также исследования показали положение чулымского относительно родственных и географически близких языков.

По словам А.В. Дыбо, «основная трудность при классификации и хронологизации тюркских языков состоит в многочисленных контактах между языками в высокой степени сходными и часто сохраняющими взаимопонимание» [Дыбо, 2007, с. 1].

В классификации, принятой авторами «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» [Тенишев (отв. ред.), 2002], чулымский относится к кыргызской группе наряду с хакасским и шорским:

1) огузская группа — турецкий язык, гагаузский язык, азербайджанский язык, туркменский язык, саларский язык, балканских

тюрков язык, сонкорско-тюркский язык, халаджский язык, хорасано-тюркский язык;

2) кыпчакская группа – язык алабугатских татар-ногайцев, язык астраханских ногайцев-карагашей, язык юртовских татар (астраханских ногайцев), ногайский язык, татарский язык, язык барабинских татар, башкирский язык, караимский язык, казахский язык, каракалпакский язык, карачаево-балкарский язык, киргизский язык, алтайский язык, крымскотатарский язык, крымчакский язык, кумыкский язык;

3) карлукско-уйгурская группа – уйгурский язык, узбекский язык;

4) кыргызская группа – хакасский язык, шорский язык, чулымско-тюркский язык, сарыг-югурский язык, фуюйских кыргызов язык;

5) тобаская, или урянхайская, группа — тувинский язык, тофаларский язык, уйгурско-урянхайский язык;

6) якутская группа — якутский язык, долганский язык;

7) булгарская группа — чувашский язык.

[Тенишев (отв. ред.), 2002, с. 4–5].

1.5. Документирование чулымского языка и других языков, находящихся под угрозой

Общее количество языков во всём мире, установленное лингвистами, достигает 6000–7000 языков. Также по мнению лингвистов приблизительно 50–90% данных языков находятся под угрозой исчезновения и могут исчезнуть в нынешнем столетии. Малая часть языков, которые находятся под угрозой исчезновения, могут исчезнуть в связи с вымиранием носителей данного языка. Главной причиной исчезновения языков является переселение носителей из родных поселений в географически близкие поселения по политическим и/или экономическим причинам, вследствие чего наблюдаются изменения в языке [Grenoble, 2011, p. 27]. Чулымский язык, которому посвящена данная работа, тоже в числе языков, которые находятся под угрозой исчезновения вследствие переселения носителей. Очень малая часть носителей предпочитает использовать свой родной язык, но большая часть носителей предпочитает использовать господствующий язык – русский.

Целью документирования языка является сбор данных о языке и обработка их при помощи различных инструментов.

Документирование является совокупностью работ по сбору необработанных данных об использовании языка, их записи, обработке и предоставлению в использование носителям. Другими словами, документирование языка – это не просто процесс сбора данных. Однако, сбор данных является важной частью данного процесса, потому что одной из главных целей этой деятельности является передать людям, не имеющим доступ к языку, самые актуальные знания о нём. Описание языка же, которое часто идёт параллельно с документированием, подразумевает образование модели, опирающейся на лингвистические данные, и результаты этой работы. Целью описания языка является представление сведений о функционировании языка [Lehmann, 2001, p. 7].

Данные два процесса: документирование и описание языка теоретически представляют два раздельных процесса, но на практике дополняют друг друга. Документирование языка создаёт доступ к языку и возможности исследования языка. Документирование языка, точнее его результаты, предоставляют возможность создания новых данных путём изучения структуры языка, проведение новых исследований, в том числе в свете новых лингвистических теорий, которые были ещё недоступны в момент документирования языка. Учитывая вышеуказанные возможности, следует отметить, что современные методы документирования языка заметно отличаются от традиционных методов. По мнению К. Лемана, многие направления дескриптивной грамматики не разрешают создавать естественные тексты, связанные с этими языками. Это положение не означает, что подобные описания не имеют ценности. Они имеют другие функциональные формы по сравнению с современниками [Lehmann 2001, p. 8]. Сбор новых данных и обработка существующих данных с помощью носителей невозможен в отношении языков, которые находятся под угрозой. На сегодняшний день по данной причине требуются подробные записи в целях предотвращения исчезновения [Himmelmann, 2006, p. 5].

В отношении исследований языков, которые находятся под угрозой, кажется важным упомянуть идущее от Ф. де Соссюра противопоставление языка и речи. По мнению Ф. де Соссюра, язык — явление, связанное не с индивидуальным лицом, а с обществом, также является абстрактной и сверхличностной системой. В результате существования данной системы, становится возможным общение между людьми. В отличие от языка, понятие «речь» является особым и варьирующимся понятием; точнее понятие, которое представляет

собой конкретное употребление языка. Язык считается общественным явлением, а речь — индивидуальным явлением. Индивидуальная речь включают в себя многочисленные изменения. Далее Ф. де Соссюр утверждает, что при исследовании системы языка необходимо изолировать данную систему от исторических и общественных событий. В целях изоляции системы языка от эволюции следует исследовать определённый отрезок времени. Таким образом, были разделены понятия описательной лингвистики и исторической лингвистика. Описательная лингвистика изучает элементы речи, составляющие систему, которые принадлежат одному отрезку времени. Историческая лингвистика изучает историческую эволюцию взаимосвязи языка с другими языками, последовательные этапы развития языка. Описательная лингвистика не исключает историческую лингвистику, но предшествует ей: только после изучения описательной лингвистики возможно определить законы исторической лингвистики.

Исходя из вышесказанного, чулымский язык рассмотрен в качестве системы в данной работе и исследован методом описательной грамматики. На примере чулымского, исследования были проведены в Тегульдете – в селе, в котором употребляется тутальский говор, и в деревне Пасечное, в котором употребляется мелетский говор. Согласно сведениям, предоставленным информантом ВМГ из села Тегульдет и информантами АФК, ФИТ, ГГТ из деревни Пасечное, различия в употреблении чулымского языка в этих двух сёлах отразились в языковых системах соответстующих говоров. Информант ВМГ не имел возможности общения с кем-либо на тутальском в повседневной жизни. В результате образовалась система, в которой легко можно было заметить личный опыт информанта ВМГ, а порой и влияние его креативных способностей. Личные наблюдения и изобретательные способности информанта ВМГ повысили уровень языковых способностей информанта, поскольку он был последним носителем в своем селении. Информант АФК, с другой стороны, имел возможность общения, существовала среда для обмена идеями или предположениями; таким образом языковой материал, полученный от информанта АФК, носит в большей степени общественный характер. В данном процессе изменений очень важное место занимает идея о том, что язык является живым организмом. Данные, предоставленные как информантом ВМГ (тутальский говор), так и информантом АФК (мелетский говор), являются очень ценными для работ по

документированию чулымского языка, и составляют основу материалов данного исследования.

Документирование языка включает в себя сбор, анализ, сохранение и распространение языковых данных. На первый взгляд это кажется элементарной работой, но на практике это многогранный и сложный процесс. Документирование языка выполняется в целях сохранения, ревитализации, исследования и по другим причинам [Woodbury, 2011, p. 159–162]. Тексты, слова, выражения, другие сведения, полученные в результате совместной работы информанта и исследователя, собираются и оформляются в виде электронного корпуса. С помощью корпуса можно продолжить исследовательскую работу или продолжить совместную работу с носителем, продолжить записывать данные, основанные на личном опыте и эмоциях носителя. При исследовании малоизученных языков, также применимы перечисленные выше методы [Uzun, 2000, p. 9]. Первичные данные состоят из различных записей, опросников, транскрипций. Аналитические данные состоят из общих данных (описательная грамматика, словари), полученных на основе первичных данных.

1.6. Текущее социолингвистическое состояние чулымского языка

Одной из важных стадий процесса документирования языка является определение положения исследуемого языка среди родственных языков. Такие понятия, как язык, диалект, говор в большинстве случаев попадают под влияние различных политических, этнических и религиозных событий. Различными исследователями было установлено, что чулымский тюркский язык в целом неоднороден и состоит из нескольких диалектов. Согласно вышеперечисленной классификации, средне-чулымский, как и хакасский, числится в группе *azak*, а нижне-чулымский считается диалектом *ayak* [Tekin, Ölmez, 2003, с. 80–81]. Нижне-чулымский язык близок к барабинскому татарскому, а средне-чулымский имеет сходство с кызыльским диалектом хакасского [Dulzon, 1966, с. 466; Baskakov, 1960, с. 207]. В целом чулымский тюркский язык, учитывая некоторые его свойства, имеет много схожего с такими современными тюркскими языками, как хакасский, тувинский, шорский. В особенности следует отметить, что средне-чулымский тюркский язык включает в себя два говора (тутальский и мелетский), а остальные говоры под угрозой исчезновения в связи с вымиранием носителей данных говоров. Кюерикский, кетинский и ячинский говоры вымерли ранее. Данная

информация упоминается в работах А.П. Дульзона 1940–х — 1950–х гг.

В.М. Лемская писала, что последний носитель ежинского жил до недавних времён [Lemskaya, 2011, с. 17]. Согласно нашим сведениям [Башбуг, 2016; Başbuğ, 2016], чулымские тюрки проживают в Южной Сибири в с. Тегульдет и д. Пасечное. Среди чулымских тюрков, на чулымском говорят менее 5 человек из села Тегульдет, менее 5 человек из деревни Новошумилово, и в деревне Пасечное на чулымском говорят менее 5 человек. Всего по трём посёлкам 20–30 человек, которые владеют чулымским языком пассивно (понимают чулымский) [Başbuğ, 2014].

А.П. Дульзон изучал чулымско-тюркский на протяжении долгих лет. По версии А.П. Дульзона, чулымский язык сформировался в XVI-XVII вв. До XVI-XVII вв. наблюдается переселение различных тюркских народов, что способствовало ассимиляции местного народа тюркскими народами, в результате образовались различные диалекты и языки. Также по мнению А.П. Дульзона, пик процесса ассимиляции местного народа тюркскими народами происходил в XIII-XIV вв. [Дульзон, 1953; Гайко, 2009, с. 35]. Чулымские диалекты были сформированы в результате слияния различных диалектов на протяжении долгих лет. Многие исследователи подтвердили, что нижне-чулымский диалект был сформирован из кюерикского, кетинского, ежинского, ячинского, чибинского диалектов, а средне-чулымский был сформирован из тутальского и мелетского [Дульзон 1973а, с. 16]. Носители тутальского говора средне-чулымского проживали в Тегульдете Томской области, а носители мелетского говора проживали в деревне Пасечное Красноярского края.

В последнее время комплексное исследование чулымского тюркского языка было проведено В.М. Лемской. Начиная с 2006 г. В.М. Лемская проводила исследовательские работы в регионе и написала кандидатскую диссертацию, прослеживающую классификацию говоров А.П. Дульзона. Согласно версии В.М. Лемской, чулымский тюркский язык называется языком не на лингвистическом основании, а на географическом основании. Также в работе В.М. Лемской говорится, что до XVIII века насчитывалось 14 чулымских тюркских поселений [Лемская 2011, с. 18]. По мнению А.П. Дульзона, среднечулымский диалект считается близким к кызыльскому говору хакасского, а нижне-чулымский считается близким к барабинскому татарскому [Дульзон 1973а, с. 17], также отмечено влияние самодийских и кетского языков; классификация

была разработана на основе данных сведений. Также и Э. Л. Львова работала над чулымским тюркским языком и в особенности отмечала влияние субстрата. [Львова и др. 1991, с. 140]. Учитывая, что языки региона не имеют письменных источников в достаточном количестве, также языки региона не имеют официального статуса или стали официальными языками очень поздно, влияние субстрата существует не только в отношении чулымского тюркского, но и в отношении остальных языков региона, как языки уральской и алтайской семей, которые тоже не имеют литературного языка.

В данной работе были исследованы свойства современного чулымского тюркского языка, а не исторического чулымского. Поскольку носители нижне-чулымского диалекта вымерли, были изучены мелетский и тутальские говоры средне-чулымского языка. Томские чулымские тюрки создали чулымскую ассоциацию в 1992 г.; красноярские чулымские тюрки, в свою очередь, с помощью томских чулымских тюрков тоже создали свою чулымскую ассоциацию в 2005 г. На сегодняшний день обе чулымские ассоциации имеют официальный статус в регионе и в стране. Нельзя сказать, что Томская чулымская ассоциация активно продолжает свою деятельность. Однако Красноярская чулымская ассоциация продолжает активно работать. Так, в 2011 году в свидетельстве о рождении младенца Никиты в графе о национальности впервые было написано «чулымец», что стало важным событием для чулымских тюрков. Несмотря на ограниченные возможности, в чулымской ассоциации активно работают с целью восстановления языка, также ведутся работы по повышению осведомлённости относительно сельскохозяйственной деятельности, празднуются этнические праздники. Ассоциация планирует выпустить словарь чулымского языка, детскую книжку на чулымском языке. Западными и томскими учёными продолжаются работы по формированию чулымского алфавита, который является основной лингвистической потребностью.

Несмотря на предпринятые положительные меры, снижение численности чулымского населения, безработица и ограниченные возможности ставят под угрозу существование чулымского языка. Согласно переписи, проведённой в 1996 году в Томском регионе, было зарегистрировано 742 чулымца, позднее в 2008 г. в своей работе В.М. Лемская пишет, что в Красноярске зарегистрировано 157 чулымцев. Согласно Всероссийской переписи населения, проведённой в 2002 году, было зарегистрировано 656 чулымцев. Однако данные цифры следует считать приблизительными, поскольку предполагается,

что некоторые чулымы предпочитают считаться русскими или хакасами. Тем более не все люди, которые предпочитают считать себя чулымцами, говорят на чулымском языке. В селе Пасечное 50 человек чулымов, но даже в данном селе почти нет носителей чулымского. Молодое поколение считает своим родным языком русский, а чулымский язык считается языком бабушек и дедушек. Согласно нашим данным, в 2014 г. самому молодому носителю чулымского тюркского было 62 (1952 г.р) года, а также было установлено, что среди молодого поколения нет носителей языка и молодое поколение не заинтересовано в изучении чулымского языка. В деревне Пасечное было установлено более высокое этническое сознание по сравнению с сёлами Тегульдет и Новошумилово, поскольку в данных сёлах мы встретили только одного человека, который был заинтересован в восстановлении своего родного языка.

Согласно данным В.М. Лемской, в переписи населения, проведённой в 1996 году в селе Тегульдет, было зарегистрировано 742 чулымца и только 184 из них умели говорить на чулымском, 577 из них считали своим родным языком русский. Во время переписи, проведённой в 2002 году в Томске, было зарегистрировано 42 человека, которые умели говорить на родном чулымском языке [Лемская, 2011, с. 19].

В ходе исследовательских работ в 2003 году, которые проводили Д.С. Андерсон и К.Д. Харрисон, было установлено 22 человека, которые свободно владели чулымским языком, также были собраны данные в результате опроса 12 человек–носителей. Согласно их данным, чулымским свободно владели около 30-ти человек, а около 20–30 человек владели чулымским пассивно. По их оценке, всего носителей чулымского языка было около 50–60 человек [Anderson, Harrison, 2006]. В.М. Лемская же пишет в своей работе, что информантов американских исследователей уже нет в живых. Согласно данным информанта В.М. Лемской, А. Ф. Кондиякова, в 2012 году около 30-ти чулымов умели свободно говорить на чулымском, 10 из которых принадлежали к возрастной категории 50–85 лет. Мы общались с информантом А. Ф. Кондияковым и установили, что число носителей, установленное В.М. Лемской, уменьшилось, поскольку некоторые из них уже умерли. Дополнительно стоит отметить, что продолжительность жизни чулымцев не очень велика. В своей работе В.М. Лемская пишет, что последний носитель нижне-чулымского языка 1921 года рождения умер в 2011 году, в результате данный язык полностью вымер [Лемская, 2011, с. 21].

В соответствии с вышеперечисленными данными, отмечено, что, учитывая все диалекты, количество носителей чулымского, которых по данным Д.С. Андерсона и К.Д. Харрисона насчитывалось около 50-ти человек [Anderson, Harrison 2003, с. 2006], на сегодняшний день уменьшилось до 10–20 человек и только 2–3 человека среди них заинтересованы в чулымском языке и в его восстановлении, из чего следует, что чулымский тюркский язык находится на грани исчезновения.

1.7. Транскрипционные обозначения

В диссертации чулымский материал дается в транскрипции на основе латинской графики, а также в кириллической записи в тех случаях, когда она использована в цитируемом источнике. Ниже поясним отдельные транскрипционные обозначения:

[ä] неогублённый гласный переднего ряда нижнего подъёма
[ɨ] неогубленный гласный среднего ряда верхнего подъёма
[ö] огубленный гласный переднего ряда среднего подъёма
[ü] огубленный гласный переднего ряда верхнего подъёма
[j] палатальный аппроксимант
[š] глухой переднеязычный шипящий
[ž] звонкий переднеязычный шипящий
[š’] глухой палатализованный шипящий
[ž’] звонкий палатализованный шипящий
[č] глухая шипящая аффриката
[k] глухой велярный взрывной
[x] глухой велярный фрикативный
[ɣ] звонкий велярный фрикативный
[ŋ] велярный носовой согласный
[q] глухой увулярный взрывной

Двоеточием обозначается долгота гласного: [a:]. Апострофом обозначается мягкость согласного [š’].

Отметим, что начальное тюркское j- в среднечулымском имеет во всех позициях шипящие рефлексы. Мелетское s/z соответствует тутальскому š/ž; мелетское š соответствует тутальскому č; мелетское b/p соответствует тутальскому v [Бирюкович, 1996, с. 496].

Примеры из других языков приводятся в той записи, в которой они даны в источниках.

Выводы по Главе 1

Чулымский язык – это язык, состоящий из нескольких диалектов и говоров, на котором разговаривают сибирские тюрки, проживающие на территории бассейна реки Чулым. У чулымского есть два диалекта, которые были названы по георграфическому расположению, нижний и средний. Нижний диалект на сегодняшний день полностью исчез. На тутальском говоре средне-чулымского диалекта говорят в селе Тегульдет (Томск), а на мелетском говоре — в деревне Пасечное (Красноярская область). Средне-чулымский близок к кызыльскому диалекту хакасского языка, а нижне-чулымский — к барабинскому татарскому. По этой причине, при классификации тюркских языков сложно отнести чулымский к одной определённой группе. Кроме генетических родственников, в чулымском также просматривается влияние таких языков, как эвенкийский, селькупский, хантыйский, преимущественно на фонетическом и лексическом уровне. В Тегульдете чулымские тюрки живут вместе со своими русскими соседями и составляют меньшинство. В Пасечном же они живут в более закрытом обществе, обладающим этническим сознанием более высокого уровня. Можно утверждать, что и в Тегульдете и в Пасечном чулымский практически находится на стадии исчезновения.

Глава 2. Послелоги в тюркских языках

2.1. О выделении послелогов в исследованиях тюркских языков

Послелоги — это служебные слова, которые управляют зависимым существительным (именной группой) и, в отличие от предлогов, стоят к нему в постпозиции. Послелоги не могут выступать в предложении самостоятельно (без зависимого). Функционально они аналогичны падежным показателям существительного, способствуют образованию синтаксической и смысловой связи между управляемым существительным (именной группой) и вершиной, от которой они зависят (чаще всего глаголом). Послелоги могут выражать такие значения, как место, время, средство, причина, сравнение и многие другие.

М. Эргин находит сходство между послелогами и падежными аффиксами с точки зрения их особенностей [Ergin, 2009, с.365]. Н. Хаджиэминоглу определяет послелоги как «слова, которые стоят после существительного и образуют различные связи, такие как время, место, направление, образ, причина, схожесть, различие и т. д. между существительным и другими членами предложения» [Hacıeminoğlu, 2015, с. 78]. По К. Эраслану послелоги: *.Грамматические служебные слова можно назвать частицами, так как исходя из структуры тюркского, аффикса и частицы стоят после слова. Грамматические частицы (послелоги) – это частицы, которые берут на себя функции аффикса. Стоя после различных слов, частицы превращают эти слова в наречия. С этой особенностью, частицы близки к падежным аффиксам и могут встать на их место. Послелоги образуют послеложную группу вместе со словом или группой слов, к которым они присоединены. Слово или группа слов, к которым присоединяются послелоги, могут быть как с аффиксом, так и без него. Некоторые послелоги имеют корень существительного, другие — корень глагола. Послелоги с корнем глагола, выступая как частицы, используются с тем падежом, с каким они используются, будучи глаголом. Послелог — это слова, часть которых используется в качестве основных частиц, а другая часть — в качестве частиц. Послелоги разделяются на две группы: основные послелоги и служебное слово в качестве послелога.* [Eraslan 2012, с. 296–297].

З. Коркмаз называет послелоги частицами, и считает, что частицы – это служебные слова, которые не имеют собственного значения, стоят после существительных и словосочетаний и

прибывают в тесной связи с ними с точки зрения значения, управляют ими, образуют различные смысловые связи между словами, к которым они присоединены, и другими словами предложения с точки зрения грамматики [Korkmaz, 2014, с. 896].

Т. Бангуоглу, который использует термин «takı», даёт следующее определение: Послелоги (takı) — это слова, которые стоят после существительных и образуют связи между ними и другими элементами внутри речи». Определение Фон Габен близко к следующему: «послелоги — это слова, которые следуют за существительными, местоимениями и числительными, привязаны к ним, по смыслу зависят от них, но грамматически управляют ими». Фон Габен говорит о различном происхождении послелогов [Banguoğlu, 2011].

В российской тюркологии существуют немало работ, посвященных послелогам. Такие учёные, как С.Е. Малов, А. Казем-Бек, Л.Н. Харитонов, Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, Т.М. Тошакова рассматривали конструкции послелогов в тюркских языках с разных позиций. Согласно С.Е. Малову, падежная категория, указывающая на месторасположение-направление в тюркских языках, была недостаточна для определения подробных связей местоположения. По этой причине в старотюркском языке появилась необходимость использования дополняющих элементов для удовлетворения этих потребностей. В старых тюркских письменах можно встретить послелоги, которые являются этими дополняющими элементами и помогают выразить достаточно сложные грамматические конструкции. По словам С.Е. Малова, в письменах особенно часто встречаются послелоги «учун», «бирле», «дэг», «таг» [Малов, 1951]. А Л.Н. Харитонов не отделяет саха-якутские послелоги в отдельную часть речи. Он относит их к частицам вместе со модальными словами [Харитонов, 1947; Тазранова, 2005, с. 26].

Н.П. Дыренкова называет послелоги элементами, упорядочивающими падежи существительного, схожие с предлогами в русском языке. Она отмечает также, что послелоги не имеют своего значения, стоят в предложении после существительного, формируют различные синтаксические связи [Дыренкова, 1941, с. 239]. Согласно Н.П. Дыренковой, послелоги похожи на падежные аффиксы, они являются независимыми словами и не всегда соответствуют гармонии гласных, не имеют отдельного ударения [Дыренкова, 1940, с. 215].

Н.А. Баскаков в книге «Каракалпакский язык» детально затрагивает послелоги и отмечает, что они образуют грамматические

значения, указывающие на время, причину, средство, место, используются с целью детализации, уточнения, дифференцирования грамматического значения, определяемого с помощью падежных аффиксов. Н.А. Баскаков отмечает, что кроме основного значения, описываемого с помощью падежных аффиксов, иногда послелоги могут образовать новую грамматическую категорию, расширив границы системы склонения: *«Послелоги — одна из служебных частей речи, выражающая определительные и главным образом объектно-предикативные синтаксические отношения членов предложения. Категория послелогов по своей функции выразителя отношений между дополнением и обстоятельством, с одной стороны, и сказуемым – с другой, является общей с падежными формами словоизменения имен и именных форм глагола. Различие между ними заключается лишь во внешней форме, так как послелоги являются отдельными словами, а падежные формы выражаются аффиксами. Выражая отвлечение грамматические понятия времени, причины, цели, пространства и пр., послелоги служат средством детализации, конкретизации и дифференциации общей грамматической идеи, заключенной в падежном аффиксе. Иногда, кроме раскрытия общего значения, выраженного падежной формой, послелоги дают и новые грамматические категории, расширяя тем самым рамки грамматических форм системы склонения»* [Баскаков, 1952, с. 482]. Таким образом, Н.А. Баскаков делает ударение и на синтаксическую, и на семантическую функцию послелогов.

В книге «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология» под редакцией Э.Р. Тенишева, Л.С. Левитская пишет: «К послелогам относят морфологически неизменяемые слова, стоящие в постпозиции к имени (в том числе именной форме глагола) и обусловливающие падежное оформление этого имени. Послелоги не могут выступать в качестве самостоятельного члена предложения и реализуют свое значение (пространственное, временное, причинное, сравнительное и т.д.) только вместе со значением управляемого слова. Обычно послелоги классифицируют по управлению тем или иным падежом (падежами). На протяжении истории конкретных тюркских языков послелог может менять управление: напрмер. taba/tapa 'к, по направлению к’ в текстах XI в. выступает с именем в осн. падеже (tay tapa ‘по напревлению к горе'), а в современных тюркских языках управляет дат. падежом или осн. и дат. Тюркские послелоги делятся на отыменные и отглагольные, т.е. они восходят к изолированным формам имени, наречиям и деепричастиям. Среди послелогов

встречаются заимствования из арабского и других языков. Лишь незначительная часть послелогов является общетюркскими т.е распространена во всех или подавляющем большинстве тюркских языках. Многие послелоги имеют ареальное (межгрупповое) распространение, большое число послелогов относится к новообразованиям и встречается лишь в отдельных тюркских языках и диалектах.

Анализ становления и развития послеложной конструкции – задача сравнительно-исторического синтаксиса. К его компетенции относится и выявление факторов, влияющих на модификацию послеложного управления, а также описание трансформации послеложных конструкции в падежные формы имени. Большинство исследователей отмечает, что послелоги отглагольного происхождения (=деепричастия), как правило, управляют тем же падежом, что и глагольная основа, от которой они образованы.

Послелоги выражают следующие основные виды отношений,

1) *пространственные (локальные) отношения*
2) *временные (темпоральные) отношения*
3) *комитативные отношения*
4) *инхоативно-финитивные отношения*
5) *компаративные отношения*
6) *целевые отношения*
7) *причинные отношения*
8) *делиберативные отношения*
9) *аблативные отношения»* [Левитская, 1988, с. 491–492].

Как можно увидеть из выше приведённых определений, послелоги в тюркских и некоторых других языках вбирают в себя важные синтаксические и семантические функции в предложении. Эти функции в некоторых языках принадлежат предлогам, в некоторых — послелогам, в других — падежным аффиксом. С точки зрения языковых универсалий, можно сделать следующее наблюдение: такие языки, как английский и французский, имеют структуру SVO, в то время как турецкий, японский, корейский языки строятся по структуре SOV. Обычно в языках со структурой SVO присутствуют предлоги, а в языках со структурой SOV, несмотря на некоторые исключения, присутствуют послелоги (например, несмотря на то, что фарси обладает структурой SOV, в этом языке используются в основном предлоги, и только один послелог — «га»). В некоторых языках показатели спряжения и склонения добавляются в конец слова, в то время как в других, эти показатели стоят перед словом. В турецком

прилагательное стоит перед существительным, а существительное – перед глаголом. Притяжательный суффикс стоит перед существительным, а наречие – перед прилагательным. Такие языки склонны формировать послелоги [Greenberg, 1966, с. 76]. Если в английском или русском мы видим предлоги, указывающие на направление (англ. to, into, up), предлоги, указывающие на соединение, содержание (рус. с, о), то в турецком данные значения передаются послелогами. По причине того, что богатство падежных аффиксов уменьшило необходимость в послелогах, они являются слабой и поздно развитой категорией в турецком, как и во всех алтайских языках. В то же время, тюркские языки (среди языков алтайской группы) являются достаточно богатыми с точки зрения послелогов по причине владения наименьшим количеством падежей [Menges, 1968, с. 118].

Перечислим ключевые особенности послелогов:

– Послелоги функционально похожи на падежные аффиксы. Самое большое их отличие – это то, что они являются независимыми словами.

–Послелоги могут занимать место словоизменительного аффикса. Некоторые послелоги пишутся слитно с существительным, которое стоит перед ним. Их можно произносить вместе с существительным, которое в этом случае получает вспомогательный звук. Однако согласно Н. Хаджиэминоглу, «послелоги – это независимые слова, они сохраняют своё строение с точки зрения звука и формы и не ассимилируются с существительным, к которому они принадлежат». Хаджиэминоглу рассматривает послелоги «üčün» и «ile» в качестве исключения и отмечает, что послелоги должны писаться отдельно от существительного, к которому они привязаны. Кроме того, он отмечает, что, когда послелоги берут какой-либо падежный аффикс, они теряют свои особенности частицы [Hacıeminoğlu, 2015, с. 78]. По мнению З. Коркмаз, «тот факт, что послелоги являются независимыми словами, препятствовало их звуковому срастанию с существительным, к которому они привязаны. Только послелоги, которые превратились в аффикс, не подходят под это правило» [Korkmaz, 2014, с. 895].

– Послелоги могут присоединяться к существительным с падежным показателем и без него.

– Послелоги образуют послеложную группу вместе с существительным, прилагательным, местоимением и другими категориями имён, с которыми они связаны; эти группы послелогов

функционируют в качестве прилагательных перед существительным и в качестве наречия перед глаголом. Они используются как аффикс притяжения и падежный аффикс. Ударение в послеложной группе падает на именную часть группы. Между послелогом и словом или группой слов, с которой они связаны, нельзя вставить другое слово [Korkmaz, 2014, c. 895].

В таких языках, как японский, корейский, турецкий у послелогов намного больше функций, чем у падежных аффиксов. Вместе с тем, функции некоторых предлогов в английском языке можно сравнить с падежными аффиксами в турецком или других языках (ср. [Öner 1999]).

2.2. О выражении пространства, времени, движения

Способность человека измерять расстояния и величины, определять взаимосвязь между местом и направлением, понимать взаимосвязь между своим местоположением и местом, куда он двигается, а также преобразование этой информации в понятные для другого человека аналитические формы может сформироваться в результате столетиями накопленного опыта и систематических знаний. Исследования пространственно-временных отношений были начаты ещё Аристотелем. В последнее время привлекающие внимание не только философов, но и лингвистов процессы когнитивного и лингвистического преобразования накопленного веками опыта выделились в отдельную область исследований.

Понятие пространства включает в себя пространства на основе вертикальной и горизонтальной осей и получаемые с их помощью новые пространства. Наряду с понятиями горизонтальный (впереди-сзади, справа-слева) и вертикальный (снизу-сверху) образуются иные местоположения в соответствии с пространственной плоскостью (между, внутри, с краю, по диагонали, напротив). Исследования, произведённые с научным подходом и охватывающие различные языковые семьи, указывают нам на семантические особенности прилогов. Однако процессы развития, грамматикализации и появляющиеся в результате этого отношение поверхностной структуры прилогов такого же внимания, как и их семантические признаки (глубинная структура).

Имеются различные подходы к объяснению взаимосвязей времени, пространства и движения, отражённые в разных языках. Различия в этой области обычно обусловлены возникающими

потребностями. В то время как для человека, живущего внутри природы, были важны природные знаки, для городского человека приобрели важность совсем другие знаки. При неоспоримости наличия этих связей продолжаются научные дискуссии на тему, как язык влияет на образ жизни, или образ жизни влияет на язык и мышление. Осуществившая важнейшие работы на эту тему Лера Бородицки так рассказывает о своём воспоминании: «На севере Австралии в западной части Кейп-Йорка я попросила одного пятилетнего ребёнка из местного племени показать, где Север. Она показала, не задумываясь. Компас говорил о том, что она права. Тот же вопрос я затем задала на встрече учёных, имеющих десятки наград и медалей. Некоторые из них более 40 лет приходили в этот кабинет слушать лекции. Я попросила их закрыть глаза и показать мне, где Север. Большинство не смогли ответить, они не знали ответа. Некоторые, подумав определённое время, показывали все вероятные стороны. Это упражнение я попыталась проделать в Гарварде, Принстоне, Москве, Лондоне и Пекине, но итог был таким же. Вопрос, на который легко смогла ответить пятилетняя девочка, вызывал затруднения у известных учёных. Что привело к подобной разнице в когнитивных способностях? То, что стало причиной, к удивлению может быть языком» [Boroditsky, 2011].

Главное понятие здесь это потребность. Мы даём название тому, в чём мы имеем необходимость, и тому, что мы видим. Если вернуться к Ньютону, это включает в себя наши абсолютные знания о пространстве и обо всём, чего мы не знаем. В то время как относительное пространство включает в себя лишь то, что мы можем ощутить нашими органами чувств. В относительном пространстве у всего, что мы видим, есть имя или всему можно дать имя. Использование фразы «течёт в восточном направлении», чтобы дать определение тому, что река перед нами течёт по направлению к месту, где мы впервые увидели Солнце, связано с нашим относительным пространством. Наше желание называть «востоком» место, которые мы впервые видим, и определить движение при помощи слова «течь» связано с нашими восприятиями, с тем, что мы видим, с нашим опытом, потребностями. То, что мы назвали «востоком», кто-то может назвать «холодным», кто-то – «маленьким», а кто-то – «темнотой». Анализ этих трёх основных понятий, формирующих наше восприятие и среду (пространство, время, движение), может предоставить нам важные знания о разуме и языке человека.

Выражение направления в чулымском даёт нам исключительный пример по этой теме. Давайте нарисуем следующую картину для того, чтобы представить себе географические особенности местности проживания чулымских тюрков: чулымские тюрки начали переселение от мест, активных с точки зрения социальной жизни, густо населённых и открытых к набегам (юг), по направлению к лесам, которым не было края (север). По данным А.П. Дульзона, который провёл наиболее масштабные исследования, связанные с чулымскими тюрками, мы предполагаем, что такое переселение имело место быть. Чулымцы пришли из мест, открытых к нападению, в недра тайги, где единственным средством передвижения была река Чулым, и, тем самым, очутились в одной из самых северных точек Южной Сибири. Другими словами, они пришли к самой крайней точке, куда мог дойти человек, и натолкнулись на тайгу. Однако, если принять во внимание тайгу и необъятные земли Сибири, мы говорим о географическом препятствии, которое человек не способен преодолеть технически. Вопрос о том, как могли назвать стороны люди, окружённые со всех сторон тайгой, действительно очень интересен. Как известно, у тюрков солнце непосредственно связано с понятиями сторон света [Sinor, 2006, с. 531]. Для тюрков солнце является одним из основных определяющих в системе направлений. По этой причине север обычно выражается при помощи слов, образованных от слов со значениями «после», «потом», «конец», «ночь».

При полевых исследованиях чулымских тюрков мы не встретили подобных названий. Чулымские тюрки для обозначения севера используют слово «ulug šer» (большое место), а для юга – «kičig šer» (маленькое место). Так как не осталось носителя языка, способного передать народные верования чулымцев, мы не нашли сведений, при помощи которых мы бы смогли объяснить их мировоззрение о том, что север является чем-то большим, а юг – маленьким [Başbuğ, 2016]. По этой причине, это можно считать нашим личным умозаключением. При образовании новых понятий в языке мы пользуемся ограниченными единицами, «которые мы имеем в обращении», а также когнитивными процессами и нашим опытом. Я считаю, что этот когнитивный процесс и опыт лежит в основе того, почему чулымские тюрки называли необъятную тайгу, которую невозможно пройти, большим местом (север), а направление, куда они могли добраться по реке – маленьким местом (юг).

Как видно из этого примера, какой-либо антецедент может со временем расшириться и превратиться в значимые слова, образующие

иные связи, или в служебные слова. Однако, если смотреть с точки зрения послелогов или служебных слов, преобладающим антецедентом в большинстве случаев является пространство. И когнитивные, и лингвистические исследования показывают, что люди предпочитают говорить о времени при помощи пространственных единиц, нежели говорить о пространстве при помощи временных единиц. Это говорит об ассиметричной связи между пространством и временем [Lakoff & Johnson, 1980, 1999]. Другими словами, при анализе связей времени, пространства и движения на примере языка можно говорить о том, что пространство играет преобладающую роль по сравнению с остальными понятиями. Говорящие на естественном языке, говоря об абстрактных понятиях, часто используют метафоры, образованные от слов, которым они могут дать определение [Casasanto, Boroditsky 2008, с. 580; Talmy, 1988; Lakoff & Johnson, 1980].

Взаимосвязь объекта и пространства — это представления людей, исходящие из абстрактной плоскости. Существование объекта в пространстве начинается с представления человеком его местонахождения. В данном контексте треугольник объект-пространство-восприятие обеспечивает нам как когнитивную, так и семантическую структуры. Отсутствие одного элемента из этой тройки приводит к распаду всей структуры. Восприятие у человека появляется в результате столетиями накопленного опыта и словесных выражений, необходимых для этого опыта.

Способы выражения пространственно-временных связей в разных языках отличаются в зависимости от языковой семьи:

i. Падежные показатели
ii. Предложные/послеложные конструкции
iii. Наречия, указывающие на местоположение-направление
iv. Указательные местоимения
v. Глаголы движения

По словом Г.Л. Меновщикова, «нет языка, в котором не выработались бы лексические и морфологические средства (чаще всего и те и другие) для обозначения пространственных ... отношений» [Меновщиков, 1976, с. 5]. При функционировании эти лексические и грамматические средства характеризуются взаимосвязанностью и дополнением одного другим [Гашилова, 1985, с. 24]. Категории в языке могут различаться в зависимости от структурных и генетических особенностей языков. В некоторых языках для объяснения таких взаимосвязей, как пространство, время, причина-следствие,

применяются прилоги (предлоги и послелоги). Сходные между собой с точки зрения морфологических характеристик предлоги и послелоги близки друг к другу по своим функциям в предложении. Прилоги несут важные функции и в семантической, и в синтаксической структурах предложения. Так, с их помощью часто выражается взаимная позиция объектов: в физическом, пространственном отношении (под, над, перед, за,...), либо в некотором более опосредованном (промежуток времени, последовательные события, принадлежность).

Эти взаимосвязи, выражаемые в некоторых языках с помощью предлогов, в алтайских и уральских языках выражаются обычно с помощью послелогов. Для передачи пространственной взаимосвязи в некоторых языках можно воспользоваться глаголами действия, однако в тюркских языках используются преимущественно конструкции с послелогами. Опять же, причинно-следственные взаимосвязи синтаксически передаются посредством предлогов и послелогов. Существительные и слова именной группы включают в себя различные морфологические и синтаксические категории. Эти категории, структурные связи которых меняются в зависимости от языка, могут включать падеж (case), число (number), определённость (determiner), род (gender). Маркеры падежа (case marker) могут меняться в зависимости от структуры языка. В одних языках падежные отношения выражаются морфологически при помощи склонения, в других — аналитически при помощи предлогов/послелогов. Так же, как языки, позволяющие определять падеж, используя только предлоги, существуют языки, выражающие падежные значениия при помощи и морфологического склонения, и послелогов, как в случае с чулымским языком.

Прилоги могут придать именам и именным группам определяющие и отличительные особенности, образовывать новые словосочетания, упорядочивать связь этих словосочетаний с другими членами предложения. С точки зрения этих особенностей, адпозиции охватывают и Теньеровское понятие «транслатив». Согласно определению Теньеровского транслатива, «транслативы» – это структуры, которые не имеют значения сами по себе, но могут менять категорию полнозначных слов. Они также могут повлиять не только на полнозначные слова, но и на смысловое ядро, состоящее только из этих слов (semantic core). Разница между транслативами и союзами (junctives, jonctifs по Теньеру) заключается в том, что союзы находятся между ядрами, а транслативы — внутри ядра [Теньер 1988].

В некоторых случаях, если в языке есть и маркеры падежа, и прилоги, отделить их друг от друга может быть трудно [Payne, 2007, с. 86]. Однако, согласно Дж. Корнфлит, определить послелоги достаточно легко. Большинство послелогов — это независимые морфемы, определяющие падеж зависимого существительного. Послелоги управляют падежом. В этом случае, послелоги можно легко отличить от прилагательных, потому что последние не управляет падежом. Послелоги, которые не управляют падежом четко, можно отличить от прилагательных по их семантике [Kornflit, 1997, с. 210].

2.3. О семантике и эволюции послелогов

Семантические особенности послелогов в тюркских языках изучены недостаточно. Можно сказать, что изучение послелогов в таких языках, как финно-угорские, японский и корейский, носит более систематизированный характер по отношению к тюркским языкам. В многих работах по послелогам указывают, что они не несут самостоятельного лексического значения. Так, П.С. Кудаев акцентировал внимание на том, что послелоги являются служебными словами, не имеющими лексического значения и используемыми для связи всех членов предложения [Кудаев, 1967, с. 160]. В традиционной тюркологии также распространено мнение о том, что послелоги не имеют своего лексического значения и их значение ограничивается только лишь ролью, которую они играют. М. Эргин считает, что «послелоги — это не имеющие лексического значения и необходимые только для грамматических целей слова. Сами по себе они не имеют смысла, не обозначают никакого объекта или действия. Однако, применяясь вместе с имеющими лексическое значение словами, они выполняют свою вспомогательную грамматическую роль» [Ergin, 2009]. Если значение послелогов и ограничивается их задачами, то заслуживает рассмотрения оказываемое ими действие по усилению выразительности, и если не лексическое, то семантическое их действие. Б.А. Серебренников указал на две основные задачи послелогов: детализация пространственных связей между всеми членами предложения и выражение дополнительных значений [Серебренников, 1963, с. 355].

Н.П. Дыренкова описывает послелоги, как не имеющие самостоятельных значений слова, и акцентирует внимание на их синтаксических свойствах: «Послелоги — слова, не имеющие самостоятельного значения. Они занимают в предложении позицию

после имен, к которым относятся (являясь по существу определяемым словом) и играют лишь служебную роль, выражая различные синтаксические отношения» [Дыренкова, 1941, с. 232]. Н.К. Дмитриев, отделяя служебные имена от знаменательных слов, говорит о том, что они хранят форму знаменательных слов, однако потеряли свои материальные значения и вместо того, чтобы применяться в своих значениях, они строят различные грамматические связи в роли служебных слов [Дмитриев, 1948, с. 49]. Он разделяет «послелоги» и «служебные имена» (в других работах — «пространственные имена»); «служебные имена» отличаются тем, что они являются изменяемыми, а именно склоняются и принимают аффиксы принадлежности. Н.А. Баскаков же подчёркивает, что «послелоги исторически восходят к самостоятельным, знаменательным словам с реальной семантикой» [Баскаков, 1952, с. 482]. Давший послелогам одно из самых многосторонних определений А.П. Поцелуевский, в своей статье для «Лингвистического энциклопедического словаря» указал, что «…Послелоги в основном выражают пространственные и временные отношения, а также значения цели, причины и следствия, образа действия, сравнения, совместности, орудия действия и т.д…» [ЛЭС, 1990, с. 389] и подчеркнул как синтаксическую, так и семантическую направленность послелогов. Таким образом, мы приходим к выводу, что изначально все послелоги имели лексическое значение, со временем же, потеряв свои значения, они стали вспомогательными словами, и их лексические значения остались в прошлом. По этой причине вместо лексических значений послелогов было бы полезнее изучить их вклад во взаимосвязи внутри предложения, а также их роль в семантике предложения.

М. Эргин считает, что в тюркском языке происхождение всех послелогов основывается на форме существительного или глагола. Различные формы существительных и глаголов, стереотипизируясь, приняли форму послелогов. Однако это превращение в послелоги происходило, чаще всего, очень давно, и они явились перед нами в тюркском языке сразу в форме послелога [Ergin, 2009, с. 365]. По мнению Р. Гиббса, человеческое тело и его движения приняли на себя роль источника для описания абстрактных ситуаций [Gibbs, 2006, с. 107]. Если представить, что в финно-угорских и тюркских языках некоторые послелоги произошли от названий частей тела, то можно согласиться с тем, что послелоги имеют свои независимые синтаксические значения. В результате некоторых лингвистических изменений их синтаксическая роль стала более выраженной: несмотря

на то, что они утеряли семантическое значение, это привело к тому, что они стали классифицироваться только как служебные слова.

По мнению В.А. Плунгяна и Е.В. Рахилиной, в естественных языках нет готовых обозначений для любого фрагмента действительности. Для выражения разных ситуаций язык стремится использовать один и те же элемент. Для предлогов важно семантическое значение зависимого имени. Если говорящий на естественном языке может сделать разные толкования по контексту, нет необходимости в большом количестве предлогов. Опять же, по их мнению, у слов, имеющих более одного значения, изначально имеется одно первое, центральное значение — «прототип» [Плунгян, Рахилина, 2000, с. 115–116]. В таком случае, происхождение предлогов мы можем отнести к словам, объясняющим общие отношения между объектами и основывающимся на фантазии говорящего. Другие значения образовались в соответствии с определёнными правилами. Эти правила могут исходить либо из изменения параметров местоположения ситуации, либо из его метафоризации.

Определение пространственной и временной взаимосвязей объекта и отражение в языке имеют важное значение при изучении семантики послелогов. Прежде всего, взаимосвязь объект-местоположение формирует основу изучения послелогов. Названные В. А. Плунгяном [Плунгян, 2011, с. 132] «чистые» показатели локализации — это предлоги, имеющиеся в некоторых языках и помогающие нам с помощью ограниченных служебных слов строить неограниченные фразы о местоположении-месте, позволяют нам переносить выражения из абстрактной плоскости в конкретную. По словам В. А. Плунгяна: *«Граммемы категории локализации указывают на определенную область пространства по отношению к некоторому ориентиру (обозначаемому склоняемым именем); так, если речь идет о местонахождении, то можно различать местонахождение внутри, на поверхности, вблизи ориентира; если речь идет о движении, то можно различать движение внутрь ориентира, под ориентир, мимо ориентира и т.п. В комбинации с граммемами пространственных падежей граммемы локализации уточняют взаимную конфигурацию ориентира и некоторого (движущегося или покоящегося) объекта… Таким образом, в языке могут иметься «чистые» показатели локализации (это чаще всего пространственные предлоги или послелоги, иногда приименные пространственные аффиксы или вспомогательные пространственные глаголы соответствующей семантики), «чистые» ролевые показатели (падежные аффиксы или*

предлоги) и смешанные локализационно-ролевые показатели» [Плунгян, 2011, с. 132].

З. Коркмаз заявляет о временной природе смысловых взаимосвязей, которые они выстраивают в предложении, в то время как Н. Хаджиэминоглу выражает мысль о том, что послелоги обязательно идут после существительных и получают смысл только благодаря этим существительным. Основываясь на этих представлениях, мы можем говорить о том, что лексические значения послелогов временны, изменяемы и встречаются только в послеложных конструкциях, а их грамматическое значение — служебно-ориентированное, не зависящее от этих условий. Отталкиваясь от вышеизложенных мнений, мы можем прийти к выводу, что грамматическое значение послелоги получают от значений падежных конструкций, к которым присоединяются, а лексическое значение — от пространственных, временных и причинно-следственных взаимосвязей объекта. Отделить же лексическое в служебном слове от грамматического представляется затруднительным, так как оно является «конструктивным единством» [Виноградов, 1947, с. 15]. Мнение А.А. Реформатского о том, что такие служебные слова, как предлог, союз, артикль, не могут существовать без знаменательных слов, требуются для построения предложения, не уточняют смысла и что для решения всех этих задач им необходимо существительное, схоже с мнением Н. Хаджиэминоглу: *«Никаких вещей служебные слова не называют, а их номинативная потребность обращена на те понятия отношений (пространственных, временных, причинных, целевых, условных, уступительных, соединительных, противительных, усилительных, исключительных, определительных и т.п), которые они выражают. … Среди прочих слов служебние слова не обладают самостоятельностью; это слово-сопроводители, это грамматические помощники знаменательных слов; поэтому они не могут быть членами предложения, хотя их присутствие обнаруживается только в предложении, в сочетаниях слов»* [Реформатский, 1955, с. 46]

При рассмотрении процессов грамматикализации послелогов в тюркских языках, имеющих структуру присоединения аффиксов к концу слова, если принимать ко вниманию отсутствие аффиксов, образующих послелоги, роль семантики становится яснее. С течением времени в определённых условиях и мере, претерпевшие изменения некоторые независимые морфемы, такие как существительные и глаголы, в результате длительного процесса и путём принятия на себя

новых грамматических функций (аффикса времени, аффикса состояния, вспомогательного глагола, послелога, союза и т. д.) идут по пути наполнения лексическими и морфологическими с семантической структурой элементами [Demirci, 2008, с. 131]. Эти семантические структуры, используя такие процессы, эволюционирование и формирование, завершают процессы грамматикализации. В таких языках, как тюркские, где аффиксы присоединяются в конце слов, часто можно встретить такое явление, как переход существительных или глаголов в форму аффикса. Превращение слов сначала в послелоги, а затем в аффиксы также является частью этого процесса. Сегодня мы можем наблюдать аффиксы, которые до того, как стать показателями падежа, были сначала существительными, а затем послелогами, например:

uç+u+n > uçun > üçün > içün > için (присоединение к существительному uç (причина) аффикса принадлежности -n, основывается на инструментальной форме)

öze+re > özere > üzre > üzere (в результате соединения слова öze «верх» из старого тюркского языка с аффиксом направления -re).

Следует, однако, отметить, что не все ученые соглашаются с данной этимологией.

2.4. Классификации послелогов в тюркских языках

В вопросе классификации послелогов существуют схожие подходы в грамматических описаниях различных языков, в которых есть послелоги. Послелоги можно классифицировать исходя из их происхождения, функции (значения) и падежного окончания, с которым они сочетаются.

А.Н. Кононов, исследовавший послелоги в узбекском языке, говорит о двух группах, различающихся синтаксическими функциями. Такие послелоги, как *blan, uçun, kabi, singari* относятся к первой группе, а послелоги *yon, iç, tag, ost* – ко второй группе. По мнению А.Н. Кононова, послелоги из первой группы обретают настоящее значение в зависимости от слова, в конце которого они ставятся, похожи на падежные аффиксы по своей функции и в большинстве случаев занимают их место. Послелоги второй группы сохраняют своё независимое значение и грамматическую неизменность и продолжают существование в качестве самостоятельной части речи (знаменательного слова). Они, оставаясь привязанными к своему значению, являются служебными словами, цель которых указать на

различные связи местоположения в группе слов, определяющих падеж [Кононов, 1951, с. 5].

Кроме того, такие слова, как *blan*, *uçun*, *kabi* меняют склонение падежа прямого дополнения, а слова второй группы *yön*, *iç*, *tag* несут падежный аффикс. Последние способствуют укреплению значения падежного склонения при помощи своих особенностей уточнения и детализации, исходящие из их собственного лексического значения. В узбекском языке существуют такие падежные склонения местоположения как направление, присутствие, выход. Эти существительные образуют группы вместе с одним из падежных склонений. А.Н. Кононов называет первую группу «послелоги-частицы», вторую группу — «послелоги-имена» [Кононов, 1951, с. 5]. Н. Хаджиэминоглу же обращает внимание на две важные особенности, которые отличают послелоги от существительных и глаголов в предложении. Эти особенности заключаются в том, что послелоги не имеют собственного значения и не подлежат склонению.

Согласно классификации послелогов Н. Хаджиэминоглу, послелоги делятся на три группы со времён старотюркского:

1-Послелоги, образованные от глагола,

2-Послелоги, образованные от существительного,

3-Послелоги иноязычного происхождения.

Исходя из употребления делятся на две группы:

1-Застывшие слова, используемые только в качестве частиц,

2-Слова, используемые как частица, на самом деле являясь существительным или наречием.

С точки зрения значения, послелоги делятся на группы, означающие:

1-Различие, отличие,

2-Схожесть и количество,

3-Место и время,

4-Направление,

5-Причина и цель,

6-Способ и сравнение,

7-Единение и средство [Hacıeminoğlu, 2015, с. 2–3].

Т.М. Тошакова в своей работе «Послелоги в алтайском языке» говорит о двух группах: 1) дифференцированные послелоги и 2) слабо дифференцированные. Она разделяет эти группы на шесть групп, исходя из синтаксических особенностей:

1-Место и время,

2-Границы,

3-Цель,

4-Сравнение,

5-Возникновение и образ действия [Тошакова, 1950, 1956].

Т.Е. Орсулова в своей работе об алтайском языке разделила послелоги на шесть разных групп в зависимости от склонения падежей [Орсулова 2002, с. 121–131].

Н.А. Баскаков в своей работе по исследованию чалканского языка разделяет послелоги на три группы: 1) собственно послелоги; 2) послелоги, восходящие к именам, имевшим или имеющим реальное, самостоятельное значение; 3) послелоги, восходящие к глаголам и представляющие собой чаще всего изолированные формы первичных деепричастий или причастий [Баскаков 1985, с. 49]. В работе о чалканском языке А.Р. Тазрановой мы наблюдаем разделение послелогов на группы исходя из падежного склонения [Тазранова 2005].

Н.К. Дмитриев дал определение и классифицировал послелоги исходя из синтаксических признаков (неопределенного (именительного), дательного и исходного падежей), что является одной из важнейших классификаций послелогов в тюркских языках. По его мнению, послелоги — это неизменяемые элементы, которые образуют связь между членами предложения и управляют каким-либо падежом имен [Дмитриев, 1948, с. 120]. Н.К. Дмитриев описывает особенности послелогов следующим образом:

– Послелоги не имеют полновесной материальной семантики, и выражают грамматические отношения между словами. Этой особенностью послелоги схожи со служебными именами. В отличие от служебных имен, послелоги не могут использоваться в иных фунциях, кроме служебной. Н.К. Дмитриев, сравнивая прилагательное «башка» (другой) с послелогом «башка» (кроме), отмечает также наличие подобных исключений. Эти исключения объясняют образование послелогов на основе корня существительного или глагола. Послелоги не могут быть использованы вне контекста и в этом схожи со служебными именами. У них нет своего ударения так же, как у служебных имен. Они имеют стандартную звуковую структуру, гармонирующую со именами. По сравнению со знаменательными именами и служебными именами, они имеют структуру, неменяющуюся морфологически. Другими словами, послелоги не подвергнуты морфологическому склонению [Дмитриев, 1948, с. 49–50].

По словам В.М. Насилова, «В языке памятников можно проследить становление служебниых частей речи и их последующую постепенную дифференциацию в качестве лексических категорий. Если в современных тюркских языках послелоги представляют собой стабилизировавшуюся служебную часть речи, обладающую соответствующими грамматическими функциями в словосочетаниях и определенными формами зависимости между компонентами словосочетаний, то в языке памятников мы можем констатировать только тенденции к указанным грамматическим свойствам. С одной стороны, послелоги, так же, как и наречия, являются категорией, производной от именных и глагольных основ, и часто идентичны с наречиями, и, с другой стороны, в них намечается тенденция к управлению зависящих от них слов в системе словосочетаний. Однако эта тенденция не получила еще своего полного развития и не стала той системой, которую мы видим в современных тюркских языках. Где послелоги почти неотделимы от аффиксальных средств в склонении имен. Лишь отдельные послелоги в языке памятников управляют определенными падежами» [Насилов, 1960, с. 41].

Выводы по главе 2

Послелоги — это служебные слова, которые управляют зависимым существительным (именной группой) и, в отличие от предлогов, стоят к нему в постпозиции. Послелоги не могут выступать в предложении самостоятельно (без зависимого). Функционально они аналогичны падежным показателям существительного, способствуют образованию синтаксической и смысловой связи между управляемым существительным (именной группой) и вершиной, от которой они зависят (чаще всего глаголом). Послелоги могут выражать такие значения, как место, время, средство, причина, сравнение и многие другие. Как можно увидеть из выше приведённых определений, послелоги в языках вбирают в себя важные синтаксические и семантические функции в предложении. В вопросе классификации послелогов существуют схожие подходы в грамматических описаниях различных языков, в которых есть послелоги. Послелоги можно классифицировать исходя из их происхождения, функции (значения) и падежного окончания, с которым они сочетаются. Некоторые ключевые особенности послелогов:

– Послелоги функционально похожи на падежные аффиксы. Самое большое их отличие – это то, что они являются независимыми словами.

– Послелоги могут занимать место словоизменительного аффикса. Некоторые послелоги пишутся слитно с существительным, которое стоит перед ним. Их можно произносить вместе с существительным, которое в этом случае получает вспомогательный звук.

– Послелоги могут присоединяться к существительным с падежным показателем и без него.

– Послелоги образуют послеложную группу вместе с существительным, прилагательным, местоимением и другими категориями имён, с которыми они связаны; эти группы послелогов функционируют в качестве прилагательных перед существительным и в качестве наречия перед глаголом. Они используются как аффикс притяжения и падежный аффикс.

– Послелоги не имеют полновесной материальной семантики, и выражают грамматические отношения между словами. Этой особенностью послелоги схожи со служебными именами. В отличие от служебных имен, послелоги не могут использоваться в иных фунциях, кроме служебной [Дмитриев, 1948, с. 49–50].

Глава 3. Послелоги в чулымском языке
3.1. Классификация чулымских послелогов

В предыдущем разделе мы затронули некоторые исследования, в которых даётся классификация послелогов по их признакам. Рассмотрев эти значимые исследования, мы можем прийти к выводу, что основными в современных работах являются следующие классификации:

– послелоги-имена и послелоги-частицы [В. А. Гордлевский, 1928];

– послелоги и служебное имена [Н.К. Дмитириев, 1940];

– собственно послелоги и послелоги-имена [Н.А. Баскаков, 1952];

– дифференцированные послелоги и недифференцированные послелоги [Т.М. Тощакова, 1950];

– послелоги именного происхождения и послелоги глагольного происхождения [Дж. Мураталиев, 1958];

– собственно послелоги (основные послелоги), послелоги-наречия, послелоги-имена, послелоги-деепричастия, послелоги-сравнительные слова, служебные имена[Б.С. Саяргалиев, 1960];

– послелоги и послеложно-именные слова. [Х.-М.И. Хаджилаев, 1962].

В этой главе мы разделили чулымские послелоги в соответствии с широко распространённой классификацией на три группы: **1) собственно послелоги, 2) послелоги–аффиксы и 3) послелоги–имена.**

В группе собственно послелогов (это несклоняемые послелоги) мы рассмотрели послелоги, которые образуют в предложении следующие смысловые связи: пространство, время, цель-причина, совместность, приблизительность, включение/исключение, соответствие. В чулымском их количество составляет 25. Как можно увидеть из примера послелога ***peer***, который имеет пространственное и временное значения, некоторые послелоги имеют разные значения.

Исходя из управляемого падежа, собственно послелоги в чулымском можно классифицировать следующим образом:

-послелоги, управляющие основным падежом;
-послелоги, управляющие дательным падежом;
-послелоги, управляющие винительным падежом;
-послелоги, управляющие творительным падежом;
-послелоги, управляющие исходным падежом.

Во вторую группу мы поместили единицы, которые используются так же, как послелоги; возможно, когда-то они были послелогами и со временем превратились в аффиксы. Несмотря на то, что в традиционных книгах по грамматике существуют различные споры о том, можно ли считать эту единицу послелогом или нет, мы посчитали правильным отвести в этой работе место для трёх послелогов-аффиксов, которые мы обнаружили в чулымском языке. Мы изложили наши взгляды по поводу того, являются ли они послелогами или нет, в соответствующем разделе; затронули тему происхождения и употребления этих аффиксов, имеющих функцию послелога.

В последнюю группу мы включили единицы, которые являются именами существительными, обладают настоящим значением, склоняемы, но используются также в качестве послелогов. Некоторые лингвисты, отмечая, что эти единицы выступают как полноценные имена, выступают против того, чтобы рассматривать их как послелоги. По этой причине мы посчитали правильным выделить слова их в особую группу. В чулымском мы обнаружили 15 имён, используемых в качестве послелогов. Несмотря на то, что они склоняются, мы отметили, что и эти единицы управляют в чулымском языке тремя падежами.

3.2. Собственно послелоги

3.2.1. Послелоги, выражающие пространственные отношения

3.2.1.1. ažïra (через)

Послелог ažïra ‘через’, ‘за’ происходит от глагола аш- ‘переваливать’, ‘переходить’. Он встречается почти во всех тюркских языках Южной Сибири в форме ažïra [Тазранова 2005, с. 33]. Данный послелог происходит от деепричастия на -а от глагола aš- в каузативной форме [Бирюкович 1982, с. 101]. По словам А.Б. Хертек, «*в языках Южной Сибири послелог ажыр управляет формой винительного падежа тув. ажыр, хак. азыра, алт. ажыра, куманд. ажыра, чалк. ажыра. Но в тувинском и алтайском языках он может управлять и формой исходного падежа*» [Хертек, 2008, с. 193]. «*В алтайском языке послелог ажыра в сочетании со словами, обозначающими понятие времени (jıl ‘год’, ay ‘месяц’ и т.д.), и с числительными может выражать временные отношения, соответствующие понятию ‘больше’, ‘свыше’. Он указывает на преодоление временного рубежа, предела*» [Хертек, 2006, с. 184]. В

орхоно-енисейских письменах также встречается форма этого послелога «aša» [Насилов, 1960, с. 41]. Н.П. Дыренкова относит этот послелог к наречиям-послелогам. Этот послелог относится к послелогам с пространственной семантикой в чулымско-тюркском языке и указывает на точку, находящуюся за пределами пространства, над котором совершается действие [Бирюкович, 1981, с. 101].

Этот послелог может использоваться:

- для выражения преодоления какой-либо вещи, существа или препятствия без контакта с ними;

- для выражения преодоления какого-либо предмета с определённой высотой или географических высот.

В чулымском языке данный послелог располагается после существительного в именительном падеже.

(1). Ке:р кизи агас ажыра алта:н 'старик через дерево перешагнул'

ke:r kizi	agas	ažɨra	alt-a:n
старик	дерево	через	перешагивать-PST

(2). Ман парча ärстенде қаз ажыра щорублм истänаргä. 'каждое утро я хожу на работу через горы'

män	parča	ärsten-de	qaz	ažɨra	š'oru-bl-m	istäner-gä
я	все	утро-LOC	гора	через	ходить-PRS-1SG	работать-INF

(3). ке:р кизи агас ажыра алта:н 'старик через дерево перешагнул'

ke:r kizi	agas	ažɨra	alt-a:n
старик	дерево	через	перешагивать-PST

(4). Суг ажыра се:герге:м 'Через ручеек прыгнул (я)' (БР 101)

suɣ	ažɨra	se:ger-ge:-m
вода	через	прыгать-PST-1SG

(5). Ол алта:н ора ажыра. 'Он перешагнул через яму' (БР 101)

ol	alt-a:n	ora	ažɨra
он	перешагивать-PST	яма	через

(6). Сän алтапысхан оглан ажыра. 'Ты перешагнул через ребенка' (БР 101)

sän	alta-p-ɨs-xan	oɣlan	ažɨra

ты перешагивать-CVB-AUX:посылать-PST ребенка через

В хакасском языке он используется после именительного, винительного и исходного падежа [Донидзе, 1956, с. 9–10, Баскаков и Грекул, 1953, с. 438], в шорском – с именительным, винительным и исходным падежом, а в тувинском – с именительным и исходным. У чалканцев и тубаларов этот послелог используется в именительном падеже [Баскаков, 1966; Баскаков, 1985, с. 51], а в алтайском – с винительным [Тазранова, 2005, с. 33, Чугунекова, 2013, с. 130].

Хак.

чол азыра (через дорогу)

аалдаң сығып, позік тағ азыра парыбысхан чолҷа, пір чазағ кізі чапчаң пастырыснаң таға сых париған полған (И. Котюшев. Чаза ғ кизи) (по дороге из улуса, ведущей через высокую гору, поднимался быстрым шагом какой-то пешеход). (ДН:10)

хырача колхоз инспекторы чорче, иңнін азыра сумка артын салған. (по пашне, перекинув через плечо сумку, идет колхозный инспектор) [ГХЯ, с. 254]

В шорском языке ажіға может использоваться и в качестве послелога, и в качестве наречия. В качестве послелога он может иметь в предложении следующие смысловые связи: пространства, времени и меры.

Кызыл күйнектиғ қызычақ/Қыр ажыра чүгүрча. — 'Девушка в красном платье через гору побежала' (ДШ:347) загадка

Јаман казан ажыра кайнайыр, санагажы јок ажыра айдайыр. 'Худой котел через верх выкипает, бестолковый человек лишнее говорит'. - ажыра - наречие. (НЕВ:88)

алты тагды ажыра пар - 'через шесть гор переваливая, поезжай' (наречие). (ДРШ:237)

Кыраң ажыра ат төрепча, Аймақ чажыра эр туғча. 'За хребтами конь-то уже родился, И в селенье мужчина уже родился! ' (ДШ:36)

Данный послелог в **тувинском** языке может управлять и формой именительного падежа.

Даг ажылдыр суурже чоруптулар - 'поехали в село через гору'. (ЧС)

*Послелог ажыра в **алтайском** языке управляет основным и винительным падежами, при этом чаще - винительным падежом. Данный послелог указывает на преодоление предмета, имеющего вершину* [Орсулова 2001, с. 45].

Кичинек уулчактар бууны ажыра калыгалып турдылар. ‘Маленькие мальчики прыгали через веревки’ [КО, с. 21]

Футболчы мечикти парата ажыра билбей чачып ийген - ‘Футболист нечаянно перебросил мяч через ворота’. [ОРС, с. 45]

Кырды ажыра кызыл айак чачып ийдим (кӱн ашканы). 'Забросил за гору красную пиалу (заход солнца)' [Укачина, 1984, с. 33]

Чалкан.

таг ажыра (через гору) [Баскаков, 1985, с. 51]

Туба-кижи

Кызыл тонду эмеен / Кыр ажыра jӱгӱре берди. (женщина в красной шубе убежала через горы) [АТ, с. 144]

В чулымском, как и в других южносибирских тюркских языках, у послелога «ažɨra», кроме пространственного значения, есть также функция определения времени. Когда этот послелог располагается после существительных, определяющих время, он приобретает значения «больше», «свыше». В этих случаях он часто управляет исходным падежом. См. раздел 3.2.2.1.

3.2.1.2. ala (перед)

Это – деепричастная форма глагола «al-» (брать). Она встечается во многих тюркских языках. В некоторых тюркских языках она начала придавать предложению значения, отличающиеся от значения времени. В южносибирских тюркских языках она придаёт предложению значения «в начале», «до этого», «со времён», а в старо-анатолийском турецком, карачаево-балкарском, в татарском – значение «в направлении к». В башкуртском она создаёт значения «до какого-либо времени/места», «начиная с», в алтайском, хакасском, шорском, кыргызском, якутском, долганском – «начиная с», «с такого-то времени».

Среди вышеуказанных языков этот послелог управляет именительным падежом только в старо-анатолийском турецком и карачаево-балкарском, почти во всех остальных языках он управляет исходным падежом. По мнению Юн-Сун Ли, слово «ala», используемое в старо-анатолийском турецком и карачаево-балкарском, скорее всего, произошло от глагола «al-» (брать) [Li, 2004, с. 66]. В **чулымском** он используется в значениях, похожих на значения в других тюркских языках, с исходным падежом. При использовании с пространственной функцией, он имеет цель выразить начальную точку действия, ситуации, какого-либо движущегося или не движущегося предмета.

Также используется для обозначения естественных границ географических местоположений. В чулымском данный послелог выражает также функцию времени. В таких случаях он также управляет исходным падежом. Он указывает на начальную точку действия, ситуации, какого-либо движущегося предмета. В случаях описания начальной и исходной точки действия он широко используется и в значении пространства, и в значении времени.

(7). Пу чулу актыр кичещ щериндин дин ала улуг щерине. 'Эта река течет с юга на север'

pu	čul-u	ak-tir	kičeš’	š’er-in-din	ala
этот	река-POSS.3SG	течь-PRS	мелкий	место-POSS.3SG-ABL	с

uluɣ	š’er-i-ne
большой	место-POSS.3SG-DAT

В среднечулымском не широко распространено употребление этого послелога в функции определения местоположения, он чаще используется вместе со словами, указывающими на время. Если мы отбросим «ala» из предложения в примере (6), его смысл не изменится и не потеряется. По мнению Н.А. Кучигашевой, исследовавшей примеры из алтайских языков, для того, чтобы подчеркнуть отправной пункт действия, в **алтайском языке** этот послелог управляет существительным при помощи исходного падежа. Для определения пределов совершения действия используется послелог jetire, который управляет существительным с помощью дательного падежа [Кучигашева, 1960, с. 96; Орсулова, 2001, с. 49].

- Карагай агаштар өзөктөң ала тууларга jemupe өзүп jam - Сосновые леса растут от низменной долины до гор. [ОРС, с. 49]
- Так как очень хорошо знал дорогу от фермы до завода, знал как пять своих пальцев каждый камень, каждую ямочку по дороге. [Орсулова 2001, с. 50]

В алтайском мы видим также послелог *«beri»,* который используется для выражения похожей ситуации и является наиболее распространённым послелогом в тюркских языках. Отличие «beri» от «ala» заключается в том, что «ala» определяет начальную точку движения, направляющегося в какую-либо сторону объекта, а «beri» выражает начало действия от одной точки или от неопределённой точки.

- Кырдаң ала јойу келдим (с вершины горы пришел) [Орсулова, 2001, с. 50]
- Кырдаң бери јойу келдим (с горы пришел пешком) [Орсулова, 2001, с. 50]

В электронном корпусе хакасского языка отмечается, что этот послелог имеет такие значения, как «1) вместе с кем-либо, чем-либо, включая что-либо, вплоть до чего-либо; 2) от, с», и приводятся следующие примеры [ЭКХЯ 2016].

- сірердең ала 'включая вас';
- пістің чон алында Хызылчардаң ала полтыр 'наш народ раньше вплоть до Красноярска жил';
- паладаң ала 'включая и детей';
- пастаң ала чабынарға 'укрыться с головой';
- ізіктең ала төрге читкенҷе 'от дверей до переднего угла'.

3.2.1.3. äjländerä (вокруг)

Считается, что этот послелог образовался от деепричастной формы глагола «ajlandɨr-». Этот глагол имеет такие значения, как «поворачивать», «разворачивать» [ХРС 1953, с. 20] «ajlandɨr» — это побудительный залог глагола «ajlan» (поворачиваться) и при использовании в качестве послелога имеет значения «вокруг», «в окружении». Кроме функции послелога, может использоваться также в качестве наречия. Этот послелог в тюркских языках используется, чтобы указать на положение движущегося объекта по отношению к не движущемуся объекту или чтобы описать два не движущихся объекта, близких друг к другу.

В чулымском он управляет внительным падежом:

(8). мени äйлäндерä сас полған 'вокруг меня было болото' [БР 102]

men-i	äjländerä	sas	pol-ɣan
я-ACC	вокруг	болото	быть-PST

(9). се:ң шäде:неңны äйлäндерä ағач 'вокруг твоего двора деревья' [БР 102].

se:ŋ	šade:-neŋ-nɨ	äjländerä	aɣač
ты.GEN	двор-POSS-ACC	вокруг	дерево

В **алтайском** языке этот послелог управляет внительным или именительным падежами.

- Отты айландыра улус отурды - Вокруг огня сидели люди; [ОРС 45]
- Уулчак тураны айландыра jyzypdu - Мальчик побежал вокруг дома;
- Бистиҥ тураны айландыра jўзўн-jўўр агаштар өзўп jam – Вокруг нашего дома растут разные деревья. (ОРС:46)
- калык аны айландра туруп кыстажып jаткан. народ теснился около него. (Miss 108)

В диалекте **кумандинцев** встречается форма *айлытыры,* и этот послелог управляет именительным падежом:

уг айлытыры аргымча тартым (пириске) 'кругом дома веревку протянул' мох, которым конопатят щели) [Баскаков 1972, с. 76].

В **чалканском** он может использоваться и как наречие, и как послелог [Тазранова 2005, с. 28]. Это употребление нельзя путать с послелогом «aylandıra».

- Айландыра көп, көп: Посмотрели, посмотрели вокруг. [Николина, Озонова, Тазранова 2005, с. 143] (наречие)

Можно привести похожий пример и из **хакасского**:

- Айландыра чалбах чазы 'Вокруг широкая степь' (наречие)
- стол айландыра одырарға 'сидеть вокруг стола' (послелог)
- Кўнге айландыра (в сторону солнца) [Бутанаев, 2003, с. 232]. (послелог)

В диалекте **туба-кижи** это слово также встречается и как наречие, и как послелог.

- Айландыра турган тайгазы. Тенери коконду. 'Вокруг (есть) тайга, как небо синее' (наречие) [Кучукова, 2010, с. 34]
- Айландыра тайгалу, Терен суулу алтайым. 'Вокруг тайга, глубокими реками Алтай', (послелог) [Кучукова, 2010, с. 33]

В **шорском** он может быть глаголом, наречием, послелогом. При использовании в качестве послелога, имеет значения «вокруг», «кругом». [ШРС, 1993, с. 15].

- Ада пашқа черин айландыр чӧрзем 'Выйду за край отцовской земли' (ДШ, 2008, с. 93)

Это слово употребляется и в некоторых диалектах современного тюркского с различными падежными аффиксами. Юн-Сун Ли в своей работе привёл следующие примеры языков, в которых употребляется этот послелог:

- **узбекский** *aylana*: şeher aylanasıda 'вокруг города'

- **кумыкский** *aylana*: Bizin yurtnu aylanasında neçe de ariw tabiat bar. 'в округе нашей деревни есть такой красивый бык'
- **казахский** *aylana:* Üydin aynalasında 'вокруг дома'
- **каракалпакский** *aylana, aynala:* Kempir plita aynalasında şay tayarlayıp cür. 'Старая женщина готовит чай вокруг кухонной плиты'
- **ногайский** *aylana*: Üydin aylanasında. 'вокруг дома' [Li, 2004, с. 600]

В **тувинском** синонимом этого послелога является слово ***догландыр***. Оно может использоваться и как наречие, и как послелог:

- догландыр чырыткыланып тур. 'кругом становится светло' (наречие)
- лагерьни долгандыр чараш ыяштар өзуп турган. (вокруг лагеря росли красивые деревья) (послелог). [ГТЯ, с. 439].
- Долгандыр тайгаларда хар чаапкан, суурда чагбаан. ‘Вокруг в тайге выпал снег, (а) в деревне еще не выпал’. [Ооржак, 2019, с. 171].

3.2.1.4. čettir (до)

Этот послелог используется в южно-сибирских тюркских языках для обозначения положения и времени и имеет значение, близкое к значению предлога «до» в русском. Он встречается в чулымском (čettir), хакасском (читире), шорском (четтире), тувинском (чедир), алтайском (детире), киргизском (жетири, четири) языках. Во всех этих языках он управляет дательным падежом и используется для указания на окончание действия или ситуации в определённый момент времени или в определённом месте. Кроме этой функции, в чулымском при расположении после числительного в именительном падеже он может означать неопределённое количество. Строение этого послелога состоит из корня глагола, аффикса понудительного залога (-т)-ир и аффикс деепричастия. Исследователи сходны во мнении относительно происхождения этого слова. Согласно распространённому мнению, этот послелог, который является деепричастной формой глагола «žet-», «žetkir» (доходить, успевать), наблюдается в очень узкой среде.

При использовании в чулымском с целью определения пространства данный послелог берёт на себя следующие функции:

-выражает конечную точку действия или положения,

(10). инäктäри парсқанар пүгүне четтир. 'коровы пошли до полу'

inäk-tär-i par-s-qan-ar püg-ü-ne čettir

корова-PL-ACC	идти-AUX:инхоатив-PST-3PL	поле-POSS.3SG-DAT	до

- определяет, что действие или положение заканчивается какой-либо географической границей или направляется к географической границе,

(11). пу чулу Ачинскайдын Төгалдәтгә (четтир) актыр. 'эта река от Ачинска до Тегульдет течет'.

pu	čul-u	Ačinsqaj-dɨn	Töɣoldät-ɣä	čettir	ak-tir
эт	река-POSS.3SG	Ачинск-ABL	Тегульдет-DAT	до	течь-PRS

Употребление в **хакасском** похоже на употребление в чулымском языке. Этот послелог, который в хакасском также управляет дательным падежом, берёт на себя функцию определения, детализации времени и места, в зависимости от особенности слова, к которому он присоединяется. При определении места он определяет ограничение действия в каком-либо географическом местоположении или продвижение в сторону этого географического местоположения и окончание или прояснение в определённой точке.

- Колхозтыц фруктовай сады Кимге читире килер. (Фруктовый сад колхоза раскинется до Енисея) [ДН, с. 28]
- Тураа читіре парып. ізін сығар полбинчадыр. (фольклор) 'Дошел до дому, но его следа обнаружить не мог'. [Там же]

В **алтайском** *jemupe* 'до'. В сочетании с именами существительными, личными и указательными местоимениями *jemupe* управляет дательным падежом [Орсулова, 2001, с. 41].

- Јергелей Јалакайды айлына јетире ӱйдежип салала, Јалаа эјезининг айлы јаар басты — 'Дьергелей, проводив Дьалакай до дома, направилась к дому тёти Дьалаа' [Там же]
- Јан, јан, јанөөр, мен бу айылга јетире келгем — 'Иди, иди, иди домой, я пришла до этого дома'
- Эртеннең ары сыраңай ла Чибитке jemupe бир де јурm олорго туштабас — 'С завтрашнего дня прямо до Чибита им не встретится ни одно село' [Там же].

В **чалканском**, по данным А. Р. Тазрановой, тьетре 'до' в сочетании с именами существительными, личными и указательными местоимениями управляет дательным падежом, указывая на достижение какого-то предела, а также на направление движения до какого-либо предела.

- Уйыма тьетре парам. ‘Дошел до дома.’ [Тазранова, 2005, с. 37].

В **шорском** *четтире* (*'до'*, указывает предел):

- ол мени кибиткага четтире узаат саал, ээл келип, айтты... 'он меня до самой кибитки проводил, поклонившись, сказал...' [Невская, 1997, с. 92]
- чышка-ла четтире пардым (я пошел только до леса.) [ДРШ:165]
- Мен Томазакка четтире парчам. я еду до улуса Мыски (предел действия) [Там же, с. 57]

В **тувинском** *чедир* 'до', (при указании расстояния, времени, предела) управляет дательным падежом [ГТЯ 1961, с. 437]. В тувинском языке конструкция с послелогом *чедир* выражает также предел физических или интеллектуальных возможностей человека (Хертек, 2008, с. 184).

- хоорайга чедир (до города)
- Бады кол кудумчунуң тончузунге чедир маңнаан. 'Бады добежал до конца главной улицы'. (Там же)
- Кызынга ойнаарак экеп бээр дээш Кызылдан суурга чедир кылаштап чедип келген. (Чтобы дать игрушку своей дочке он пришел пешком из Кызыла до село).

3.2.1.5. ebire (вокруг)

Можно сказать, что этот послелог используется только в южносибирских тюркских языках. Встречаются следующие фонетические вариации: в чулымском – *ebire*, в алтайском – *ebire*, в хакасском – *ibire*, в шорском – *ebire*, в теленгитском – *ebire*. Считается, что этот послелог является деепричастной формой глагола «ebir», который имеет значения «обходить», «кружить», «окружить», «объезжать кругом», «окружать», «вращать», «вертеть» [Донидзе, 1956, с. 12; Li 2008, с. 222; Орсулова, 2001, с. 43].

По мнению Г.И. Донидзе, этот послелог при употреблении в хакасском с именами управляет и именительным, и винительным падежами, при использовании с местоимениями — винительным падежом [Донидзе, 1956, с. 12]. Из примеров из чулымского, алтайского и шорского было установлено, что он управляет обоими падежами в этих языках. В тюркских языках Южной Сибири широко распространено употребление этого слова в качестве наречия.

Согласно мнению Т.Е. Орсуловой [Орсулова, 2001, с. 43], которая исследовала примеры из алтайского, при использовании в качестве послелога это слово указывает, прежде всего, на три следующие ситуации:

1) расположение или движение субъектов вокруг локуса-объекта:

2) расположение субъектов вокруг локуса-субъекта:

3) размещение объектов вокруг локуса-объекта:

В чулымском существует два послелога, используемых с этой функцией и в схожем значении. Послелог «ajlandiŕa» больше используется для указания местоположения более подвижного объекта по отношению к не движущемуся объекту. Послелог «ebire» же имеет более свободное употребление, включающее в себя подвижные объекты и действия.

(12). алда нөмänаң парайға аңзынарға, тайгылавлған кізілері тэмір печ эб(і)ре толпоғанар. 'Прежде чем пойти на охоту, охотники собрались вокруг железной печки'.

alda	nömänaŋ	paraj-ɣa	aŋzinar-ɣa	tajgiłavl-ɣan
прежде	чем	пойти-INF	охотиться-INF-DAT	охотиться-SbjP

kizi-ler-i	temir	peč	ebire	tolpo-ɣanar
человек-3PL-POSS	железо	печь	вокруг	собираться-PST.3PL

(13). езен бузенде каащвасын мени эбире. 'В следующий раз пусть он прячется вокруг меня'.

ezen büzen-de	kaaš'va-sin	men-i	ebire
следующий раз-LOC	спрятаться-3SG.IMP	я-ACC	вокруг

(14). оол! чүгүр килетқен чылғы эбире кälбä. 'Мальчик! Не ходи вокруг бегущей лошади'

ool!	čügür	kilet-qen	čiłɣi	ebire	käl-bä
мальчик	бегать	ходить-SbjP	лошадь-ACC	вокруг	приходить-NEG

В **хакасском** языке послелог *ибире* управляет основным и винительным падежами имен существительных и винительным падежом местоимений.

- улуғ харындазы аал ибире чорип, тӧлкеҷі кізі таппин, пазох туңмазына килді. 'Старший брат, обойдя улус вокруг и не найдя ворожеи, снова пришел к своему младшему брату' [ДН, с. 12]
- аның сомын ибире кӱреели пуғдай пазахтары. 'Вокруг его портрета каёмка из пшеничных колосьев' [Там же]
- пісті ибіре, тізең, пӱктер, арығлар, чазылар. 'Вокруг нас луга, рощи, поля'. [Там же с. 13]

В бельтирском говоре сагайского диалекта:

- Хысты пастағыдох ак кеген кӱнде хаңаамаң, етпеза сормаң еб ебире сырайын чаппин кун чолымаң ал чӧрче. (В тот же день девушку (невесту) возят на телеге или на санях вокруг дома по ходу солнца) [Боргояков, 1973, с. 95].

Шор. *эбире* (кругом, вокруг):

- по кӱнниң чарыгын эбире чӱгӱрди. 'Он обежал вокруг этого солнечного мира' (из эпоса) [ДРШ, с. 165]
- ол чиишти ас чип, эбире көп карактапча. (Он мало ел, больше (много) оглядывался кругом (наречие) [Там же].
- пажын эбире чакийлер сырын салтыр. (Вокруг головы были воткнуты цветы) [Там же]

Алтай. эбире:

- Улустар јаланда каран өчӱп брааткан отты эбире уйуктап јаттылар. (Люди на поле спали вокруг угасающего огня) [ОРС, с. 44]
- Энемди эбире оныҥ азырап-чыдаткан балдары. (Вокруг матери моей воспитанные ею дети) [Там же]

3.2.1.6. kedžer (через)

Согласно Н. Хаджиэминоглу, используемые в древнетюркском в качестве послелога слова «keče/kiče» являются наречно-глагольной формой глагола «keč->-ki č-». Позже это слово использовалось в качестве наречия места в значении «сторона». В западном тюркском оно обычно дополняло существительное; иногда становилось именем, взяв аффикс склонения. В **чувашском** это слово встречается в форме kasa (в течение), у западносибирских татар – kiča (через), в алтайском и шорском – kečire, в хакасском – kizire, в тувинском – kezir, kezildir [Покровская, 1988, с. 493]. «Keče», образованный от глагола «kec-», имеет форму каузативного глагола «kečir-», аффикса которого имеет широкое употребление.

Юн-Сун Ли заявлял о том, что слово «keče» в древнетюркском использовалось в качестве послелога вместе со словами в именительном падежом [Li, 2004, с. 291]. Мы также считаем, что слова «keče» и «kečire» произошли от одного корня, и поэтому рассматриваем их в одной главе. Этот послелог в чулымском употребляется с существительными в именительном падеже. Р.М. Бирюкович говорит следующее об этом послелоге: *«Данный послелог происходит от деепричастия на –е глагола кäч 'переходить' в каузативной форме. Аналогичный послелог (именуемый Н.П. Дыренковой наречие-послелог) имеется в шорском, тувинском, хакасском языках. Послелог кеджер синонимичен послелогу ajıra 'через'. Будучи синонимичен послелогу ajıra, послелог kedjer выражает не только точку за пределам пространстве, над которым совершается действие, но в его значении присутствует и признак включенности поверхности.»* [Бирюкович, 1981, с. 102].

чулымский

(15). Чиндет кеджире парсқам одуна. 'Через Чиндат прошел за дровами'.

Čindet	kedžire	par-s-qa-m	odun-a
Чиндат	через	идти-AUX:посылать-PST-1sg	дерево-DAT

(16). а:дам Чулу кеджире улуғ эв кондурған. 'Мой отец построил большой дом через Чулым.'

a:da-m	Čulu	kedžire	uluɣ	ev	kon-dur-ɣan
отец-POSS.1sg	Чулым	через	большой	дом	ночевать-CAUS-PST.3sg

(17). пис тамңа көл кеджер käччикпис. 'Мы завтра переедем через озеро' [БР:102]

pis	tamŋa	köl	kedžer	käč-čik-pis.
мы	завтра	озеро	через	проехать-FUT-3pl

(18). чул кеджер мост е:т паған. 'Через реку построен мост' [Там же]

čul	kedžer	most	et pa-ɣan
река	через	мост	делать AUX:быть-PST

(19). пис сас ке:джире джö:рӱблӱбис кузук табарға. 'Мы через болото ходим добывать орех' [ДУ 111]

pis	sas	kedžire	jö:r-üblü-bis	kuzuk	tab-ar-ɣa

мы	болото	через	ходить-PRS-1SG	орех	добывать-INF-DAT

(20). сэн сӱзэргэ пле:д'ингмэ?—мэн пле:д'им. Цӧ:м кедзирэ сӱско: ғум'. 'ты умеешь плавать?' Умею. Я могу через Чулым переплыть' - (ниж. чул.) [Там же, с. 109]

sen	süeer-ge	pl-edi-ng-me?	men	pl-edi-m	söm	kedžire	süs-ko:g-um
ты	плавать-INF	знать-Abil-2sg.Q	я	знать-Abil-1sg	Чулым	через	плавать-Abil-1sg

(21). Мен пиррес юредим сас кедзире. (Я один раз ходил через болото).

men	pir-res	jure-di-m	sas	kedžire
я	один-раз	ходить-PST-1sg	болото	через

В **алтайском** *кечире* 'через', 'поперек'. В сочетании с именами управляет местным и винительным падежами. По своему значению он синонимичен послелогу 'ажыра'. [Орсулова, 2001, с. 47].

- Борлой јаңыс ла сууны кечире кечеле, јаратка токтоды. (Борлой, только переплыв через реку, остановился у берега) [Там же].

В **чалканском** послелог *кежире* управляет именительным падежом:

- йол-тьол кежире 'через дорогу'
- таг кежире 'через гору' [Баскаков, 1985, с. 51].

В **хакасском** *кизіре/кичіре* управляет основным и винительным падежами имен существительных и выражает пространственные отношения, указывая, что действие направлено и протекает через поверхность предмета, обозначенного словом, сопровождаемым послелогом кизіре/ кичіре [Донидзе, 1956, с. 13].

- эх, пу суғны кизіре тахта полҷан полза. (Эх, если бы через эту реку был мост…) [ДН, с. 13]
- суғ кичіре чібек тастадым (заг). (Через реку я перебросил шелковую нитку). [ГХЯ, с. 255].
- аэроплан талай кичіре учух-парыбысты. (Аэроплан перелетел через море) [ДРХ, с. 118]

В **шорском** языке *кежире* (через) используется с винительным и исходным падежами.

- пис кебебе суг кечире пардыбыс. (Мы на лодке переправились через реку) [ДРШ, с. 165; ШРС, с. 24].

- Қооғашқа қан урып / Көл кежире таштадым. 'В пузырёчек я налил кровь и кинул его через озеро' (загадка) [ДШ, с. 347]
- одуң чарыгы аргы көнӱчегин кежире шапча. 'Свет (огня) освещает плес, ударяет через плес' [ДРШ, с. 237]
- Қара талайды кечире аттыды. 'Перепрыгнул Чёрное море' [ДШ, с. 111].

В **тувинском** послелоги «kejir» и «kejildir» имеют значения «через», «поперёк». По мнению Юн-Сун Ли, тувинский послелог «kejildir» (с момента, после, изнутри) является деепричастной формой глагола *kečiltür < *keč-i-l-tür- и употребляется вместе со словами во внительном падеже [Li, 2004, с. 293].

- хемни кежилдир көвуруг тургускан. Через реку построили мост [ГТЯ, 1961, с. 438].

3.2.1.7. tüvün (вниз)

Считается, что этот послелог, означающий «низ», «вниз» произошёл от наречия «töben», которое в свою очередь означает «дно», «пол» и произошёл от слова «töb». В тюркских языках это слово имеет различные фонетические вариации, такие как «töb» (уйгурский, казахский, якутский), «tüb» (чагатайский, каракалпакский), «tüm» (алтайский), «dib» (огузский тюркский), tübya (чувашский) [Vámbéry, 1878, с. 158]. По мнению З. Коркмаз, слово «dip» приняло форму творительного падежа и образовало послелог «tüben < tüpen». Н. Хаджиэминоглу не согласен с тем, что аффикс «-en» является аффиксом творительного падежа, и говорит, что, если бы слово «tip» было поставлено в творительный падеж, то этим аффиксом было бы не «-en», а «-ün» [Hacıeminoğlu, 2015, с. 97]. Несмотря на это, данное слово можно встретить в исторических диалектах, например, в уйгурском в форме «töbün», в современных диалектах – в формах «tömön» (алтайский), «töbin» (хакасский), «dövün» (тувинский). Хотя Н. Хаджиэминоглу считает, что вышесказанному является объяснение «töpü+n» (töpü= tepe, верхняя часть +n аффикс творительного падежа), мы, исходя из значения слова, считаем, что вероятность этого невелика. Г.И. Донидзе [Донидзе, 1958, с. 18], исследовавший примеры из хакасского, отмечает образование данного послелога от «тӱп-» (низ, дно), а Т.Е. Орсулова [Орсулова, 2001, с. 43], исследовавшая послелоги в алтайском, считает, что этот послелог образовался от наречия «tömön». Хотя она не дает какой-либо информации по происхождению

данного наречия, скорее всего, она согласна с мнением Г.И. Донидзе и других учёных по данному вопросу. Этот послелог в хакасском и чулымском управляет именительным падежом, а в алтайском — винительным. В чулымском это слово чаще используется в функции послелога-имени с аффиксом, чем в функции послелога. Его употребление в качестве послелога не распространено.

(22). ағасы суу тӱвӱн ӧ:штӱр. 'Дерево плывает вниз по реке'

aɣas-ɨ	suu	tüvün	ö:š-tür
дерево-POSS.3SG	вода	вниз	плывать-PRS

(23). моғалакы тағ тӱвӱн тӱшыптыр. 'Медведь спускается вниз по склону горе'

moɣalak-ɨ	taɣ	tüvün	tüš-ip-tir
медведь-POSS.3SG	горе	вниз	спускаться-.-PRS

В **хакасском** языке *төбін* 'вниз', 'по', 'в' управляет основным падежом:

- иніс төбін пararға оой полған. 'Идти вниз по склону было легко' [ДН:18]
- тасхыл төбін инер алнында, олар пазох тынанғаннар. (Прежде чем спуститься вниз по тасхылу (под тасхыл), они снова отдыхали)' [ДН:18]

В **алтайском** послелог *төмөн* 'вниз', 'вниз по' является антонимом послелога *өрө* [Орсулова 2001, с. 43]:

- Таарын талдың будагына илип салала, бойы сууны төмөн алып, айлына јанып келди [ЛК,АК,75]. (Повесив мешок на ветку ивы, сам возвратился домой вниз по реке) [ОРС, с. 43]
- Уулчак јабуны төмөн тоголонып тӱшти. (Мальчик покатился вниз по крыше) [Там же]

В **шорском** *төбере* 'вниз', 'внизу'. [Невская, 1997, с. 90]

- Мус парыскан сонда. пис суг төбере палықтарга энерис. 'После того, как пройдет лед, мы поедем вниз на рыбалку'.[там же]
- суг төбере одаг турғусты. 'Вниз по реке шалаш поставил'. .[там же]

3.2.1.8. tüŋža (до)

Этот послелог, который мы обнаружили в чулымском, нельзя встретить в других тюркских языках, за исключением его

фонетических вариаций в шорском (tönče) и алтайском (töön). По крайней мере, в разделах о послелогах в учебниках по грамматике данный послелог не встречается. В орхонских письменах используется послелог «tag», означающий «по направлению», «до», а слово «tunja» или похожие слова не встречаются. В якутском можно встретить послелог «ten'ninen», основой которого является слово «tan'» (прямой, равный, одинаковый) и который, взяв аффикс родительного падежа третьего лица, используется в творительном падеже и означает «кроме». Однако, мы не думаем, что данный послелог имеет отношение к «tunja» (Считается, что этот послелог мог прийти из китайского, в южносибирских языках он существует в форме «ten» и означает «равный», «подходящий»).

Так как «tüŋža» (или его возможные фонетические вариации «töönče», «töön») является редко встречающимся послелогом, он мог не стать предметом этимологических исследований. По этой причине мы не смогли найти каких-либо работ, связанных с его этимологией. Этимология не является целью данной работы, однако необходимо остановиться на нескольких возможностях, связанных с происхождением этого слова. Вместе с тем, что существует вероятность происхождения корня этого слова от слов «tı» (продолжительный) или «tan-» (тесно связывать), это вероятность является очень слабой. Сэр Джерард Клосон в своём произведении «Этимологический словарь древних тюрков до тринадцатого века» говорит о слове «tı», которое, вне сомнений, существует в древнетюркском, но встречается очень редко и имеет предположительное значение «продолжительный» [EDT, 1972, с. 433]. Но в работе нет детального объяснения этому. Если бы не было алтайских и шорских вариаций, можно было бы подумать, что чулымская вариация имеет отношение к данному слову. Однако, исходя из имеющихся у нас сведений, очень сложно прийти к этому выводу. Другой возможный вариант – это вероятность происхождения этого слова от глагола «tan-» (тесно связывать). Тюркское или монгольское усилительное окончание «-ča» при присоединении к этому корню, предположительно, придаёт данному слову значение «тесно связанный», и из него могло быть создано новое служебное слово путём метафоризации. Но и эта вероятность на данный момент остаётся всего лишь абстрактной теорией.

Возможность происхождения этого слова от слов «tün» (ночь) или «tön-» (возвращаться) с учётом шорских и алтайских вариаций является более логичной.

Встречаемое нами в чулымском слово «tünǰa» наталкивает на мысль, что этот послелог мог образоваться от слова «tün-» (ночь). Однако, в этом случае возникает вопрос о том, какое отношение имеет этот послелог в его нынешнем значении к слову «gece». В произведении «Дивану лугат ат-тюрк» из пояснений Махмуда Кашгари о слове «tün» мы видим, что слово образовало различные существительные и глаголы со значением «темнота» и «ночь». Среди них есть также такие слова, как «gece» (ночь), «karanlık» (темнота), «gecele-» (ночевать), «konakla-» (оставаться на ночь). Например, образованный от «tün» глагол «tüner-» использовался для выражения того, что «какое-то место тёмное, там наступил вечер» [DLT, Ercilasun, Akkoyunlu 2014, c. 909]. От глагола «tüner-» при помощи соединяющей гласной /-i-/ и аффикса /-g-/, образующего существительное из глагола, было образовано существительное «tünerig». Tünerig имеет значение «могила» или «какое-либо тёмное место». Глагол «tünül-» же использовался для выражений «потерять надежду в связи с тем, что исход чего-то тёмен/безнадёжен» [Üşenmez, 2008, c. 400]. В мировоззрении турков это слово символизирует начало дня, конец ночи. Несмотря на то, что в древнетюркском слово «son» является самостоятельным, можно предположить, что метафорически ночь также ассоциируется с «концом, окончанием, смертью». Если принимать во внимание, что в чулымском послелог «tunja» имеет значения «последний пункт», «пункт назначения», «последняя граница», можно найти связь между словами «конец» и «ночь». Мы даём этот комментарий, исходя из живой сущности языка. Дошедшие до нас некоторые слова из орхонских письмён приобрели новые значения или полностью потеряли свои старые значения и превратились в новые слова в существующих языках. В связи с этим, я считаю достаточно сильной вероятность того, что мы можем проследить связь между словами «gece» и «конечный пункт». Таким образом, это слово обладает потенциальными семантическими особенностями для обладания значениями и «географическая граница», «последний пункт», и «последнее время», а также, что между словами «tunja» и «tun» существует крепкая связь.

Также сильна вероятность того, что происхождение этого послелога восходит к глаголу «tön-» (возвращаться). Дж. Кайа, предполагая, что в текстах средне-тюркского периода слово «tüne», выражающее время, является проблемным, начал дискуссию о происхождении этого слова [Kaya, 2014]. Э.В. Севортян [ЭСТЯ, 1980, с. 316], утверждает, что звук «-е» в слове «tün-e» возможно, является

направительным падежом, в то время как З. Коркмаз [Korkmaz, 1962, с. 11] расценивает этот же случай в качестве превращения аффикса направительного падежа в устойчивую форму. Дж. Кайа же говорит, что в слове известном как «tüne kün», часть, читающаяся как «tune», должна читаться как «tone», и утверждает, что это слово образовалось от глагола «tön-» и наречно-глагольного аффикса «-e». Он придаёт выражению «töne kün» значение «возвращающийся день», «прошлый день». В случае происхождения этого послелога от глагола «tön-» мы можем рассматривать в этой же группе и уйгурский послелог «töni», означающий «на протяжении», «во время».

Если принять достоверность этих сведений, мы можем получить ответ на вопрос, почему слова «töönče» и «töön» в алтайском и шорском встречаются в чулымском в качестве слова «tüŋža». Шорское слово «töönче» имеет одинаковое значение и функцию с чулымским словом «tüŋža», а алтайское «töön» означает «к, по направлению» и может различаться по смыслу и функциям. Что касается употребления в чулымском языке, можно сказать, что здесь это слово используется с функциями и пространства, и времени. При использовании с функцией пространства за ним наблюдаются такие значения, как «до определённого места, от части целого к другой части». При использовании же с функцией времени оно выражает временной отрезок окончания действия или ситуации. При использовании после существительных оно управляет дательным падежом.

(24). Пазындын азагына тӱӈжа. 'С головы до ног'

paz-i-(n)din	azaɣ-i-na	tüŋža
голова-.-ABL	нога-POSS.3sg-DAT	до

(25). Пу щолу поган Тогалдäткä тӱӈжа. 'Эта дорога доходила до Тегульдет'

Pu	š’olu	pogan	Töɣoldät-kä	tüŋža
это	дорога-POSS.3sg	быть-PST	Тегульдет-DAT	до

(26). Пäлтирьдин ала Ачинскайга тӱнжа чулуму пар қастын щери. 'От истока до Ачинска Чулым имеет горный характер'

Paltir'-din	ala	Ačinsqaj-ɣa	tüŋža	Čulum-u	par	qast-in	š’er-i
исток-	от	Ачинск-	до	чулым	есть	горе-	место-
ABL		DAT				GEN	POSS.3sg

При исследовании примеров из шорского языка мы видим случаи, похожие на примеры из чулымского: төönче (в говоре шорцев рр. Кондома и Томи), төйўнче, төйўнчи.

- поо төönче укпадым 'доселе я не слыхал' [ДРШ, с. 235]
- сельсоветке төönче паргам 'ходил до сельсовета' [Там же]
- төрт төлге төönче чажаган 'до четырех поколений он прожил' (из сказки) [Там же].

Алтайский послелог «дöön» также управляет дательным падежом и способствует тому, что идущее после него существительное отвечает на вопросы «куда?», «к кому?», «к чему?», «в сторону чего?».

- суу дöön барды. 'направился в сторону реки' [ОРС, с. 37]
- ўредўчи школ дöön басты 'учитель направился в школу' [Там же]
- мен јарат төön јўгўрдим. 'я побежал к берегу' [Там же]

3.2.1.9. udur (навстречу)

По поводу происхождения этого послелога существуют различные точки зрения. Р.М. Бирюкович согласна с Н.П. Дыренковой, которая рассматривает этот послелог как «ut-ur-u», и считает, что он произошёл от глагола «ut-ud» (следить) [Бирюкович, 1981, с. 102]. Нам сложно согласиться с этим мнением Р.М. Бирюкович. Скорее всего, она возможно находит его связь с послелогом «udu». Послелог «udu», впервые встречающийся в орхонском тюркском, является деепричастной формой глагола «ud-» (слышать, следить, преследовать) и в тюркских диалектах использовался в качестве послелога со значениями «сразу после», «после» [Tekin 1988, с. 19–177, Li 1998, с. 508].

Послелог «уду», происхождение которого Р.М. Бирюкович относила к тюркскому глаголу «уд-» со значениями «следить», «преследовать», «присоединиться» [ДТС, 1969, с. 93], был найден в орхонском тюркском в форме «уду» (и) и использовался в этих двух исторических тюркских языках в качестве послелога [Li 2004, с. 508]:

Уйгурский *udu* ('сразу после', 'после') простой, определяет местоимения:

- Bökünte unaru kimni tapınayın, kimni körüp ögireyin, kimnin udu yorıyın '...Кому я должен кланяться, кому должен радоваться, за кем должен идти после сегодняшнего дня...'

Караханский. *uzu*

- Aydım anar sawulma kulbak uzu yuwulma yuwga suwun suwalma kaptı menin kayımı. 'Я сказал ему: не вздумай отходить или отдаляться от меня. Не иди вслед за человеком, которого называют Кулбак! Не поливайся тончайшей струёй! Он не послушал меня и, взяв с собой моего Кайа (моего раба), ушёл' [DLT III, с. 80].
- Men anın uzu keldim. (Я пришёл вслед за ним). [DLT I, с. 87].

Другими словами, «udur» и «udu», о которых говорит Р.М. Бюркович, не подходят друг к другу ни с точки зрения значения, ни с точки зрения склонений. Послелог «udu» обычно управляет именительным падежом, а послелог «udur» – дательным, что ещё больше подтверждает нашу теорию. Это является причиной, почему мы согласны с учёными, которые считают, что этот послелог произошёл от слова, обозначающего «навстречу». Кроме того, мы не встретили послелога «udu» со значениями «следить», «после» в чулымском или других исследуемых нами языках. Скорее всего, этот послелог был заменён в современных диалектах другими послелогами с похожим значением.

Необходимо рассмотреть и другие мнения по поводу происхождения послелога «udu», встречающегося в чулымском. Э.В. Севортян в своём «Этимологическом словаре тюркских языков» [ЭСТЯ, 1974, с. 610–611] показал этот послелог как «uturu» и придал ему значения «напротив, навстречу, прямо». А. Габайн в своей работе «Грамматика древнетюркского языка» [von Gabain 1988, с. 95] выразила похожие взгляды и привела следующие примеры: yüzümüz utru (напротив нас), anıŋ utru turdaču (будет стоять напротив него), ilig bägkä utru yorıyı kälti (пошёл против правителя).

По мнению Г.И. Донидзе, исследовавшего послелоги в хакасском языке, *удур восходит к наречию удур – «навстречу», управляет дательным и, иногда, направительным падежом, выражает пространственные отношения, указывая на направленность действия навстречу объекту, обозначенному сопровождаемым словом* [Донидзе, 1956, с. 26, ГХЯ 1975, с. 260].

Н. Хаджиэминоглу считает этот послелог в древнетюркском союзом, а в караханской местности — послелогом [Hacıeminoğlu, 2015, с. 199]. По мнению Э.В. Севортяна, у слова «udur» было три значения (напротив, навстречу, прямо). Первые два из этих значений сохранились в хакасском и алтайском [Боргояков 1976, с. 20; Орсулова, 2006, с. 49]. В тувинском языке послелог имеет значение против [ГТЯ,

1961, с. 437; Хертек, 2006, с. 175]. Мы можем видеть сходное мнение и у Т.М. Тошаковой [Тощакова, 1956, с. 49] и Т.Е. Орсуловой [Орсулова, 2001, с. 39], исследовавших послелоги в алтайском. Они также считают, что корень этого послелога произошёл от слова «udur» (быть против, напротив).

Этот послелог в **чулымском**, так же, как и в тувинском и шорском, используется в значении «навстречу» и управляет дательно-направительным падежом. В алтайском также управляет дательным падежом [Тошакова, 1956, с. 49]. В хакасском, чулымском, алтайском, шорском на первый план выходят место-временные значения «напротив, навстречу», а в тувинском (при переносе из пространственной сферы в социальную) существует и такое значение как «быть против чего-либо, быть противником» [Хертек, 2006, с. 175].

При использовании вместе с существительными в направительном падеже этот послелог имеет следующие значения в чулымском:

(27). Писке удур улуғ қайук кälған. 'Нам навстречу большая лодка шла'.

Pis-ke	udur	uluɣ	qajuk	käl-ɣän
мы-DAT	навстречу	большой	лодка	идти-PST

(28). Охотникка удур могалақ кälген. 'Охотнику навстречу медведь шел'.

Oxotnik-a	udur	moɣalaq	käl-ɣän
охотник-DAT	навстречу	медведь	идти-PST

(29). Палазу қозануна удур қälген. 'Мальчик навстречу зайцу шел'.

Palaz-u	qozanuna	udur	käl-ɣän
мальчик- POSS.3sg	заяц-POSS.3sg-DAT	навстречу	идти-PST

В **хакасском** *удур* 'навстречу, против, к, прямо, по направлению к' управляет дательным и, реже, направительным падежами [Донидзе, 1956, с. 26; Боргояков, 1976, с. 20].

Туннель ікі хыринаң хазылчатхан. Тайра позының бригадазынаң тігі хырында полған. Ағаа удур Санпирнің бригадазы. Туннель прокладывался с двух сторон. Тайра со своей бригадой находилась с той стороны. Ей навстречу двигается бригада Санпира. [ДН, с. 26]

оларзар удур турна учуғып. Им навстречу летит журавль. [ДН, с. 26]

В тувинско-русском словаре приводится также и значение 'навстречу' [ТРС 1968, с. 434]. Существительное в форме дательного падежа в сочетании с послелогом «удур» выражает [Хертек, 2006, с. 175]:

пространственные отношения, указывая на направленность действия навстречу объекту, обозначенному сопровождаемым словом:

Хатка удур маңнаан челдиг аът сагышка кирер. (На ум приходит (вспоминается) мчащийся навстречу ветру долгогривый конь) [Там же, с. 188]

при переносе из пространственной сферы в социальную данный послелог указывает на действие, направленное против чего-либо или кого-либо.

Акы-дуңма бугу республикалар дайзынга удур сур куш кылдыр каттыжып алган. (Все братские республики объединились в могучую силу против врага). [Там же]

В значении «быть против чего-либо» он использовался следующим образом:

Чазактын удурланыкчылары бо хоойлуга удур шимчээшкин чорудуп эгелээн. (Оппозиция организовала кампанию против этого закона).

В **алтайском** *удура* 'против, напротив, навстречу' имеет значение 'навстречу, лицом к лицу' и обозначает конечную точку движения при движущемся навстречу ему локусе. [Орсулова, 2001, с. 39]

Карабаш ла Лидага удура папирос тиштенген Атамыш туштады (ЛК,ТУ,11б). (Навстречу Карабашу и Лиде встретился Атамыш с папиросой во рту). [Там же, с. 40]

В **чалканском** послелог *удура* управляет дательным падежом, а иногда также и направительным. Он выражает пространственные отношения, указывая на направленность действия навстречу объекту, обозначенному сопровождаемым словом [Тазранова, 2005, с. 36].

Тийиҥ оолчака удура чыгып кижи тили вле тьоктады (НАБ,ДЧ,102). ‘Белка, выбежав навстречу мальчику, заговорила человеческим языком.’ [Баскаков 1985:102]

В **шорском** языке *ӱдӱре* (навстречу) может использоваться в качестве наречий и послелога. Управляет исходным падежом.

- позы менең ӱдӱре одурып, каңза-нанчык капты (он сел напротив меня и вынул кисет (и из него) трубку) [Дыренкова, 1941, с. 230]
- менең ӱдӱре ак таскыл турча (напротив меня располагается горный хребет) [Там же, с. 166]

- тагдаң ага ўдўре кижилер эндилер (навстречу ему спускались с горы люди) [Там же]
- кўн айга ўдўре парча, ол аны көрбеенча (солнце движется навстречу месяцу и не видит его) [Там же, с. 99]
- таг төзинге кебе кезе туда перди (лодка к подножию горы прямо движется) [Там же, с. 230]

В новом **уйгурском** слово «udul, uddul» (прямо, напротив, прямой) при помощи различных падежных аффиксов используется в качестве послелога-служебного слова [Li, 2004, с. 758]: Biznin udulimizda 'против нас'; dohturhana öyimiznin udulida 'больница находится напротив нашего дома'; institutnin udulida 'напротив института'.

3.2.1.10. koža (с, рядом)

В тюркских языках встречается немало слов, которые при помощи словообразующего аффикса «–а» становятся деепричастием, а из него превращаются в послелог. Считается, что послелог «koža» также образовался в результате трансформации глагола «koš-» (добавлять, делать) в деепричастие. При употреблении в пространственном значении он используется для описания близости двух не движущихся объектов или временное пребывание движущегося объекта возле не движущегося [Башбуг, Чиркоева, 2018, с. 972].

Согласно книге «Грамматика хакасского языка» под редакцией Н.А. Баскакова [ГХЯ, 1975], этим послелогом в хакасском является слово «hoza». В данной книге, в главе написанной Г.И. Донидзе, даётся следующее описание данного послелога: «Хоза» восходит к деепричастию на -а/-е от глагола «хос» — «прибавлять», «смешивать», «присоединять», управляет дательным падежом и указывает на то, что в предложении кроме объекта, обозначенного именем в указанном падеже, есть ещё объект или объекты, на которые также распространяется действие, выраженное сказуемым. Соответствует послелог «хоза» русским «к», «вместе с», «наряду с», «кроме» [Донидзе, 1956, с. 26; ГХЯ, 1975, с. 260]. Юн-Сун Ли утверждает, что этот послелог в Южной Сибири в хакасском и шорском ставится после слов в дательном падеже и выражает значение совместности [Li, 2004, с. 316].

В чулымском языке информант (АФК) отмечает, что это употребление является очень редким в районе Пасечное. В таких

случаях они предпочитают использовать слово «š’anda». Таким образом, можно сказать, что употребление этого послелога сократилось, его место заняло служебное имя, используемое в функции послелога.

(30). ме:н е:бем кölбелä кожа. 'мой дом рядом с озером' (БР 102)

me:n	e:bem	köl-belä	koža
я	дом-POSS.1sg	озеро-COM	рядом

(31). кämäбелä кожа иге қогай чича:ты. 'рядом с лодкой две щуки лежат' (БР 102)

kämäbelä	koža	ige	qogaj	čiča:tɨ
лодка-COM	рядом	два	щука	лежать-PRS

(32). араны турувлу чулбла кожа*. 'сарай стоит рядом с рекой'

aran-ɨ POSS.3SG	turuvlu	čul-bla	koža
сарай	стоять-PRS	река-COM	рядом

(33). араны турувлу чул щанда. 'сарай стоит около речки'

aran-ɨ	tur-uvlu	čul	š’anda
сарай-POSS.3SG	стоять-PRS	река	около

(34). пар олур аныңбла кожа. 'иди и сядь с ним (рядом с ним)'

par	olur	anɨŋ-bla	koža
идти	сидеть	он-GEN-COM	рядом

(35). пар олур аныңщанда. 'иди и сядь с ним рядом'

par	olur	anɨŋ	š’anda
иди	сядь	он-GEN	рядом

(36). о:ғлаңнар отивотған игизиде кожа. 'дети сидели вдвоем рядом'.

o: ɣlaŋ-nar	otivotqan	igizinde	koža
мальчик-	сидеть	два	Рядом

3.2.1.11. košti/kosti (напротив)

Кроме того, в чулымском мы также встречаем слово «košti» (напротив), которое, по нашему мнению, имеет связь с послелогом и при употреблении в пространственном контексте имеет почти такие же значения. В шорском словаре это слово дается со значениями

«близко», «рядом». В хакасском же существует два слова, которые используются в похожих значениях и в функции послелога: «хада» в значении вместе и «хости» в значении рядом. «hada» образует комитативные связи, а «hosti» дает пространственное значение. В шорском мы встречаем наречие «kada», являющееся, как мы думаем, эквивалентом хакасского «hada» и означающее «вместе» [Дыренкова, 1941, с. 230]. Другими словами, используемые в шорском в различных функциях слова «кожа», «када», «кошта» имеют небольшие различия с хакасскими словами «hosti», «hada» с точки зрения их семантики и функций.

В связи с этим, встречаемые нами в чулымском слова «koža» и «košti», предположительно, также содержат различные семантические оттенки. Однако мы не смогли найти подтверждающих это сведений из источников и у информантов, с которыми мы работали. По этой причине, данная теория на сегодняшний день остается всего лишь предположением.

(37). тызыгы м:ен эвимниң кости олурған. 'кошка сидела напротив (около) моего дома'. (мел.)

tɨzɨg-ɨ	m:en	ev-im-niŋ	kosti	olur-ɣan
кошка	я	дом	против	сидеть

(38). ол палазының кости аргыжын олыртған. 'он заставил сесть друга напротив (рядом) своего ребенка'. (мел.)

ol	palazɨnɨŋ	kosti	argɨjɨn	olɨr-t-ɣan
он	ребенок	напротив	друг-	сидеть-PST

В **хакасском** языке:

- мининен хада, 'рядом с мной'
- олар хости чуртапчалар. 'они живут рядом' [РХС, 1961, с. 761].

В хакасском **хости** указывает на расположение чего-либо рядом, поблизости с другим предметом или лицом и управляет творительным падежом [Донидзе 1956, с. 32]:

- фотокарточкада Каматнаң хости пір чиит оол турчатхан — на фотокарточке рядом с Каматом стоял какой-то молодой парень [ДН, с. 32]
- Оля миннең хости пол парған — Оля оказалась рядом со мной [Там же]
- палазы іҷезінең хости турча — ребёнок стоит рядом с матерью [Там же].

В **шорском** кошта 'рядом', 'вплоть'; кожа 'вместе'.

Опираясь на данные источников, которые нам удалось исследовать, в шорском слово «košta» используется в качестве наречия. Однако, если учитывать, что в тюркских языках образованные от деепричастий наречия могут также использоваться и в функции послелога, можно прийти к выводу, что эти слова могут употребляться в функции послелога, располагаясь после существительного и управляя им.

- паллар кошта одурчалар. 'дети рядом сидят' [ШРС, 1993, с. 27]
- по меенме кошта ноо кижи парча что это за человек идет рядом со мной [ДРШ, с. 166]

3.2.2. Послелоги, выражающие временные отношения

3.2.2.1. ažɨra «свыше», «больше»

Значение этого послелога может меняться в зависимости от управляемого падежа. При использовании со словами в исходном падеже этот послелог имеет значения «свыше», «больше», а при управлении именительным или винительным падежом — получает пространственный смысл. При употреблении с числительными и указывающими на время существительными этот послелог формирует смысловую связь со значениями «превышающий указанное время», «больше указанного времени». В этих случаях он управляет исходным падежом. При использовании в именительном падеже появляется ещё один случай, когда послелог придаёт временное значение, и он очень часто встречается в тюркских языках. В таком случае этот послелог используется только со словами со значением времени, без числительных, и указывает на то, что какое-либо действие постоянно совершается «в указанный отрезок времени», но этот отрезок времени повторяется после остановки на единицу времени. Например:

(39). олар палалары ожин кӱн ажыра қырышӱбӱллар. 'они спорят из-за детей через день. (часто)' (мел.)

ar	pala-lar-ɨ	ožin	kün	ažɨra	qɨrɨš-übül-lar
они	ребенок-pl-3.POSS	из-за	**день**	через	спорить-PRS-3PL

(40). ол алында паратқан болн кӱнзей, эмди іöріэди кӱн ажыра. 'Он ходил раньше каждый день, а теперь ходит через день' [ДУ 118].

ol	**alɨnda**	**par-atqan**	**boln**	**kün-žej**
он	раньше	идти-PST	он	день-каждый

emdi	**iör-iedi**	**kün**	**ažıra**
сейчас	идти-PRS	день	через

Другими словами, как видно из примеров, данный послелог, используя такие временные единицы, как часы, дни, недели, годы, и, управляя именительным падежом, употребляется для описания действий и ситуаций, совершаемых с промежутками единиц времени, но регулярно продолжающихся.

В **шорском** кроме этих функций этот послелог также может использоваться для выражения того, что какое-либо действие или ситуация продолжаются в течение продолжительного времени.

- мен таң ажыра уйгу узубадым 'я всю ночь не спал' [ДРШ, с. 237]

в **тувинском** языке управляет именительным падежом.

- Чыл ажыра катап Сибирь баар турган. 'Он ездит в Сибирь раз в год'

В **алтайском** со словами, обозначающими понятие времени и в сочетании с числительными данный послелог *ažıra* управляет исходным падежом [Орсулова, 2001, с. 57]. Этот послелог используется с той же функцией и значением, что и послелог «aralas» в ногайском и «aralaš» в башкирском и татарском.

3.2.2.2. ala (с, начиная с)

В предыдущем разделе мы рассмотрели смысловые связи, образуемые этим послелогом при использовании в значении пространства. При использовании же с существительным он управляет исходным падежом и указывает на начальную точку какого-либо действия, ситуации или движущегося объекта. При описании пункта отправления и назначения движения он может использоваться со значением времени или пространства в зависимости от особенности существительного, которое он дополняет.

В конструкциях с временной связью этот послелог берёт на себя следующие функции:

1) Описывает, что объект продолжает движение соответствующего действия или ситуации, начиная с определённого периода времени:

(41). таг пузандин чигиттин ала, тайгысына щӧрвавс. (мы не ходили в тайгу со времени своей молодости). (мел.)

tag puzandin	čigit-tin	ala	tajgi -si-na	š'ör-va-vs.
с тех пор	молодой-ABL	с	тайга-POSS.3sg-	идти-NEG-1.pl

DAT

2) Указывает на начальную точку или отрезок времени действия или ситуации:

(42). щайзыдын ала анынбла мен щок кимде айдащозул. 'кроме меня никто не говорит с ним с лета' (мел.)

š'ajzɨ-dɨn	ala	a-nɨŋ-bla	men	šok	kimde	ajdaš'-ozul
лето-ABL	с	он-GEN-COM	я	нет	никто	говорить-PRS

В **хакасском** этот послелог не употребляется очень часто. Вместо него чаще используется послелог «сығара».

- иртеннең ала 'с утра';
- иртеннең сығара тоғынчам 'с утра работаю'; кічігден сығара 'с детсва'. [РХС 1961, с. 762].
- Мин кичеедең сығара ол хоостарны сағынчам – Я со вчерашнего дня думаю про эти рисунки. [Чертыкова, 2004, с. 162]

В **шорском** языке *ала* управляет исходным падежом.

- паштыркы уроктан ала 'с первого урока' [ШРС 1993, с. 130]
- Қайы темнең ала сен мында чатчаң? 'С какого времени ты здесь живёшь?' [ДРШ, с. 236]
- Мен аны кечеги күннен ала көрбедим. 'Я его не видел со вчерашнего дня'. [Там же, с. 237]

В алтайском языке *ала* ' с , 'со', 'начиная с' употребляется после имён существительных со значением времени и управляет исходным падежом [Орсулова, 2001, с. 54].

- Алан јаштаң ала јайлуга көчөрин тыҥ сүүйтен - 'Алан с детства любил кочевать на летнюю стоянку' [ОРС, с. 54]
- Ол өйдөҥ ала мен амырым јылыйтып койгом - 'С того времени я потерял покой'. [Там же].

В **тувинском** также управляет исходным падежом при выражении временное отношение.

3.2.2.3. čettir (до)

Мы затронули пространственную функцию этого послелога в предыдущем разделе. В предложениях с временным значением он берёт на себя функцию, схожую с функцией предлога «до» в русском. Он встречается во всех тюркских языках Южной Сибири. При использовании с временной функцией он управляет дательным

падежом и используется для указания на окончание действия или ситуации в определённое время. Этот послелог при использовании с временной функцией в чулымском имеет следующие значения:

1) Выражает последний временной отрезок действия или ситуации.

(43). игилаң оғащтар мең изимнаң кälғänарь ӱч часа четтир. 'двое детей пришли за мной до 3 часов'

igi-laŋ	oɣaš-tar	men	iz-im-naŋ	käl-ɣän-er	üč časa	čettir
два-COM	дети-pl	я	след-POSS.1sg-COM	прийти-PST-3pl	3 часа	до

Для указания на временное ограничение могут использоваться существительные, указывающие на год, времена года, день:

(44). ол келбезе часкызына четтир ол олуптыр. 'Если он не придёт до весны, значит он умер'. (мел.)

ol	kel-be-ze	časkɨ-zɨ-na	čettir	ol	ol-up-tɨr
он	прийти-NEG-OPT.3sg	весна-POSS-DAT	до	он	умер-CVB-PRS

(45). қышға четтир, көп истänерге käräк. 'мы должны много работать до зимы'

qiš-ɣa	čettir	köp	istän-er-ɣe	qäräk
зима-DAT	до	много	работать-INF-DAT	надо

2) Определяет, что действие или ситуация ограничены каким-либо временем или будут продолжаться с определённым временным ограничением:

(46). пу адайны азырбазабс, ол эртенге читире ӱрӱпсалық. 'если мы не накормим собаку, она будет гавкать до утра'

pu	adajŋɨ	azɨr-ba-zabs	ol	ertenɣe	čitire	ür-üp-salɨq
это	собака-ACC	накормить-NEG-OPT-1.pl	он	утро-DAT	до	гавкать-CVB-PRS

Данный послелог может образовывать словосочетания со словами, определяющими параметры, например, возраст, количество, размер, и выражает крайнюю границу ситуации:

(47). пу кämäбла пис тутувубс щӱс кило четтир палык. käп-арығ писке käräк щоғул. 'с этой лодкой мы сможем выловить только до 100 кг рыбы, нам больше не нужно' (мел.)

pu kämäbla	pis	tut-uvu-bs	šüs kilo	čettir	palliɨk	käp-ariɣ	piske	qäräk	šoɣul
с лодкой	этой	мы ловить-PRS-1.pl	сто	до	рыба	много-больше	мы-DAT	надо	Neg.COP

(48). пис а:ны тынна:быс кырык чаща четире 'до сорока лет мы его слушали'. (мел.)

pis	a:niɨ	tinna:b-ɨs	kirliɨk	čaš'a	četire
мы	он-ACC	слушать-PRS-3.pl	сорок	лет-DAT	до

Мы встречаем похожие употребления этого послелога для детализации действия, события или ситуации с временной стороны также в хакасском, шорском, алтайском и тувинском.

В **хакасском** *читіре* 'в течение', 'около' указывает предел во времени [Донидзе, 1956, с. 28].

- ол сірерде алты часха читіре халар 'он у вас останется до шести часов' (ДН:28).
- сменаа читіре ам даа ӱр. 'до смены еще долго' [Там же].
- читі кӱнге читіре полчадыр мойлары 'до семи дней продалжается их свадьба' [Там же].

В **алтайском** јетире 'до' обозначает предел во времени; управляет дательным падежом имён, числительных и указательных местоимений [Орсулова, 2001, с. 53].

- Мынайып олор орой тӱнге јemupe куучындажып јаткылады 'Так они разговаривали до поздней ночи' [Там же]
- Јаанат тогузон јажка јетире јӱрген. 'Бабушка прожила до девяноста лет' [Там же]
- Јайлуга јетире эмди де ыраак 'До летней стоянки ещё далеко' [Там же]

В **шорском** языке управляет дательным падежом.

- алтон чашка четтире тайгада аңнап чӧрдим 'До шестидесяти летного возраста я охотился в тайге'. [ДРШ, с. 165]
- тогус кӱнге четтире тойладылар. 'пировали в течение девяти дней' до девяти дней [ДРШ, с. 237]

В тувинском указывает на предел во времени, до которого совершается действие. Данное значение мотивировано пространственным значением директива-финиша [Хертек 2008, с. 184].

- Орайның он ийи шакка чедир ажылдадым. Я работал до двенадцати часов ночи. [Там же]

- эртенге чедир (до утро), бурун тиилелгеге чедир (до полной победы) [ГТЯ, с. 437]

3.2.2.4. kidin (с)

В работах, связанных с чулымским, это слово не расценивается в качестве послелога. По причине того, что аффикс **-din** в его последнем слоге похоже на аффикса исходного падежа, возможно, это слово не рассматривалось в книгах по грамматике в качестве послелога. Исходя из чулымского употребления, мы склонны считать, что данное слово является послелогом. Считается, что в различных словах из тюркских языков корень этого слова, имеющий значения «задний, назад, после», происходит от таких слов, как «ke», «ket», означающих «задний, назад, до» [ХРС, 1953, с. 73; ХРСС, 2006, с. 161; ДТС, 1969, с. 293; EDT, 1972, с. 704]. По мнению Г. Клаусона, это слово определяло одно из направлений в ранний период и использовалось в значении «на запад» при описании восходящего Солнца и в значении «на север» при описании Солнца в обеденное время. В кюэрикском и шорском наречиях встречается вариант «kezin», в алтайском, у алтайцев-куу и теленгитов — вариант ki:n (задний) [EDT, 1972, с. 704].

Э.В. Севортян [ЭСТЯ, 1974, с. 27], поясняя наречия направления Дж. Дени, говорит, что он пришёл к форме «ket-gerü» от форм «geri~keri~geru~keru», из которых исходил Н.К. Дмитриев. Используя ту же логику, и исходя из таких примеров, как «ič-re, taš-ra, on-re», он напоминает о примере «ked-ru». Однако, по мнению Э.В. Севортяна, в этом случае не поддаётся объяснению выпадение буквы «d» из слова «ked» [ЭСТЯ, 1974, с. 27]. Возможно ли, что такое наречие направления появилось в результате присоединения устойчивого аффикса -GarU к слову «ked», означающему «конец, задняя часть» [ДТС, 1969, с. 292], или от слова «ket», имеющему значение «конец, зад»? Ответить на этот вопрос достаточно сложно. Несмотря на то, что -GarU является самым распространённым аффиксом направительного падежа [Tekin, 1992, с. 88; Gabain, 1988, с. 65; Erdal, 2004, с. 177; Erdem, 2012, с. 628], Т. Текин говорит, что неизвестна степень причастности форм «-ra» и «-rU» к аффиксу «+GArU». Ответы на все эти вопросы, возможно, появятся в новых этимологических исследованиях. Юн-Сун Ли отмечает, что обнаружил форму этого слова в уйгурском – «kid», имеющую значения «сзади, на западе, на

противоположной стороне, север, на севере», и форму «ked», обозначающую «задний, запад», и даёт следующие примеры из тюркских языков [Li, 2004, с. 297–298].

Караханский:

- Aya minde kizin keligli munı okısan duada unıtma mini.

(Эй, тот, кто придёт после меня, если ты прочитаешь это, не забудь обо мне в своей молитве).

- Seninde kizin men tirig turmayın senin kazguların közün körmeyin (Пусть я не буду жить после тебя и не буду видеть твои волнения).

Хорезмийский:

- Ahšam bolmışta kezin takı küwečte bir anča ta'am kaldı (После наступления вечера в горшочке осталось опять столько же еды).

Саларский:

- Anden kiyin-ta pagsulını čiharmiš. (После этого он вынул его кишки).

Узбекский:

- Keče dörsdön keyin siz kayerde ediniz? (Где вы были вчера после урока).

По мнению Ли, этот послелог может использоваться в современных тюркских языках также в качестве существительного вместе с аффиксом. В приведённых им примерах из хакасского, шорского и алтайского языков мы можем видеть употребления в качестве существительного. Однако в этих примерах данное слово, как и отмечал сам Юн-Сун Ли, не используется в качестве собственно послелога [Li, 2004, с. 299–300]. Если посмотреть на примеры из чулымского, можно сказать, что это слово в чулымском также имеет функцию послелога, используемого в значении времени. В этих случаях оно берёт на себя функцию и значения, схожие с русским «с», и используется для выражения продолжительности какого-либо действия или ситуации, начиная с определённого времени.

(49). мен истептермен эртенкидин 'я с утра работаю'

men	isteptermen	ärten-kidin
я	работать-PRS-1.sg	утро-с

(50). адою күндўс кидин инирға олугған устал алтында 'собака сидела с утра до вечера под столом'

adoj-u	kündüs	kidin	inirγa	oluγγan	ustal	alt-i-nda
собака-POSS.3sg	днем	с	вечер-DAT	сидеть-PST	стол	под-POSS-LOC

(51). шай кидин пис щуравлывс мос щанда 'с весны живем около моста'

šaj	kidin	pis	š’uravl ɨ vs	mos	š’anda
весна	с	мы	жить-PRS-3.pl	мост	около

(52). ол эртен кидин пистиң щанда олуруп, сатаптыр шалазың 'он сидя рядом с нами с утра рассказывает сказку'

ol	erten	kidin	pistiŋ	š’anda	olurup,	satapt ɨ r	šala-zi- ŋ
он	утро	с	мы-ABL	около	сидеть-CVB	говорить-CVB-PRS-3.sg	сказка-POSS.3sg-ACC

Мы не встретили употреблений данного послелога в чулымском в пространственной функции. В хакасском и шорском же языках он используется не как собственно послелог, а в качестве существительного или наречия, взявшего падежный аффикс, и имеет значение «задний». В сравниваемых нами хакасских и шорских источниках мы видим, что это слово более часто используется в качестве прилагательного и наречия, чем в виде послелога. Кроме того, мы установили, что это слово во многих тюркских языках берет падежные аффиксы, выходит из функции послелога и становится служебным словом. В современных тюркских языках, в казахском, каракалпакском, кыргызском, узбекском и якутском это слово сохранилось в виде послелога, тогда как в значительной части других языков этот послелог выступает как имя. Кроме того, в якутском, каракалпакском, уйгурском языках существует и послеложная форма этого слова, и форма служебного слова, подвергшегося склонению.

Шорский

- козан, чӱгӱр парып, кезинги азағыба труды. [Чиспияков, 1992, с. 164] 'заяц ходит, стоит на задних ногах'

3.2.2.5. peer (с)

В случаях расположения после существительного и управления исходным падежом этот послелог определяет точку начала движения объектом. Существительное, выражающее точку начала движения, ставится в исходный падеж.

Если этот послелог располагается после существительного, обозначающего время, он управляет его исходным падежом и указывает на начало действия. Этот послелог также используется вместе со словами, обозначающими день, время года, год.

Чул.

(53). эртендин пеер ол саған осўнўң қызын. 'с утра он ждал свою дочку'

ertendin	peer	ol	saɣan	ösü-nüŋ	qɨz-ɨ-n
утро-ABL	с	он	ждать-PST	свой-GEN	дочка-POSS.3sg-ACC

(54). кечғен щылдын пеер кӧмäзäлä повсқан палықтору пистиң чуллорувста 'с прошлого года уменьшается количество рыбы в наших реках'.

kečɣen	š'ɨl-dɨn	peer	kömäzälä	povsqan	palik-tor-u	pis-tiŋ	čul-lor-uvs-ta
прошлый	год-	с	мало	быть-PST	рыба-pl-ACC	мы-ABL	река-pl-1.pl-LOC

В **хакасском** «*пеер* управляет исходным падежом имен и местоимений и выражает временные отношения, указывая на момент, от которого начинается действие, причем, время, в которое осуществляется действие, протяженность времени мыслится от момента, обозначенного словом в исходном падеже, к нам - к настоящему времени, если момент указывает на прошлое — *пўрнўкўннең пеер* 'с позавчерашнего дня' и к будущему времени, если момент указывает на настоящее — *пўўннуң пеер* 'с сегодняшнего дня'» [Донидзе, 1956, с. 29].

- мин кичеедең пеер көп ниме сағындым. 'со вчерашнего дня я многое передумал (о многом подумал)' [Там же]
- иртеннең пеер хар тың чаап турған. че аның соонда тохтап парған. 'с утра шел силный снег, но потом перестал' [Там же]

В шорском слово *пеере* управляет исходным падежом. Кроме связи места, оно также может образовывать временную связь (предел, с которого начинается действие, состояние).

- келгеннең пеере ўш чыл эртти. (с тех пор, как приехал, прошло три года) [ДРШ, с. 63]
- кечегидең пеере узупча (усча) 'спит со вчерашнего дня' [ДРШ, с. 235]
- пылтыргыдаң пеере Том турада ўгренчам 'я учусь в Томске с прошлого года' [ДРШ, с. 235]

В **тувинском** *бээр* выражают временное значение: точка во времени после ориентира:

- Сес шактан бээр кээр боор. 'Придет, может быть, после восьми часов.' [Хертек, 2008, с. 195]

- Дан бажындан бээр айтырыглар салып келдин. 'Ты задаёшь вопросы с самого утра' [ЧС]
- Школадан бээр чугааланмады 'Он вообще не разговаривал, начиная со школы' [ЧС]

В **алтайском** послелог *бери* 'с', 'начиная с' указывает на исходный пункт во времени, с которого началось действие. В сочетании с именами, местоимениями данный послелог управляет исходным падежом [Орсулова, 2001, с. 55]:

- былтыргы јылдаң бери 'с прошлого года', ол неделенең бери 'с той недели', беш частаң бери 'с пяти часо, кыштаң бери (с зима) [Там же]

В **чалканском** он управляет исходным падежом, сочетаясь с именами существительными и местоимениями [Тазранова, 2005, с. 38].

- Пурнадын мери анчы полуп тьаткан. ‘с давних времен был охотником.’
- Андын бери Павалак тегри кўргендин пери, ötпийт, ўн шыгарвийт (КЕП,ЧС,22). ‘с тех пор Летяга после первого грома не поет, не издает ни звука.’ [Тазранова, 2005, с. 38].

В **теленгитском** диалекте алтаского языка:

- 90 жылдаң бери мындый нämä кöрöн эмес. 'с 90х лет такое не видели'

В телеутском:

- кечеден бери кўчў пала пағыр йт. 'маленький ребенок плачет с вчера со вчерашнего дня'.

3.2.2.6. saj (каждый)

Считается, что корень этого послелога, который на русский переводится как «каждый» (ср. «еже-»), произошёл от древнетюркского глагола «sa-» (считать) [Gabain 1988, с. 94; Tekin 1968, с. 164; Tekin 2003, с. 151]. В большинстве тюркских языков он используется в различных фонетических вариантах. Он не встречается в тюркских языках огузской группы кроме туркменского. Несмотря на то, что в этих языках он отдал своё место персидскому слову «her», он широко употребляется во всех тюркских языках южносибирского региона. В исторических и современных тюркских языках он встречается в следующих формах: в орхонском тюркском, уйгурском, караханском и харезмийском – «sayu», в чагатайском – «sayu», «sayı», «sayın», в кумыкском, карачаево-балкарском, казахском, каракалпакском, ногайском, татарском, алтайском, кыргызском, бурабайском – «sayın», в чувашском – «seren», в долганском и якутском – «ayı» (aayı), в шорском – «saya», в хакасском и чулымском

– «say/zay» [Кононов, 1960, с. 306; Левитская, 1976, с. 119; СИГТЯМ, 1988, с. 494; Li, 2004, с. 400].

По мнению Юн-Сун Ли, употребление этого послелога в алтайском, хакасском и шорском со словами в родительном падеже является заслуживающим внимания [Li, 2004, с. 400]. Этот послелог использовался в орхонском тюркском с аффиксом и без.

- yir sayu bardı (я ходил везде), on orunlar sayuḳı (каждая первая из 10 остановок) [Gabain, 1988, с. 94].

В **орхонском** тюркском этот послелог управлял объектным падежом имён с аффиксом родительного падежа 3 лица:

- aligča ar tutdumuz ol ok tün bodunin sayu ı(t)tımız

'Мы поймали около пятидесяти солдатов и сразу в ту ночь отправили новость людям' [Т 42, из Tekin, 2003, с. 151]

Этот послелог в чулымском тюркском обычно располагается после временных наречий и управляет именительным падежом существительного. В этом случае он выражает повторение, продолжительность указанного времени. При использовании во временном значении он показывает, что субъект совершает действие постоянно или, что действие, которое не связано напрямую с подлежащим, повторяется в определённые периоды. Мы не встретили употребления этого послелога в чулымском в значении пространства, в котором он используется в алтайском. Мы не смогли найти также подобного употребления в хакасском и шорском языках.

(55). кӱн зӓй 'ежедневно', 'ир зай' каждый вечер, 'щыл зай' каждый год

(56). мӓн кӱн зӓй щӧрублум палықтавлым. 'я каждый день хожу на рыбалку' (мел.)

män	kün	zäj	š’örublum	paliqtavlim
я	день	каждый	ходить-PRS-1.sg	рыбачить-PRS-1.sg

(57). ӓрьтен зӓй ол қайнарала щиткан, кевседи ирьгала. 'каждое утро он куда-то исчезал и появился под вечер'. (мел.)

ärtän	zäj	ol	qajnarala	š’itkan	kevsedi	ir'gala
утро	каждый	он	куда-то	выходить-PST	появиться-PST	вечер

(58). тайна айдыбылы: о:лур мында диде; се:ң қа:дын кӱнзӓй кирӓде ӧлбӓс, читвӓс те:мир қан қа:тыңны а:псаған, ол каш ваған. 'Старуха говорит: Садись здесь (говорит), твоя жена каждый день заходит.

Неумирающий, недосягаемый, железный царь твою жену взял. Он спрятался' [Бирюкович, 1980, с. 53–62; Лемская, 2012, с. 188]
тайна айдыбылы: о:лур мында диде; се:ң қа:дын кӱнзӓй кирӓде. 'Старуха говорит: Садись здесь (говорит), твоя жена каждый день заходит.'

tajna	ajdɨbɨlɨ:	o:lur	mɨnda	dide;	se:ŋ	ka:dɨn	künzäj	kiräde
старуха	говорить-	сидеть-	здесь	говорить-	ты-GEN	жена-POSS.2sg	каждый день	заходить-

ӧлбӓс, читвӓс те:мир қан қа:тыңны а:псаған, ол каш ваған. ' Неумирающий, недосягаемый, железный царь твою жену взял. Он спрятался'

ölbäs	čitväs	te:mir	qan	qa:tɨŋnɨ	a:psaɣan	ol	kaš	vaɣan
умирет-NEG	достигать-NEG	железный	царь	жена-POSS.2sg-ACC	взять-PST	он	спрятиться- PST	AUX:идтиPST

А когда он располагается не после временных слов, а после действия, он означает «с момента совершения действия, как можно быстрее». Такое значение есть также в хакасском, шорском, телеутском, чалканском, барабинском языках.

(59). чи:т о:л пе:ртер пер кустун қуруқла:ңзай. 'Парень дает одну птицу каждый раз ...' [Бирюкович, 1980, с. 53–62; Лемская, 2012, с. 191].

či:t o:l	pe:rter	per	kustun	qurukla:ŋzaj
молодой парень	дасть-PRS	один	птица-ACC	каждый раз

(60). 'кӱн кӓлгӓн сайе ӧстър'. 'С каждым днем растет' [Абдрахманов 1970]

kün	käl-gän	saj	öst-ɨr
день	прийти-PST	каждый	расти-PRS

В хакасском этот послелог используется почти в таком же значении, как и в чулымском. Словами Г.И. Донидзе, «послелог “сай” управляет основным падежом имён существительных и, в зависимости от лексического значения сопровождаемого слова, указывает или на

регулярную повторяемость действия, или в определённые промежутки времени, т.е. выражает временные отношения, или же на то, что в действии принимают участие в роли субъектов или объектов все лица или предметы, обозначаемые названием, выраженным сопровождаемым послелогом словом “сай”» [Донидзе, 1956, с.16–17]. Этот послелог иногда управляет и родительным падежом.

Хак.

- харачхайлар Африказар хысхы сай учуғысчалар. 'Ласточки улетают в Африку каждую зиму' [Там же, с. 17].
- иир сай Играш Сафаров колхозниктерні позынзар чоохчаахха хығырғлап алҷаң (Каждый вечер Играш Сафаров приглашал колхозников к себе на беседу) [Там же].
- мынның алнында кўнниң сай письмо килчең амды чоғыл. 'перед этим каждый день приходило письмо, теперь нет' [Там же, с. 16–17].

Г.И. Донидзе отмечает, что этот послелог используется также после причастий и в этом случае означает «каждый раз, как (когда); всякий раз, как (когда)» [Там же, с. 17]. Однако в этом случае слово «say» теряет функцию послелога и становится наречием.

- гайғаа парған сай Торка апсахха кирчеңмін 'каждый (всякий) раз, когда я отправился в тайгу, я заходил к старику Торка' [Там же, с. 17]

В **шорском** языке управляет именительным падежом:

- чыл зайа Томазақта тынанча. 'каждый год он в Мысках отдыхает' [ШРС, с. 46].
- мен чылың сая ачыкка чӧргем 'я каждый год ходил на охоту' [ДРШ, с. 234]
- пистиң колхоз чыл сая ӧсча 'наш колхоз с каждым годом растет' [ДРШ:234].

В языке **барабинских татар**:

- алар кӧн сайын кӧлгä келип йӧзäтилäр 'они каждый день приходят к озеру купаться' [ДМБ, с. 109]
- ӧйсип йеткäн сайын паллар қоңырчақны ташлый паратылар

'подраставшие дети с каждым годом бросают кукол' [Там же, с. 86–91]

- по кӧ̄ннäн соң кӧ̄н сайын қойаш патарда, қойаш чығарта täрäс тӧ̄бӧ̄нтäги талға қонып, алый äйдä қойаты та ўräткäн пир йағына очоп кетäти тор. 'после этого дня ежедневно, когда заходит сольнце и восходит солце, сев на ветку ивы, находящуюся под окном, так поет (букв. говорить)' [Там же, с. 77–79].

В **телеутском**:

- Анаң ары күн таң атқан сайы өзүп јаантып палқаштаң пала эмеген абышқаны эне аба теп алардың алды кийниңе пазып јүреп пол парды.

'После этого стал глиняный ребенок день ото дня расти, старуху со стариком матерью и отцом стал называть, ухаживать за ними начал' [Токмашев, 2010, с. 323]

В **алтайском** этот послелог используется в форме «sayin» и имеет более широкое употребление, чем в хакасском и чулымском. Как отмечает Орсулова, этот послелог в качестве пространственной связи может использоваться в следующих трёх ситуациях и примерах [Орсулова, 2001, с. 39]

1) движение субъектов в разных направлениях;

2) перемещение или размещение лиц по местам природного ориентира;

3) разрозненное расположение предметов;

4) распределение предметов между лицами.

- Калганчы күнди городто кожо өткүреле, эртезинде ончозы айылдары сайын таркап јана бердилер. Вместе проведя последний день в городе, назавтра все разъехались по домам;
- Алтайдып кырлары сайын олордын" уулдары јурmazan – Абакан, Бураган, Каршыт, Јайык. По горам Алтая жили их сыновья – Абакан, Бураган, Каршыт, Дьайык.
- Је ле деген кебистер кажы ла кып сайын кере тартылган. Ковры развешаны по всем комнатам.
- Уредучи тетрадьтарды уренчиктер сайын улеп берди – Учительница тетради раздала каждому ученику; [Там же, с. 39]

Временное значение с послелогом сайын сводится к указанию протяженности и регулярного повтора действия во времени. В этом значении сайын употребляется после имен существительных со значением времени типа саат 'час', кун 'день', ай 'месяц', јыл 'год', и т.д., соответствуя русской приставке еже- (ежедневно, ежемесячно, еженедельно, ежечасно, ежегодно) [Там же, с. 51].

- Күнүң н ле сайын бис эртен тура репетицияга барып турдыс. [Там же] 'Каждый день (ежедневно) по утрам мы ходили на репетицию'

В **чалканском** диалекте алтайского:

- Күн ле сайын ңаңмыр д:аап д:ыт 'каждый ден идет дождь' [Баскаков, 1985, с. 49].

3.2.3. Послелоги, выражающие отношения соответствия, сравнения, включения–исключения

3.2.3.1. köre (по сравнению с; в соответствии с)

Считается, что этот послелог, образовавшийся от глагола «kör-» (видеть), сформировался при помощи аффикса деепричастия, как и другие похожие послелоги, образованные от глагола. Он образует смысловые связи соответствия, причины, ограничения, сравнения. Этот послелог встречается в большинстве тюркских языках и обладает двумя различными фонетическими вариантами: «köre» и «körü». Форма «körü» встречается в староуйгурском, караханском, казахском и каракалпакском [Li, 2004, с. 326]. Несмотря на употребление в турецком слова «göre», существуют две разные формы «körü», как можно видеть из примера «üstünkörü», который означает «небрежно, лишь бы отвязаться» и употребляется с функцией существительного, наречия и прилагательного, и из примера «elinin körü», которое употребляется в качестве слова упрёка в какой-то надоедливой ситуации. Однако мы считаем, что не нужно объяснять эти два слова в контексте данного послелога.

Первое из этих слов связано с глаголом «gör-» (видеть), а второе имеет отношение к персидскому слову «gûr», имеющему значение «могила» (elinin körü < ehlinin gûru (на могилу отца/матери)). У этой формы, которая, по нашему мнению, путём народной этимологии превратилась в форму «körü» и потом, каким-то образом лексикализировалась, и у слова «üstünkörü», пришедшего в турецкий путём заимствования, нет никакой связи с послелогом «köre», о котором идёт речь в данной главе. А. Бодроглигети также считает, что форма «üstünkörü» больше является лексикализованной формой, вошедшей в турецкий, чем синтаксической структурой [Bodrogligeti, 1972, с. 150].

В связи с этим мы можем сказать, что этот послелог встречается в группе языков, к которой относится и турецкий, в качестве «köre», а в староуйгурском, караханском, казахском и каракалпакском существует в форме «körü». В чулымском этот послелог управляет существительными и местоимениями при помощи дательного падежа. Так как слово «köre» используется и как послелог, и как деепричастие, их иногда путают. Если слово «köre» управляет дательным падежом, то это послелог, а если используется с винительным падежом, то это деепричастие. Сравнение, при употреблении в значении оценивания

состояния относительно чего-то другого, в чулымском встречается в следующим виде:

Чул.

(61). кешеге көре пӱӱн щакщы полған. 'по сравнению с вчерашним сегодня был хороший день'

kešege	köre	püün	š’akš’ɨ	polɣan
вчера-DAT	по	сегодня	хорошо	быть-PST

(62). пу казыңға көре те:г каз пӧзукче. 'те горы высокие по сравнению с этими горами'.

pu	kazɨŋɣa	köre	te:g	kaz	pözukče
это	горе-DAT	по	тот	горе	высоко

(63). пала.зың көре, ол да истенещоғул 'смотря на твоего ребенка, он не работает тоже'

pala:zɨŋ	köre	ol	da	istene-šoɣul
сын-POSS.2sg	по	он	тоже	работать-NEG

Можно сказать, что данный послелог широко распространен в хакасском, алтайском и шорском языках и управляет дательным падежом.

Хак.

- İкінҷі солдат nірсіне көре суға ох сом сыххан. [ГХЯ, с. 259] 'Второй солдат, смотря на первого, тоже полез в воду купаться.'

В **алтайском** *көрӧ* указывает на сравнение лица с другим лицом [Орсулова, 2001, с. 68]:

- Јергелейге көрӧ кичинек сыйны Клара сӱрекей чыйрак, шулмус - По сравнению с Дьергелей маленькая сестрёнка Клара очень шустрая, боевая. [Там же]
- Эмчин, ӧскӧ уулчактарга көрӧ, кижиге сӱрекей бӱдӱнкей ле ачык-јарык - По сравнению с другими мальчиками, Эмчин очень доверчивый и открытый к людям. [Там же]

В **тувинском** языке аналог отсутствует. [Хертек, 2008, с. 187]

Другая функция этого послелога в сибирских тюркских языках — это выражение соответствия в сочетании с существительными и местоимениями. Он часто используется после таких слов как «закон», «правило», «план». Он управляет существительными и местоимениями при помощи дательного падежа. Встречается также в хакасском, шорском и алтайском языках.

В **чулымском**:

(64). а:нын истегене көре ана перейге қерек пайдакча. 'по его работе ему надо дать больше'

a:n-iŋ	isteɣene	köre	an-a	perej-ɣe	qerek	pajdak=ča
он-GEN	работа-INF-DAT	по	он-DAT	дать-INF	надо	больше=POST

(65). садығчына көре мал семис. 'по торговцу скот жирный'.

sadiɣči-na	köre	mal	semis
торговец-DAT	по	скот	жирный

(66). устаға көре пазак тыктаға қерек 'по мастеру снова ремонтировать надо'

taɣ-a	köre	pazak	tikta-ɣa	qerek
мастер-DAT	по	надо	ремонтировать-INF	надо

(67). күнне көре палыктиға парайға керек. 'по погоду надо сходить на рыбалку'

kün-ne	köre	palikti-ɣa	paraj-ɣa	kerek
погода-DAT	по	рыбачить-INF	сходить-INF	надо

(68). писке көре ол шынык айтыптыр. 'на наш взгляд он говорит правду'

pis-ke	köre	ol	šindik	ajt-ip-tir
мы-DAT	по	он	правда	говорить-CVB-PRS-3sg

Этот послелог, имеющий три основные функции (сравнения, соответствия и причины), в подавляющем большинстве тюркских языков выражает все три значения, управляя дательным падежом. Управляя исходным падежом в шорском и казахском и исходным падежом в каракалпакском и карачаево-балкарском, он выражает значение соответствия. В каракалпакском при управлении исходным падежом он образует сравнительное значение.

В **шорском** языке көре 'по' 'смотря по':

- ааң способнозынаң көре (по его способности) ааң чобагынаң көре (по его труду) (ДРШ:167)

В **хакасском** языке этому послелогу соответствует послелог *хоостыра 1) через кого-л., что-л., 2)по* [ХРС 2006, с. 846]:

- предложениені пүдізі хоостыра ўзўрерге 'разбирать предложение по составу' [ХОС]
- забойщиктернің бригадазы пўўннең сыгара график хоостыра тоғызар 'с сегодняшнего дня бригада забойщиков будет работать по графику' [ДН, с. 20]
- гармония оңдай хоостыра хатыг сёстерге хатыгох хозымнар хозылчалар 'по принципу гармонии к твердым словам добавляются твердые гласные'. [ХОС]

3.2.3.2. öske (кроме)

Этот послелог встречается в большинстве тюркских языков и означает «кроме чего-либо». С точки зрения употребления и значения он похож на слово «баска» и почти во всех тюркских языках управляет исходным падежом. Несмотря на то, что он встречается в периоды османского и староанатолийского турецкого, этот послелог считается устаревшим в диалектах огузской группы. М. Рясянен отмечает, что это слово образовалось путём присоединения аффикса дательного падежа к слову «öz», означающему «сам, свой» [Räsänen, 1969, с. 377]. Юн-Сун Ли же [Li, 2004, с. 373] согласен с мнением Г. Дёрфер [Doerfer, 1987, с. 224] и отмечает, что первая гласная слова «özge» является короткой, а слово «öz», означающее «сам, свой» имеет длинную гласную, в связи с чем, сложно установить связь между этими двуми словами. Такие учёные, как Л. Будагов, В. Банг, М. Рясянен, Г. Й. Рамстедт считают, что это слово произошло от корня слова «öz», а по мнению Г. Вамбери, оно произошло от глагола «öz-, üz-», имеющего значения «отламывать, разделять, обособлять» [ЭСТЯ-I, 1974, с. 508]. По цитате А.М. Щербака, П. М. Мелиоранский считает, что этот послелог является окостеневшей формой дательно-направительного падежа от существительного «öз», который выступал в качестве существительного в значении «лучшая часть», «сердцевина», «сущность». В дальнейшем, видимо, от него развилось значение «другой», «иной», «отличный» от других [Щербак, 1987, с. 79].

В чулымском тюркском языке этот послелог управляет исходным падежом. Он может брать аффикс родительного падежа, может использоваться в функции прилагательного. Он также может быть заменён на послелог «баска и щок» без какой-либо потери или сужения в значении.

(69). мәндин öске, кимдн айдащоғул. 'кроме меня никто не говорит'

mändin	öske	kimdin	ajd-(a)š’oγul
я-ABL	кроме	никто	говорить- Neg.COP

(70). андың öске пис парчавс олурьпагавс ти:ң 'кроме него мы все убили белок.'

an-dıŋ	öske	pis	parčavs	olur'pa-gavs	ti: ŋ
ол- ABL	кроме	мы	все	убить-CVB-PRS-1pl	белка-ACC

В **шорском** *öске* может принимать аффиксы множественного числа, падежей и принадлежности. При использовании до существительного это слово выполняет функцию прилагательного в значении «другой, особый»; при использовании же после существительного и управлении существительного при помощи исходного падежа, оно берет на себя функцию послелога в значении «кроме». Его функция в шорском одинакова с функциями в чулымском и других тюркских языках.

- Öскелери ааң сооба шығыпыстылар. «Остальные вышли вслед за ним». [ДРШ:123]
- Öскелери бе ол қузуқ тözинде чат қалды. «Он остался лежать с другими около кедра». [ДРШ:123]
- Анаң öске кижи келбеен. «Кроме него никто не приходил». **послелог** [ДРШ:124]

В **алтайском** послелог *öскö* является синонимом послелога башка. Управляет исходным падежом и употребляется в тех же значениях, что и послелог башка. В алтайском языке öскö 'другой', 'иной' может принимать аффикс множественного числа и 3-го лица. [Орсулова, 2001, с. 61–62].

- Байрамкадаң öскö база бир кожоңчы келин бар болгон [там же] - Кроме Байрамки, была ещё одна женщина-певунья.
- Энениң jўрегинең öскö баланың jўрўми керегинде кем де сананбас - Кроме сердца матери никто не подумает о жизни ребенка. [там же]

В **тувинском** послелог *өске* 'кроме' выражает значения включения и исключения. В **хакасском** языке этот послелог отсутствует. [Хертек, 2008, с. 196].

- Кадайымдан өске меңээ кым-даа дузалашпаан. 'Никто, кроме моей жены, мне не помогал.' [Там же, с. 197]

3.2.3.3. baska/baška(кроме)

Это слово может употребляться в тюркских языках в качестве и прилагательного, и послелога и, по мнению М. Рясянена [Räsänen, 1969, с. 65] и А.Н. Кононова [Кононов, 1941, с. 29; 1941, с. 196], оно образовалось следующим образом: «baš (голова) + аффикс дательного падежа». Г.И. Донидзе, исследовавший примеры из хакасского языка, даёт похожее объяснение, но не вдаётся в детали [Донидзе, 1948, с. 29]. Н.К. Дмитриев в работе «Грамматика башкирского языка» [Дмитриев, 1948, с. 125] показывает преобразования слова в виде «на свою голову — отдельный, особый // отдельно, особо > кроме, помимо», но не даёт детального объяснения в этой работе. Такие учёные, как К. Брокельман, А. Г. Гулямов считают, что этот послелог произошёл от слова «baš» (голова). Вместе с тем, достаточно сложно объяснить его трансформацию от «baš» с дательным аффиксом в прилагательное со значением «другой» [ЭСТЯ, II, с. 93]. Как указывает Н.К. Дмитриев, по своему происхождению послелог башка является дательным падежом от существительного баш (голова, начало), причем эта форма обособилась от первоначального существительного, приняв свое специальное значение. Развитие значения при переходе отдельного слова в послелог (существительное - прилагательное - наречие - послелог).

Этот послелог при использовании с существительными и местоимениями в чулымском, хакасском, алтайском, шорском и тувинском языках управляет исходным падежом и указывает на изолированность лица, предмета, от других аналогичных лиц, предметов или действий. В этой функции он похож на русское «кроме».

(71). пу исти ондын пашка кимеле

(72). арыг кизилердин паска чуган кизилер келген. Кроме худых пришли еще толстые.

arıg	kiži-ler-din	paska	čugan	kiži-ler	kelɣen
худой	человек-PL-ABL	кроме	толстые	человек-PL	идти- PST.3sg

(73). андын паска парчазы щуртаблар қородун щанда. Кроме него все живут за город. (мел.)

an-dın	paska	parča-zı	š’urtablar	qorod-un	š’anda
ол-	кроме	все-POSS-3s.g	жить-PRS-3.pl	город-	около-
ABL				GEN	LOC

(74). мен.дин пашка jокала:ры пар салвärген. Кроме меня все ушли. [Дульзон, 1977, с. 152] (тутал.)

men-din	paška	jokala:rı	par	sal-vär-ɣen
я-ABL	кроме	все	идти (уходить)	AUX:класть-AUX:давать-PST

При использовании до существительного это слово выполняет функцию прилагательного в значении «другой, особый»; при использовании же после существительного и управлении существительного при помощи исходного падежа, оно берет на себя функцию послелога в значении «кроме».

(75). паска щерин кизиси 'человек из другого места (чужой)' (мел.)

paska	š’er-in	kiži-(S)ɬ(n)
чужой	место-GEN	человек.3PL-POSS

Его функция в **шорском** одинакова с функциями в чулымском и других тюркских языках. *пашқа* может принимать аффиксы множественного числа, падежей и принадлежности. Например:

- Ол пашқа тураға парды. «Он уехал в другой город». [Чиспияков, 1992, с. 129]

Однако в этом случае оно указывает не на послеложную особенность, а на особенность существительного, наречия или прилагательного. Для того чтобы мы могли определить его в качестве послелога, оно должно располагаться после имени в исходном падеже. Имена *пашка* и *öске* в позиции после имени в исходном падеже имеют значение «кроме» [Чиспияков, 1992, с. 129].

- Менең пашқа кем пилер, мен пилерим. «Кроме меня кто (будет) может знать, я узнаю». [там же].
- менең пашка парчазы парганнар (кроме меня все ушли) [ДРШ, с. 124]
- сенең пашка кем пилер (кроме тебя кто будет знать) [Там же]

В современном **алтайском** языке послелог *башка* управляет исходным падежом и имеет два основных значения: включения и исключения. В **хакасском** управляет исходным падежом имен и местоимений и указывает на изолированность лица, предмета или действия, обозначенного словом в исходном падеже, от других анологичных лиц, предметов или действий [Донидзе, 1956, с. 29].

- миннең пасха пӱӱрлерг ле піледірген чолларҷа апарарбын — я поведу по таким дорогам, которые кроме меня известны лишь только волкам. (Б. Полевой) [Там же].

- ибіре хайа-таснаң пасха ниме чох полған — 'кругом, кроме камней, ничего не было' [ХСО]
- синнең пасха пір дее кізі кілбеен — 'кроме тебя никто не пришел' [ДН, с. 29]
- Алчыбайның палатазында сестрадац пасха кізі хайынмаан. 'Никто, кроме сестры, в комнате Алчыбая не хлопотал.' [ГХЯ, с. 261].
- пу колде хорта ла пар, аннан пасха палых чогыл. В этом озере есть только налимы, других рыб нет. [ДРХ:118]

В современном **алтайском** языке послелог башка управляет исходным падежом и имеет два основных значения: включения и исключения. [Орсулова, 2001, с. 61]:

- Бистиң Туулу Алтайда эликтерден башка тооргылар база бар
  - 'В нашем Горном Алтае кроме косуль есть и кабарга' [там же]

В **тувинском** он используется для указания на то, что кроме лица или предмета, обозначенного словом в исходном падеже, в осуществлении того или иного действия участвуют (сказуемое в положительной форме) или не участвуют (сказуемое в отрицательной форме) еще и другие лица или предметы [Шамина, 2001, с. 193; Хертек, 2008, с. 196].

- Менден башка сен дээш сагыш човаар кижи-даа чок. 'Кроме меня, никто о тебе не побеспокоится.' [Хертек, 2008:196].

3.2.3.4. ажıra (больше чем)

Употребление данного послелога в пространственном и временном значении мы рассмотрели в соответствующих разделах. Этот послелог, который мы встречаем в каждом периоде тюркского языка от времён орхонского тюркского до сегодняшнего времени, в дополнение к формированию пространственных и временных смысловых связей образует также уподобительную связь со значениями «больше», «свыше». В хакасском этот послелог может использоваться после именительного, винительного и исходного падежей [Донидзе, 1956, с. 9–10; Баскаков и Инкижекова-Грекул 1953, с. 438], в шорском – с именительным, винительным и исходным [Дыренкова, 1941], в тувинском – с именительным и исходным падежами [ГТЯ, 1961]. При употреблении после количественной группы он выражает количественное превосходство. Послелог встречается с этим же значением не только в таких южносибирских языках, как чулымский, алтайский, хакасский, шорский, но также в казахском и киргизском. Этот послелог при управлении в выше

указанных языках именительным падежом имеет значение времени и указывает на избыток вместе со словами в исходном падеже.

(76). мындын Тўктет иги щўс километра ажыра. 'Тюхтет находится больше чем за двести километров отсюда'

mindın	Tüktek	igi	š'üs	kilometra	ažıra
тут-ABL	Тюхтет	2	100	километров	больше

(77). пис ölўrьpагавс он пес ажыра козан. 'мы подстрелили более 15-и зайцев'

pis	ölür'pagavs	on	pes	ažıra	kozan
мы	убить-AUX:быть-PST-1.pl	10	5	больше	заяц

По мнению Г.И. Донидзе, в **хакасском** языке послелог *азыра*, при употреблении уподобительных отношений (значение превышения счета и количества) управляет основным (при именах числительных) и исходным падежом [Донидзе, 1956, с. 11, ГХЯ, 1975, с. 254].

- кип-азах тікчең мастерлер ноябрь айда планнаң азыра 8 му ң салковайға өң -пазы киптер сығар салғаннар. [ДН:11] 'Мастера шьющие одежду выпустили в ноябре на 8 тысяч рублей различной одежды сверх плана'
- колхозниктернің тураларында ікі чўс азыра радиоточка турғызылған. 'в домах колхозников установлено более двухсот радиоточек'. [ГХЯ:254]
- пір чўс азыра кіизі килген — пришло больше ста человек

В шорском языке:

- ол оглан, чегирбе чаштаң ажыра полбас 'он был моложе, ему не было еще и двадцати лет' [ДРШ, с. 237].
- мен таң ажыра уйгу узубадым 'я всю ночь не спал' [ДРШ, с. 237].

В **тувинском** языке данный послелог, *ажыр*, управляет исходным падежом. По мнению Хертек, в значениях, производных от пространственного, в тувинском языке существительное в форме исходного падежа в сочетании с этим послелогом обозначает наличие чего-либо в избытке (предметов, выполнения действия) [Хертек, 2006, с. 184]:

- Чустен ажыр баш малдыг кижилерни тудуп бажыңнааш. 'Посадив в тюрьму людей, у которых больше ста голов скота...' [Там же]

В этих языках место этого послелога могут занять также слова «artix» и «köp». В этом случае не происходит какого-либо изменения в значении.

3.2.4. Послелоги, выражающие отношения подобия

В чулымском послелоги, образующие смысловые связи подобия – это *čilep*, *sindɨg*, *kökten*. Необходимо заметить, что за послелогом «чилеп» закреплена по большей части область выражения внутренних качеств и свойств, которые характеризуют сравниваемые объекты. За послелогом «sindɨγ» по большей части закреплена область обозначения внешнего сходства, но также отмечены случаи выражения характерных свойств, сравниваемых объектов [Бирюкович 1981, с. 103]. Послелог «коктен» используется для того, чтобы выразить лишь внешнее сходство. [Бирюкович, 1981, с. 10]. Таким образом первых два послелога обозначают не только внешнее сходство, но и поступки, физические характеристики, поведение, действия и прочие признаки, характеризующие деятельность.

3.2.4.1. šilep, šili (как)

Этот послелог употребляется в похожей функции, что и русский «как». Считается, что он сформировался от деепричастной формы глагола «čile-» (походить) [Li, 2004, с. 210]. Н.П. Дыренкова объясняет структуру этого послелога в качестве či+le+p ~ čɨ+la+p и относит его происхождение к послелогу-аффиксу «če/ča» [Дыренкова, 1941, с. 241]. Он похож на встречающийся в тофаларском языке послелог «чылачжы» с точки зрения значения и функции. В. И. Рассадин, исследовавший примеры из тофаларского, отмечает что, этот послелог, видимо, глагольного происхождения — деепричастие на -ы от глагола *чылаш- 'быть похожим, подобным', который является взаимно-совместным залогом от глагола чыла- 'быть таким, как..., поступать так, как....', бытующего в современном языке [Рассадин, 1978, с. 260]. В **чулымском** языке этот послелог обеспечивает формирование смысловой связи подобия одного предмета с другим сравниваемым предметом. Он образует эту связь в нескольких различных формах. Во всех словосочетаниях, где это слово используется в качестве послелога, оно управляет существительным в именительном падеже.

– Сравнение по внешнему виду

(78). а:нын чачы көп поған ағас-шили. 'Её волосы были густые как лес'

a:nɨŋ	čačɨ	köp	poγan	aγas	šili
он-GEN	волосы-3sg.POSS	много	быть-PST	дерево	как

– Сравнение по образу действия

(79). ол парсған өзүнүн эвин кыя ылан-шилеп. 'он прошел мимо своего дома как змея'

ol	parsɣan	özü-nüŋ	ev-iŋ	kɨja	ɨlap	šilep
он	идти-PST-	сам-3sg.POSS	дом-3sg.POSS.ACC	мимо	змея	как

(80). адою маға шили маклаттыр 'собака как лякушка квакает'

adoju	maɣa	šili	maklat-tɨr
собака-POSS.3sg	лякушка	как	квакать-PRS-3sg

(81). щылларбла ол айтыплы адасы-шилеп. 'с годами он стал говорить как его отец'

šɨl-lar=bla	ol	ajt-ɨp-lɨ	ada-sɨ	šilep
год-PL=с	он	говорить-PRS	отец-POSS.3sg	как

В **шорском** он управляет именительным падежом и используется в похожей функции. У шорского народа, проживающего в верхних частях реки Кондома и Мрассу, встречается вариант «чылап». Кроме того, в шорском можно встретить также укороченный вариант этого послелога – «чеп» [Дыренкова, 1941, с. 242]:

- калык чакшы по черде чыш-чилеп турча. 'народ на этой земле стоит, словно тайга' [ДРШ, с. 242]
- он куюн-чилеп полды 'он был словно вихрь' [ДРШ, с. 242].
- Адай чилеп ақтапчазың 'Лаешь, словно собака' [Чиспияков, 1992, с. 107]
- Таг чилеп тарынды, талай чилеп шишти. 'Словно гора рассердился, словно море вздулся' (из эпоса). [там же]

В **хакасском** *чіли* 'как, подобно' управляет основным падежом имен и местоимений и выражает компаративные (уподобительные) отношения, указывая на способ и образ действия. С причастиями прошедшего времени на -ган, -ген, хан, -кен послелог чили соответствует русским *словно* и *будто* [Донидзе, 1956, с. 21]

- Нымзах тӧзек устығ тас чіли пілдірер 'мягкая постель покажется твердым камнем' (ДН:21)
- пулуттар тигірче улуғ салғахтар чіли тарапчатхан — 'тучи расходились по небу как большие волны' (ДН:21)

- Анда корабльлар, чазыда тракторлар чӧрген чіли, чӧрчелер. там корабли ходят словно тракторы в степи. (ДН:21)

В **сагайском** дилекте вместо *чіли* используется *чілеп*:

- мин син чілеп тоғынарга сағынчам 'я хочу работать как ты' [Кыржинакова, 2010, с. 83]

В **тофаларском** языке по мнению В. И. Рассадина *чылачжы* как словно передает уподобительные отношения. Конструкция с этим послелогом имеет только обстоятельственную функцию, выступая как наречия [Рассадин, 1978, с. 260]:

- кат чылачжы келген 'приехал внезапно', 'словно ветер налетел' [там же]
- сен аът чылайыдыр сен 'ты ведешь себя, словно конь' [там же]

3.2.4.2. sindiӌ (как, словно)

Мы не смогли найти конкретной информации по поводу происхождения этого слова. Мы придерживаемся двух возможностей происхождения этого слова. Есть возможность, что это слово восходит к слову «sin», которое встречается в уральских и алтайских языках и имеет значения «вид, облик, образ». В «Марийско-русском словаре», подготовленном Васильевым В.М. , Саватковой А.А. и Учаевым З.В. [МРС, 1991, с. 319] слово «sin» переводится как «вид, облик, образ», а слово «sinan» – «похожий на кого-то, на что-либо». В других источниках, в которых мы встречаем слово «sin», например, в «Карачаево-балкарско-русском словаре» под редакцией Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева [КБРС, 1989, с. 584] мы встречаем значения «облик, внешний вид», в «Ойротско-русском словаре», составленным Н.А. Баскаковым и Т.М. Тошаковой [ОЙРС, 1947, с. 136] – значения «рост, стан, туловище», в «Шорско-русском, русско-шорском словаре», составленным Н.Н. Курпешко-Таннагашевой и Ф.Я. Апонькиным [ШРС, 1993, с. 50] – значения «хребет, вид, фигура, рост», в «Хакасско-русском словаре», составленным Н.А. Баскаковым и А.И. Инкижековой-Грекул [ХРС, 1953, с. 207] – значения «рост, хребет, длина».

Если принимать во внимание значение послелога, то кажется более вероятным его происхождение от слова «sin». Мы встречаем слова, которые могут иметь связь с этим словом, на очень широкой географии. Например, старотюркское слово «sindik» в наречиях анатолийского турецкого, означающее «ножницы», слово «sindi» в казахском, означающее «подобный; похожий; аналогичный». В связи с этим, объяснение происхождения этого послелога в виде структуры sin

(вид) + dі (аффиксприлагательного) + k (аффикс, образующее существительное от существительного) является вполне логичным. Кроме того, в шорском существует аффикс, который употребляется в формах -tig, tig, dig, dig и указывает на уподобительную связь. Э.Ф. Чиспияков определил этот аффикс как аффикс-послелог [Чиспияков, 1992, с. 107]. Учитывая употребление этого аффикса, мы считаем, что форма sin-dik является наиболее правильным объяснением происхождения этого слова.

Согласно другой возможности, этот послелог мог быть образован от корня глагола «sі-», имеющего значения «ударять, разрывать на части, ломать, делить». Мы считаем, что неправильно объяснять этот послелог в форме sі+n+dҤG (корень глагола+аффикс, образующее глагол от глагола+аффикс отглагольного прилагательного). По нашему мнению, нельзя оценивать структуру «-dig» в качестве аффикса отглагольного прилагательного в примере из чулымского, потому что в древнетюркском эта морфема, являвшаяся окончанием отглагольного прилагательного, имела только следующие фонетические варианты: «-duk» и «dük». Если принимать во внимание, что формы «-dik» и «dik», то есть их вокальная гармония, развивались больше в западном тюркском, то становится невозможно рассматривать это аффикс в качестве аффикса отглагольного прилагательного.

С точки зрения функции и значения этот послелог похож на послелог «чилеп». Однако примеры из чулымского показывают, что «чилеп» более предпочтителен при описании внутренних особенностей, а «сындыг» – внешних, хотя и отмечены случаи выражения характерных свойств сравниваемых обьектов [Бирюкович, 1981, с. 103].

(82). анын еви пашламы пирдим аран синдых. 'его дом был такой грязный как сарай'

anіŋ	evi	pašlamі	pirdim	aran	sindіɣ
он-GEN	дом-3sg.POSS	грязный	как будто	сарай	как

(83). қучуғач пу адай сындығ 'щенок похож на эту собаку' [БР, с. 103]

qučuɣač	pu	adaj	sindіɣ
щенок	это	собака	как

(84). палáз:ы агá:зы сындығ 'сын похож на отца' [БР, с. 103]

palaz:і	aga:zі	sindіɣ

сын-POSS.3sg	отец-POSS.3sg	как	

(85). ол'ганың мäңзе над'ä сындыҕ 'Лицо у Ольги как у Нади' [БР:103]

Ol'ga-niŋ	mänz-e	nad'ä	sindiɣ
Ольга-GEN	лицо-POSS.3sg	Надя-DAT	как

В шорском мы обнаружили две структуры, используемые в подобной функции: аффикс-послелог *-тыг/дыг*, который подобным образом определил Чиспияков [1992, с. 107] и который может выражать похожее свойство, и послелог *чӱннӱг*, используемый для выражения физического сходства.

- Пӧрӱчек адай палазы **чӱннӱг**. 'Волчонок похож на щенка'. [Чиспияков, 1992, с. 107]
- По апшый кижи меең абамға **чӱннӱг**. 'Этот старик похож на моего отца'. [там же]

Чажындыг от қойча. «Огонь горит как молния». [там же]

В **хакасском** встречается послелог *төй* с похожими функциями:

- аттаң пӧзік ах палтырғаннар көбікке төӧй чайхалысчалар —
  'белые пучки, поднявшиеся выше лошади, как белая пена раскачиваются'
- илбек чазының пуғдай полосазы талайға төӧй салғылча —'полоса пшеницы великой степи колышется словно как море' [ДН, с. 25]

3.2.4.3. kökten (как, словно)

Принимая во внимание значение этого послелога, мы можем объяснить его происхождение структурой kök+te-n. Другими словами, данный послелог образовался в результате присоединения аффикса «-te», которое является образующим глагол от глагола окончанием и практически не используется в современных языках, к слову «kök», означающему «начало, происхождение, род чего-либо». К полученному глаголу со значенем 'привязывать, соединять' присоединилось аффикс, образующее существительное от глагола — «-n». Другая вероятность происхождения этого послелога может быть объяснена структурой kök+ten. В данном случае аффикс «-den», образующее существительное от существительного и обладающее неопределённой функцией, присоединилось к слову «kök», в результате чего мог образоваться данный послелог.

Нельзя сказать, что это в **чулымском** широко распространённый послелог. Он употребляется для выражения только внешних подобий и имеет такую же функцию, что и послелоги «чилеп» и «sindɨɣ». Р.М. Бирюкович считает, что данный послелог, в отличие от них, управляет винительным падежом [Бирюкович, 1981, с. 104]. Однако в мелетском говоре чулымского языка мы наблюдали, что данный послелог управляет и дательным падежом.

(86). ол туган ага:зын көктен 'он на родного отца похож' [БР:104]

ol	tugan	aɣa:z-ɨ	kökten
он	родной	отец-ACC	похож

(87). қучуғач коины көктен, түгтүр. 'щенок на овцу похож, лохматый' [БР:104]

qučuɣač	koj-nɨ	kökten	tügtür
щенок	овец-ACC	похож	лохматый

(88). телнäк қулунаққа көктен. 'теленок на жеребенка похож' [БР:104]

telnäk	qulunaq-qa	kökten
теленок	жеребенок-DAT	похож

(89). пала:зы адо:зуна көктен 'сын как отец'

pala:zɨ	ado:-zu-na	kökten
сын-3sg	отец-3sg-DAT	похож

(90). кызы энезине көктен паган. 'его дочка стала похожа на свою свекровь'

kɨzɨ	ene-zi-ne	kökten	paɣan
дочка-3sg	свекровь-3sg-DAT	похож	быть-PST

3.2.4.4. ošhaš (подобно, как)

Этот послелог, образующий связь сходства, используется в той же функции, что и послелоги «чилеп, сындыг, kökten». Его значение и функция похожи на русские слова «как, подобно». Считается, что это слово образовалось от глагола «okša-», имеющего значение «походить». По мнению А. фон Габена, он образовался при помощи аффикса «-а» и слова «okuš», означающего «родство, род» [Gabain,

1954, с. 36]. Т. Текин же прочитал этот глагол как «ugša-» и считал, что этот послелог образовался от аффикса «-а» и слова «uğuš», означающего «поколение, клан» [Li, 2004, с. 345]. В узбекском, казахском, киргизском, татарском, башкирском, современном уйгурском он управляет дательным падежом, а в таких сибирских языках, как чулымский, хакасский, шорский, алтайский, тувинский – именительным падежом. В языках огузской группы данный послелог не встречается. В словосочетаниях с существительными и местоимениями он образует сравнительную связь. В этом случае он обеспечивает сравнение двух предметов с точки зрения взаимного подобия. В словосочетаниях с причастиями, которые имеют аффикс прошедшего или настоящего широкого времени, он может взять на себя предикативную роль и образовывать смысловую связь предположения. После существительных и местоимений он может действовать в качестве независимого сказуемого предложения. В данной ситуации он, конечно, теряет функцию послелога и становится существительным или субстантивированным сказуемым.

(91). путкаба! адою көп өпкелиғ пөөрү ошхаш. 'не перепутай! его собака очень злая, как волк'.

putka-ba!	adoju	köp	öpkeliγ	pöörü	ošxaš
перепутать-	собака-	много	злая	волк	похож

(92). мен өзүрүк кижи окшок пари:м 'я прикинусь пьяным (буду подобно пьяному человеку)' нч. (ДУ 132)

men	özürük	kiži	okšok	pari:-m
я	пьяный	человек	подобно	прикинуться-1sg

В **хакасском** данный послелог управляет основным падежом, выражает компаративные отношения, указывая на лицо или предмет, с которым сравнивается другое лицо или предмет. Если управляемое послелогом *осхас* слово имеет при себе частицу усиления -ох, -ок, то хакасскому *осхас* будет соответсвовать русское *такой же, как и*. [Донидзе, 1956, с. 14]:

- пис-алты чылдаң мында Ағбанох осхас улуғ город турыбызар — (через пять-шесть лет здесь поднимется город такой же большой как и Абакан) [ДН:14]
- көмір осхас хара — черный как уголь
- тыхтаан соонда машина наачылан парған осхас — после ремонта машина стала как новая [ХСО]

В **шорском** языке *ошқаш* (~ушкаш~ушкуш) 'подобно как, похоже на, словно, подобно, похоже'.

- Пӧрӱчек адай палазы ошқаш. «Волчонок, словно щенок». . [Чиспияков, 1992, с. 107]
- ол пай кижи адай ошкаш чабал кижи полган (тот богач был, как собака злой (человек) [ДРШ:242]
- Анда чалаң ошқаш чер полған. «Там была местность, как (словно) степь». . [Чиспияков, 1992, с. 107]

3.2.5. Послелоги, выражающие комитативные отношения

3.2.5.1. pirge (вместе)

В тюркских языках существует несколько послелогов, образующих комитативные связи. Считается, что корень большинства из них происходит от слова «bir». Распространено также схожее мнение по поводу происхождения послелога «birge». Г.И. Донидзе [Донидзе, 1956, с. 32] утверждает, что в структуре «pir+ge» – «pir» является числительным, а «-ge» – аффиксом. Мнение о происхождении данного слова от слова «bir» является распространённым и признаётся также такими учёными, как Т. Ценкер, В.В. Радлов. Учёные, имеющие подобное мнение, считают, что это слово происходит от древнего наречия «birgerü», которое, в свою очередь, образовалось от аффикса «karu», являющегося показателем направительного падежа. По мнению Э.В. Севортяна, наречие «birge» является более новообразованным, чем наречие «birgerü» и встречается не ранее периода армяно-кыпчакских текстов [ЭСТЯ, 1978, с. 149].

Однако в орхонском тюркском «birgerü» означает «по направлению на юг». Если брать во внимание это значение, начинают бросаться в глаза некоторые вопросы касательно этимологии этого слова. В орхонском тюркском, наречия места образовывались при помощи показателей {+A}, [+DXn], {+gArU}, {+rA}, {+rU} и {+DA}. Из них аффикс «+GarU» являлось достаточно распространённым [Tekin, 1992, с. 88; Gabain, 1988, с. 65; Erdal, 2004, с. 177]. Т. Текин в своей книге «Orhon Türkçesi Grameri / Грамматика орхонского тюркского языка» в главе о наречиях места отмечает, слово «ilgärü», показанное в качестве аффикса направительного падежа {+gArU}, которое образовало такие наречия, как kurıgaru – kurgaru, birgärü, yıŕgaru, и, объясняя слово «birgärü», утверждает, что это слово образовалось от форм «birgärü» (по направлению к югу), <*biri (эта сторона, юг) [Tekin, 2003, с. 135].

В той же работе в главе о послелогах встречается слово «birge» и послелог «birlä», означающий «вместе, с» (*bi:r+lä). Однако, если смотреть на оба пояснения, можно сделать вывод, что Т. Текин относит происхождение слова «birgarü», рассматриваемое им в контексте наречия места к корню «biri», имеющим значения «эта сторона, юг», а происхождение слова «birle», рассматриваемое им в качестве послелога к корню «bir». Но известно также, что Текин считает, что нет определённой связи форм «+rA, +rU» с формой «+GarU» [Tekin, 1992; Tekin, 2003, c. 135; Tekin, 2003, c. 150].

Э.В. Севортян в своей работе [ЭСТЯ, 1978, с. 148], поясняя тему слова «birge», утверждает, что в тюркских языках часто встречаются лексикализированные формы, которые взяли аффикс дательного падежа и стали наречием образа действия, и даёт следующие примеры: «boška, inadına, bošuna».

А. фон Габен в своей книге *Грамматика древнетюркского языка* отмечает, что нельзя рассматривать слова «bir, bir, biri» (т.е. bir от birgarü), означающие «сюда, направо, юг», в качестве послелогов [Gabain, 1988, c. 99]. В связи с этим, в этимологии, указывающей на происхождение слова «birge» от «birgarü», есть точка зрения, заслуживающая внимания. Если это слово происходит от числительного «bir», становится достаточно сложно согласиться с тем, что аффикс «garu» образовалось от слова «birgarü», потому что «bir», показанное в качестве доказательства, это не числительное, а слово «biri», означающее «здесь, право, юг». Если же «bir» в слове «birge» не является числительным, означает «здесь, право, юг» и берёт направительный аффикс «-ga», почему не может быть образована комитативная смысловая связь? Конечно же, ответить на этот вопрос не так легко.

Вполне логично, что происхождение этого послелога, как и других употребляемых с той же функцией послелогов, восходит к слову «bir». Однако мнение о том, что аффикс, идущее вслед за «bir», является окончанием направительного падежа и, что это слово в древнетюркском употреблялось в качестве наречия места, приносит с собой несколько вопросов. Например, в послелоге «birle», означающим «вместе», соединение корня «bir» и комитативного аффикса «-le» является вполне удовлетворяющим объяснением. Но мы не можем сказать того же о слове «birge», образующемся путём соединения числительного «bir» и аффикса направительного падежа «ge». Кроме того, наличие слова «birge» в сибирских языках, в которых также употребляется «birle», и использование его почти в той же функции, по

нашему мнению, ещё больше запутывает эту ситуацию. Если корни этих слов произошли от «bir», почему в одном слове присоединяется комитативный аффикс, а в другом – направительное, и оно используется в том же комитативном значении? Более того, послелог «birle» имеет очень широкую сферу употребления, а послелог «birge» используется в более узкой сфере. Ответить на эти вопросы пока сложно. Есть ли другие предположения касательно происхождения этого послелога? Если послелоги «birge» и «birle» не происходят от одного корня, возможно ли, что «birle» под воздействием «birge» превратилось из другой формы в «birge»? Даже если и сложно дать ответы на эти вопросы в этой работе, по нашему мнению, есть необходимость в новых исследованиях касательно происхождения этого послелога. По этой причине мы хотим оставить этимологические вопросы, ожидающие объяснений, и рассмотреть употребления этого послелога в чулымском.

Этот послелог в чулымском и других южносибирских тюркских языках образует смысловые связи «совместности» со словами, с которыми он строит словосочетание. Он управляет существительными с помощью творительного падежа и выражает совместное осуществление действия или ситуации. Используемый в похожем значении послелог «birle» используется в значениях и инструмента, и совместности, а послелог «pirge» не имеет значения инструмента. Это главное отличие «pirge» от «birle». При использовании в значении совместности «birle» и «pirge» имеют одинаковую функцию и могут использоваться вместо друг друга.

Пирге встречается в чулымском, хакасском и шорском языках. В тутальском говоре чулымского встречается «pirge», в мелетском говоре чаще встречается «birle» и его фонетические варианты. Однако это слово чаще встречается в функции наречия, чем послелога:

(93). Ваня сениӈбле пирге парах. (Ваня, сходим-ка вместе)

Vanja	sen-iŋ=ble	pirge	parax
Ваня	ты-	вместе	сходим-ка
	Poss.2sg=COM		

(94). пӧӧрӱ хачан даа койлан пирге щуртабс чогул. волк никогда не живет с овцой вместе.

pöörü	xačan	daa	kojlaŋ	pirge	š'urtabs	čoɣul
волк	никогда		овец-	вместе	жить-	нет
			COM		PRS	

(95). пирге келик. 'вместе пришли'
(наречие)
pirge kel-ik
вместе прийти-PST

(96). пис пирге щöребс 'мы ездили вместе'
(наречие)
pis pirge š'öre-bs
мы вместе жить-PRS

По мнению И.Г. Донидзе вместо *хада* в **хакасском** языке иногда употребляется *пирге* в функции усиления значения совместности, выражаемого творительным падежом:

- Колхозтың öскілері хойнаң nірге чöрче. (Разговор.) 'Колхозные козы ходят (пасутся) вместе с овцами.' [ДН:32].

В **шорском** при использовании с совместным падежом и в функции послелога оно выражает то, с кем произошло событие, его нельзя путать с наречием «пирге». Оно синономично со словом «кожа», и они могут использоваться вместо друг друга.

- мееңме пирге келди приехал вместе с мной. [Чиспияков, 1992, с. 64]
- Ийги сугдың пелтири, **пирге** қаттыш, ағадыр; ийги аймақ палазы, пирге қожул, қонадыр. 'Устья двух рек, соединяясь, вместе текут; дети (дочь и сын) двух селений, соединившись, вместе живут' (из песни). [Чиспияков, 1992, с. 188]
- пирге келербис 'вместе придем'. [Чиспияков, 1992, с. 191]

3.2.5.2. birle, bile (вместе, с)

Почти все учёные имеют общее мнение по поводу того, что этот послелог, имеющий достаточно широкое распространение в северных тюркских языках, происходит от числительного «bir» 'один'. [Башбуг, Чиркоева, 2018, с. 973].Он имеет такие фонетические варианты, как «birle», «birlen», «belen», «ilen», «menen», «man», «nan», «bile», «biła», «pilen», «pülen», «ра», «ba». И.Г. Донидзе [Донидзе, 1956, с. 32] утверждает, что этот послелог произошёл от числительного «bir» и комитативного аффикса «le», однако не делает никакого комментария по поводу того, происходит ли «-le» от «ile». Такие учёные, как К. Брокельман [Brockelmann, 1954, с. 183], Р.Р. Арат [Arat, 1951, с. 139], М. Эргин [Ergin, 2009, с. 370], Н. Хаджиэминоглу [Hacıeminoğlu, 2015, с. 18], Т. Бангуоглу [Banguoğlu, 2011, с. 85] считают, что этот

послелог образовался от «bir» и послелога «ile». А. фон Габен, объясняя «birle» структурой «bir+i-l-» (объединяться, становиться одним целым), отмечает, что в случае использования этого слова без относительного имени он может быть наречием со значением «вместе» и даёт следующие примеры из орхонского тюркского [Gabain, 1988, с. 93]. Н. Хаджиэминоглу не находит пояснения А. Габен удовлетворительными. По его мнению, А. Габен признаёт «birle» деепричастием, объясняет это формой «bir-i-l-e», однако по поводу слова «bilen», которое должно иметь отношение к «bile», даёт объяснение в виде «bir-le-n» [Hacıeminoğlu, 2015, с. 18]. А.Н. Кононов также разделил это слово как «bir-le-n» и показал «le» в качестве аффикса, образующего глагол от существительного, а «n» – в качестве аффикса деепричастия. Опять же по мнению А.Н. Кононова, слово «birlen» могло раньше иметь значения «совместно, заодно» [Кононов, 1956, с. 314].

Этот послелог, встречающийся в древнетюркском в качестве «birle», может использоваться в некоторых современных тюркских языках в качестве и послелога, и служебного слова, превратившегося в аффикс. Послелог «birle» в процессе исторической эволюции в некоторых диалектах превратился в устойчивую форму, а в других диалектах поменял форму и принял настоящее употребление [Alkaya, 2005, с. 74]. В языках огузской группы, кроме туркменского, и в халачском языке это слово используется не как послелог, а как наречие [Li 2004, с. 168]. В некоторых тюркских языках этот послелог встречается также с функциями времени, причины, образа, положения, определения [Alkaya, 2005, с. 75] и может использоваться в чулымском для придания значения и средства, и совместности. В обоих случаях при использовании с существительными он управляет именительным падежом, а при использовании с местоимением берёт аффикс родительного падежа. Этот послелог до сих пор используется в качестве послелога в мелетском говоре чулымского, в тувинском, в сагайском диалекте хакасского, однако в других диалектах и в большинстве языков он склонен к аффиксации [Башбуг, Чиркоева, 2018, с. 973].

(97). киши äштибле қулақла, корибläқарақла. человек слышит ушами, видит глазами. [Дульзон, 1973, с. 195].

kiši	äštible	qulaqla	köriblä	qaraqla
человек	слышать-	уша-	видеть-	глаза-

(98). кичегеч углан паған ага:зыңла ағач аразында. 'мальчик с отцом

шел лесом'. [Дульзон, 1973, с. 195].

kičegeč	uglan	paɣan	aga:zi=ŋla	aɣač	arazinda
маленький	мальчик	идти-	отец=	в лес	

(99). па:лығыŋ ичизи пычак-бла актиге käräк. надо чистить рыбу ножом.

pa:liɣin	ičzi	pičak-bla	aktiɣe	käräk
рыба	внутри	нож=	чистить-	надо

(100). кämäбила парсқабс. 'на лодке поехали'

kämä=bila	par-sqab-s
лодка=	поехать-

(101). мän силäрьғе käледим салмат-бле 'я прииду к вам с кашей'

män	silär'ɣe	käledim	salmat=ble
я	вы-	прийти-	каша=

По словам Н.Н. Межековой, «творительный падеж в **шорском** диалекте оформляется послелогами-аффиксами, характерными только для данного диалекта, '-бла, -бле' , '-пла, -пле', '-мла, -мле', '-маң, -мең' '-наң -нең' . В хакасском литературном языке творительный падеж оформляется двухвариантным аффиксом '-наң, -нең'. В шорском языке этим аффиксам соответствует сокращенные формы на '-ба, -бе', '-па, -пе, '- ма, -ме'. охпла 'пулею', харбла 'снегом'» [Межекова, 1973, с. 58]. Этот послелог склоняется к аффиксации и в шорском. У него есть такие фонетические варианты, как -ра, ре, ba, be, ma, me. Он образует связи совместности и инструментальности. С именами и местоимениями во множественном числе он берет аффикс именительного падежа, с местоимениями в единственном числе – аффикс родительного падежа. Отвечает на вопросы «кем?», «чем?», «с помощью чего?», «при помощи чего?».

- кўрчекпе кар куредим я разгребал снег лопатой [ДРШ, с. 65]
- пистиң колхозда пиченни машинаба шапчалар. в нашем колхозе сено убирают при помощи машин. [Там же]
- атпа келдим. (я приехал на лошади) [Там же]

В **алтайском** языке послелог была, биле 'с, вместе' встречается в основном в произведениях устного народного творчества. В настоящее время указанный послелог грамматикализован [Орсулова, 2001, с. 63]:

- Эмди (койчыныҥ фамилиязын ундып салдым) јаны чыгып клееткен кӱнге удура койлорын айдап алып, кожонбыла браатты - Сейчас (забыл фамилию пастуха) навстречу восходящему новому солнцу гоняя овец, ехал с песней. (Там же)

Такая грамматикализация встречается также в **чалканском** диалекте. По мнению А.Р. Тазрановой, «послелог вле / вла в текстах, записанных Н.А. Баскаковым, на современном этапе развития чалканского языка почти не встречается. Он оказался втянутым в систему падежных аффиксов. Этот послелог употребляется в качестве инструментального падежа =ла / =ле и передает значение орудийности» [Там же, с. 34–35]:

- Ол акча вла кӱриске садып аларым (НАБ,ДЧ,126). ‘На те деньги куплю себе курицу.’ Ср.: Ол акчала кӱриске садып аларым – Перевод такой же. (ТАЗ:35)

В **тувинском** биле используется в значениях 'с' 'вместе' 'посредством' 'при помощи' 'по согласно' 'вследствие' 'для чтобы'. [ГТЯ, 1961, с. 438]

- олар арыгда орук-биле келгеннер. (они пришли по лесной дороге) сеең дилээң-биле (по твоей просьбе), акшаны почта-биле. (послать деньги по почте), телефон-биле медеээле. (сообщить по телефону) [ГТЯ, 438].

3.2.5.3. koža (вместе)

Этот послелог используется для описания совместного выполнения действия, совершения действия при помощи какого-либо средства или осуществления двух ситуаций одновременно. Он используется в большинстве тюркских языков Южной Сибири. В сибирских языках он часто употребляется вместе с послелогом, ставшим аффиксом, «-bile» (вместе): существительное+ble köja. Юн-Сун Ли утверждает [Li, 2004, с. 316], что этот послелог в Южной Сибири в хакасском и шорском ставится после слов в дательном падеже и выражает значение совместности.

Чул.

(102). аргышым оч кизибле кожа турублу чогыл. 'друг не стоит вместе с врагом' (Друг не дружит с врагом)

argišim	oč	kizible	koža	turublu	čogıl
друг-	месть	человек=	рядом	стоить-	нет

(103). кämäбела кожа иге когай чичаты 'рядом с лодкой две щуки лежат' (БИР:102)

kämä=bela	koža	ige	kogaj	čičatı.
лодка=	рядом	2	щука	лежать-

В **шорском** оно употребляется с дательным падежом. Оно имеет более редкое употребление по сравнению «pirge» и «bile». Кроме того, у него есть фонетические варианты košta, koštap, означающие «рядом, вплоть».

- абаңның малына кожа ölген алыптың малын качыр пар - теген. 'Вместе со скотом отца твоего скот умершего богатыря угоняй! – говорил.' [ДРШ, с. 166]
- пис аба-ичебе қожа чышқа пардыбыс. 'мы вместе с родителями в лес ходили'. [ШРС, с. 25]

В **тувинском** языке по значению ему соответствует послелог биле [Хертек 2006, с. 170], по мнению Е.В. Николиной и А.А. Озоновой, в алтайском языке значение взаимности как и в других тюркских языках в большей степени закреплено за синтетической формой орудного падежа, а значение совместности — за аналитической формой, сочетанием орудного падежа с послелогом кожо вместе. Орудным падежом в чалканском диалекта управляет послелог *кожо* ‘вместе с кем-л., чем-л.’, который при сочетании с именами в орудном падеже выражает значения соучастника. [Николина, Озонова 2005, с. 23]

- Шура комсомол кыстарыла кожо јалаңның чечектерин экелди 'Шура вместе со своими комсомолками принесла полевые цветы' [ОРС:63]
- Карабаш нөкөрлөриле кожо тренировкадаң јүк ле орой түнде јанып турган. 'Карабаш вместе с друзьями с тренировки возвращался поздно ночью [Там же]
- Таадам аңчы кижиге бычакла кожо бойының мылтыгын берди 'Дед дал охотнику вместе с ножом и свою винтовку' [Там же]

В **чалканском:**

- Арткан очы уулына айты сен, меең эрке уулым, по ло эр кизек ле кожо тьат. 'последнему, младшему своему сыну, он сказал: "А ты, мой любимый сын, вот с этим котом живи вместе".' [БАЧ:104–105]
- Очы оол кизе(к) вле кожо кижи алара бартылар ‘Младший сын вместе с котом пошел брать себе жену.’ [БАЧ:105]

Примери Н.А. Баскакова показывает, что в чалканском, прослеживается тенденция к образованию орудного падежа на основе

послелога *вле*. Послелоги в этом примере следуют друг за другом. [Тазранова 2005, с. 30]

3.2.6. Послелоги, выражающие причинно-следственные отношения

3.2.6.1. özin (для)

Этот послелог считается одним из старейших послелогов тюркской группы и встречается во всех тюркских языках в различных фонетических вариациях. Гронбех также считает, что этот послелог является одним из старейших послелогов наряду с «teg», «üze» и «birle». Клаусон поддерживает это мнение и определяет это слово в качестве одного из двух послелогов, которые не употребляются в роли прилагательного [Grønbech, 1936, с. 35, Clauson, 1972, с. 28]. В связи с происхождением этого слова было проведено много исследований. Мы можем коротко описать их следующим образом. Многие ученые считают, что это слово могло образоваться путём присоединения аффикса инструментального падежа «-n» к слову «uč». [Bang, 1916, с. 1273; Banguoğlu, 2011; Ergin 2009, с. 370; Korkmaz, 1995, с. 94, Hacıeminoğlu, 2015, с. 98]. Можно сказать, что это самое распространённое мнение. А. фон Габен относит этот послелог к деепричастию, образованному путём присоединения аффикса «-n» к глаголу «učï-» (достигнуть цели, результата), который произошёл от существительного «uč», имеющего значение «наконец, конец»: «üčün < uč» (цель), «*uču: > *üčü-» (целиться) [Gabain, 1952, с. 142]. К. Брокельман [Brockelmann, 1954, с. 138] имеет схожее с А. фон Габеном мнение и связывает корень этого слова с глаголом «üč». М. Рясянен имеет отличную от выше указанных точку зрения и привязывает это слово не к «uč», а к «ič», но при этом не даёт объяснение для «ün» [Räsänen, 1969, с. 509]. О. Н. Бетлингк также связывает этот послелог со словом «ич» [Кононов, 1951, с. 15]. Г. Рамстедт подходит к происхождению этого слова с более алтаистским взглядом и приводит примеры из алтайских и корейского языков. Примеры Г. Рамстедта, опираясь на сходство «it ~ ič», относят происхождение этого слова к глаголу *ич- 'смотреть'. [Ramstedt, 1949, с. 71 из ЭСТЯ, с. 641]. Г. Вамбери отмечает связь между словами «üč», «öč», означающими в староуйгурском «месть, злоба», и словом «üčün», означающим «для,

ради», но не даёт подробного объяснения [Vámbéry, 1860, с. 60 из ЭСТЯ, с. 641].

В.Э. Севортян также отводит место взглядам вышеуказанных учёных и, исходя из всех исследованных им источников, отмечает, что этот послелог имеет следующие значения: «для», «ради», «чтобы», «для того, чтобы», «за», «из-за», «вследствие», «по причине», «по поводу», «хотя» [ЭСТЯ, 1974, с. 642]. Он, ссылаясь на работы А.Н. Кононова, Ж. Дени и Л.З. Будагова, в противоположность исследованиям, сделанным до него, утверждает, что эти двое учёных обращали внимание не только на слово «uč», имеющее значение «конец», но и на значения в роли послелога; он также отмечает, что слово «uč» в словаре Будагова имеет значения «конец, причина, по, за, из» [Кононов, 1951, с. 15].

З. Коркмаз в своей работе «О структуре послелогов *učun~üčün~ičin* и других» относит происхождение этого слова к слову «uč», имеющему значение причины. По мнению З. Коркмаз, при присоединении к корню слова окончаний родительного и инструментального падежей оно начало употребляться в сегодняшнем значении. Другими словами, это слово превратилось в служебное слово, определяющее «причинно-следственные» связи. По мнению Коркмаз, формы «üčün» и «ičin» этого послелога появились в результате растворяющего действия фонемы /č/. Коркмаз не согласна со взглядом Габена о том, что это слово связано с существительным в значении «конец, наконец-то». Она обосновывает это другим существительным «uč», которое она обнаружила в староанатолийском тюркском, и которое имеет значение причины [Korkmaz, 1995, с. 95–97]. Н. Хаджиэминоглу, исходя из значения и употреблений этого слова, также не согласен с Коркмаз [Hacıeminoğlu, 2015, с. 98].

Юн-Сун Ли же утверждает, что этот послелог не мог произойти от существительного «ūč». Ли отмечает, что согласный звук /č/ в тюркских диалектах при склонении переходит в звук /c/, и что вполне возможен переход из формы «učun» в формы «ičin», «üčün», «üčin». Ли не согласен также с мнениями о том, что этот послелог образовался от формы «ič». Вместе с этим, он не приводит каких-либо сведений по поводу происхождения этого послелога; он исследует примеры из исторических и современных тюркских языков [Li, 2004, с. 519].

Г. Клаусон [Clauson, 1972, с. 28] также не даёт какой-либо информации по поводу происхождения данного слова в своём этимологическом словаре, но характеризует османские формы

«ičün/ičin» и якутскую форму «isin» [Пекарский, 1916, с. 967] как отклонения от формы «üčün».

М. В. Налбант, который провёл самые актуальные исследования по данной теме, перечислив все важные работы и взгляды, ставит вопрос о том, является ли послелог «ičin» в огузской и кыпчакской группе и послелог «üčün» из восточной группы языков разными самостоятельными послелогами. М. В. Налбант говорит о связи послелогов причины в тюркском со словами места-направления и, учитывая также смысловую нагрузку, защищает мнение о том, что происхождение послелога «üčün» восходит к существительному «uč», означающему «конец, наконец-то». По мнению М. В. Налбанта, «ičin» и «üčün» – это не один и тот же послелог, а продукт смешения [Nalbant, 2012, с. 90]. В целом, как видно из кратко затронутой здесь дискуссии, пока нет общего мнения по поводу происхождения этого послелога.

В чулымском мы встречаем слово «uč», означающее «конец, верхушка». В связи с географическими условиями региона, взаимодействие чулымского с другими тюркскими языками ограничено по сравнению с соседними языками и языками Средней Азии. Принимая во внимание использование в чулымском некоторых архаичных употреблений, мы также считаем, что относить происхождение этого слова к слову «uč», имеющему значения «конец, край», является более правильным решением.

Судя по употреблениям в чулымском и южносибирских тюркских языках, мы можем сказать, что этот послелог управляет существительными при помощи именительного падежа. По мнению З. Коркмаз, исследовавшей употребления в современных тюркских языках, такие послелоги как «üčün» в современных тюркских языках обычно требуют именительный падеж для существительных и родительный падеж для местоимений. Они могут также следовать и за притяжательным аффиксом существительных и причастий [Korkmaz, 1995, с. 94]. С. Экер также отмечает, что данный послелог управляет существительными при помощи именительного падежа, а в случае с местоимениями требует родительного падежа [Eker, 2011, с. 383]. Данное правило действует и в чулымском так же, как и в других языках. В чулымском мы встречаем этот послелог в форме «öžin, učun», он управляет существительными в именительном падеже. В конструкциях с местоимениями, а также с причастиями, он требует родительного падежа. Данное употребление является стандартным почти во всех тюркских языках.

При употреблении с существительными и управлении именительным падежом и при употреблении с местоимениями и управлении родительным падежом этот послелог образует в предложении причинно-следственные и целевые связи. Это распространяется на все южносибирские и даже на все тюркские языки. При использовании с прилагательными, существительными, местоимениями, указывающими на лицо, предмет, место, с имеющими определённую цель существительными, этот послелог получает функцию, схожую с русским предлогом «за». В этом случае, в зависимости от контекста, он может иметь значение «подчёркивания» в рамках определённой цели или значение «замещения» кого-либо.

(104). азағым өжин парайға käräk ämьнаблған кизизине. 'надо сходить к врачу из-за ноги'

azaɣ-ɨm	öžin	paraj-ɣa	käräk	äm'na-bl-ɣan	kizi-zi-ne
нога-Poss.1sg	для	сходить-INF	надо	лекарство-PTCP-PTCP	человек-3sg-DAT

(105). адам өлпаған война сонда, анам өжин тödүр калған äпьке. 'мой отец умер после войны, я вернулся домой из-за мамы'

ada-m	ölpa-ɣan	vojna	sond a	ana-m	öži n	tödü r	kal-ɣan	äp-ke
отец-Poss.1sg	умирет ь-PST	войн а	посл е	мать-Poss.1sg	для	наза д	прийт и-PST	дом -DAT

(106). этсағам пуну өстерибис өжин 'сделал это ради семья'

etsaɣam	pu-nu	österi-bis	öžin
сделать-PST-1sg	это-ACC	семья-Poss.1pl	для

В **хакасском** *ӱчӱн* управляет основным падежом имен и родительным падежом местоимений. Также выражает причинно-следственные и целевые отношения. [Донидзе, 1956, с. 19].

- Спасибо, Федор Иванович, ағылған ӱчӱн. Спасибо, Федор Иванович, за то что, привез. [Там же, с. 20]
- Африказар парар ӱчӱн, корабль кирек нооза. Для того, чтобы поехать в Африку, нужен ведь корабль. [Там же]

- Төреен-өскен чир үчүн чаалазары улуғ часка полча. (Газета) воевать за родину - большое счастье. [Там же]
- Пистиң наа чуртыбыс үчүн! за нашу новую жизнь! (тост-Г. Топанов и Л. Черенцов. Чазыда) [Там же]

По мнению Т.Е. Орсуловой в современном **алтайском** языке учун, сочетаясь с именем, с личными местоимениями, служит для указания на предмет, который является поводом для суждений, мыслей, чувств, действий [Орсулова 2001, с. 58]

- Ол јөөжө учун бастыра тынын берер 'Он ради богатства всю душу отдаст' [Там же]
- Мен ол Өмөлик деген уул учун иштең чыктым 'Я из-за парня Омолика уволился с работы' [Там же]

В **чалканском** диалекте ущун ‘ради’, ‘из-за’. управляет неопределенным или исходным падежом. [Баскаков 1985, с. 49; Тазранова 2005, с. 28]. По мнению Тазрановой в сочетании с именами существительными послелог *ущун* выражает только причинное значение [Тазранова, 2005, с. 38].

- Аань ущун ол пала тегин ле ағрыға алдран ущкуш, то ли аппендицит, то ли тьу. ‘Поэтому тот ребенок, кажется, заболел простой болезнью, то ли аппендицит, то ли что.’ [Там же].

В **шорском** языке *ӱчӱн*, 'ради', 'за', 'из-за' 'для' 'по причине' управляет исходным падежом [Дыренкова, 1941, с. 234]. По словам Э.Ф. Чиспиякова, данный послелог указывает, что действие или состояние в придаточном предложении является причиной или, реже, целью совершения действия в главном. Послелог *ӱчӱн* в этой функции может быть без ущерба для смысла заменяться послелогом *ара* [Чиспияков, 1992, с. 268].

- Кижиге айтпастаң ӱчӱн, саға ноо перерге? 'Чтобы ты никому не сказал, что тебе дать?' [там же]
- Чақшы ӱргенгеннең ӱчӱн, мен пашқа классқа кир пардым. 'Так как я хорошо учился, я перешёл в следующий класс' (сравните с подобным примером выше). [там же]

В **тувинском** языке *ужун* 'ради' 'для' 'вследствие':

- турк улус ужун дун удывадым, хундус олурбадым. 'ради тюркского народа я не спал ночью и не сидел без дела днем' (тувинский перевод древнетюркской надписи) [ГТЯ, с. 437]

В **якутском** языке **иһин ‘**за’, ‘ради’, ‘из-за’, ‘несмотря на’, ‘чтоб’, ‘хоть’[Убрятова, 1982, с. 420]

- Көрдөһөрө бэрдин иһин, ылынным ‘Я согласился, так как он очень сильно просит’ [ИГ ХК 2 12 Цит. по: Ефремов, 2017 , с. 61]

3.2.6.2. köre (по причине)

Этот послелог вследствие образования от причастия имеет гибкое употребление и, кроме образования сравнительной смысловой связи, хоть и редко, может также иметь значение «по причине». Считается, что это значение связанно именно с гибким употреблением деепричастия в тюркских языках. Как и в турецких примерах «Seni görüp ben de bu yarışmaya katıldım» (Увидев тебя, я тоже решил участвовать в этом конкурсе) или «Senin yüzünden bu yarışmaya katıldım» (Из-за тебя я стал участвовать в этом конкурсе), конструкция со значением «по причине» вообще-то является деепричастием. В первом предложении то, что указывает на послелог, это склонение существительного в дательном падеже. Если бы объект действия, выраженного деепричастием, занимал валентность глагола «видеть», он был бы оформлен винительным падежом.

В чулымском, когда этот послелог формирует смысловую связь причины, он управляет существительными и местоимениями при помощи дательного падежа.

(107). силерьге кӧ:ре ишип салғабыс. 'из-за вас мы выпили'

siler'ɣe	kö:re	išip salɣabıs.
вы-DAT	по	выпить-AUX:класть-1pl.

(108). ӱгей адазына көре ол щуртавлы қородунда ӓмес, а қородун щанда. 'из-за отчима он не в самом городе, а возле города живет'

ügej	adazına	kö:re	ol	š’urtavlı	qorod-un-da	ämes	a	qorodun	š’an-da
неродной	отец-Poss.3sg-DAT	по	он	жить-PRS	город-Poss.3sg-LOC	нет	а	город-Poss.3sg	возле

Можно сказать, что в хакасском и шорском этот послелог является распространённым и управляет дательным падежом.

В **хакасском** управляет дательным падежом:

- Саға көре мин две наныбысхам. 'Из-за тебя и я вернулся домой.' [ГХЯ:259]

В шорском:

- ақчаға көре сен чабал иштепчаттырзын. 'за (эти) деньги ты плохо работаешь'.

3.2.7. Послелоги, выражающие отношения меры
3.2.7.1. š’ene, sene (до, приблизительно)

Нельзя сказать, что данный послелог является широко распространённым в тюркских языках. Юн-Сун Ли обнаружил его только в шорском и отнёс его происхождение к монгольскому слову «čen». Считается, что это слово пришло из китайского языка (*цянь, qian* , 前 — китайская мера веса, равная примерно 4 граммам) и означает ‘железная монета, рынок, одна десятая часть весовой единицы лян’ [Li, 2004, с. 440; Räsänen, 1969, с. 104].

В «Хакасско-русском словаре», составленном Н.А. Баскаковым и А.И. Инкижековой-Грекул [1953, с. 187], мы встречаем слово «син», означающее «мера, размер, пора, время, возраст, уровень». В работе С.Е. Малова «Язык жёлтых уйгуров: словарь и грамматика» [Малов, 1957, с. 151] встречаются слова «шешин» и «шишин», означающие «время, пора» (образованы от китайского слова «shíjiān» – время) и слово «шин», в отношении которого даётся объяснение «мера сыпучих тел» и отмечается его происхождение из китайского. Б.Х. Тодаева, исследовавшая в 1955–1956-х годах монгольские языки в китайской провинции Цинхай, говорит о послелоге, который в монгорском языке использовался в качестве «šin'ge» (как) и управлял родительным падежом [Тодаева, 1973, с. 150]. Однако мы не смогли найти упоминаний об этом послелоге в следующих работах: «Грамматика современного монгольского языка» Б.Х. Тодаевой [Тодаева, 1951], «Грамматика письменно-монгольского языка» Н.Н. Поппе [Поппе, 1937], «Современный монгольский язык» Г.Д. Санжеева [Санжеев, 1960]. Это усиливает вероятность того, что этот послелог развивался под влиянием китайского языка. В «Монгольско-русском словаре» под редакцией А. Лувсандэндэва в статье «чинээ» [ЛМРС, 1957, с. 632] встречается слово, имеющее значение «величиной с...» и используемое с родительным падежом, а в статье «шиг» даются значения «как, словно, точно, вроде» [1957, с. 649]. Кроме того, на 710–711 страницах этого словаря среди единиц измерения встречается единица «şin», которая соответствует 1,0354688 литру, и единица «tsen», соответствующая 3,7301 граммам.

При рассмотрении слова «š’ene», используемое в чулымском в качестве послелога, мы считаем возможным, что несмотря на то, что

его значение немного отличается от вышеуказанных значений, оно могло быть образовано от этого монгольского слова с китайским происхождением. Однако, почему мы не встречаем этот послелог, который в чулымском формирует две различные смысловые связи и используется в значении «около» при обозначении меры и «в течение» при обозначении времени, в других тюркских языках? Ответить на этот вопрос достаточно сложно. В работе Н.П. Дыренковой «Грамматика шорского языка» мы не видим значения «в течение» в шорском употреблении. В примерах Н.П. Дыренковой можно увидеть, что этот послелог означает «около» и может использоваться в такой же функции, как и суффикс-послелог «-ča, -če» или послелог «čagin» [Дыренкова, 1941, с. 108]. В процессе наших полевых исследований мы обнаружили следующие примеры этого послелога, который обычно управляет именительным падежом:

При использовании в значении измерения:

(109). пу щыл 5 кило сене мöд саг:ам. 'В этом году я собрал почти 5 кг мёда'.

pu	š’ił	5	kilo	sene	möd	sa-ɣam
это	год	5	кило	около	мед	собрать-PRS

(110). пу моголак пäш чӱз кило щени пар 'Этот медведь весит примерно 500 кг'.

pu	moɣalak	päš	čüz	kilo	š’eni	par
это	медведь	5	100	кило	около	есть

(111). Дядя Григорий, палых көп пе тутхаңар? - игі центнер сене. [Дульзон 1973, с. 192] 'Дядя Григорий, рыбы много ли поймали? - около двух центнеров'

Djadja	Grigorij	palix	köp	pe	tut-xaŋar?	igi	tsentner	sene
Дядя	Григорий	рыба	много	ли	поймать-PST	2	центнер	около

При использовании в значении времени:

(112). пис щоребс пас кӱн сене 'мы ездили около 5 дней'

pis	š’ör-ebs	pas	kün	sene
Мы	жить-PRS	5	день	около

(113). тағ пӱзäндин парсқан он пас щыл сене. 'с тех пор около 15 лет прошло'

taɣ püzän-diŋ	par-s-qan	on	pas	šʼił	sene
с тех пор	пройти-AUX-PST	10	5	год	около

Мы видим следующие употребления в **шорском**: *шен, шени* «словно», «подобно», «величиной с»:

- Мал талай шени чайылча, чон чыш шени турча. 'Скот, словно море, расстилается, народ, словно лес, стоит» (из эпоса)' [Чиспияков, 1992, с. 107]
- Айу палазы адай палазы шени полған. «Медвежонок величиной был со щенка». [там же]
- Чабал адай шени қабыш пардылар, чабал инек шени сўзўш пардылар. «Словно злые собаки, хватали друг друга, словно злые коровы, бодались». [там же]
- По тегри по қара чербе қаттышқан шени, пилдирча. «Кажется, будто небо с чёрной землёй смешалось» [там же]

3.3. Послелоги-аффиксы
3.3.1. О статусе послелогов-аффиксов

Свидетельства превращения послелогов в аффиксы ещё во времена распространения бесписьменного тюркского языка можно увидеть в диалектах и говорах современных тюркских языках.

В предыдущих главах мы отметили, что послелоги являются самостоятельными словами и строят смысловые связи в предложении в качестве «застывших» слов. В начале мы увидели, что, являясь самостоятельными словами, послелоги со временем могли превратиться в клитики и аффиксы при этом сохраняли свою функцию в предложении, но иногда не могли сохранить свою структуру. Мы связали одну из важнейших особенностей послелогов с их способностью быть независимыми словами. Мы отвели место для взглядов Н. Хаджиэминоглу о том, что послелоги «üčün» и «ile» являются исключениями, и послелоги должны писаться отдельно от слов. Кроме того, мы отметили, что Хаджиэминоглу не считал аффиксальную форму «ile» – «-la» послелогом, а принимал её за падежный аффикс [Hacıeminoğlu, 2015, с. 46]. Мы можем сказать, что это мнение особо не признаётся в российской тюркологии; послелоги, превратившиеся в аффиксы, рассматриваются как послелоги-аффиксы, если они не потеряли свои послеложные особенности. Как говорила З. Коркмаз, «тот факт, что послелоги являются самостоятельными

словами, препятствовал их слиянию с присоединяемыми именами с точки зрения звуковой структуры. Однако послелоги, ставшие аффиксами, не соответствуют этому правилу» [Korkmaz, 2009, с. 1054]. Другими словами, некоторые послелоги, ставшие аффиксами, несмотря на то, что они не имеют вид самостоятельного слова и с точки зрения звуковой структуры сливаются со словом, стоящим перед ними, они функционально являются послелогами. В некоторых книгах по грамматике, где рассматриваются тюркские языки, эти единицы определены как «послелоги-аффиксы», которые по функции похожи на послелог, а по форме — на аффикс, поэтому на сегодняшний момент они могут быть названы послелогом-аффиксом, учитывая их нынешнее положение. Однако в процессе развития литературного языка они, возможно, полностью аффиксируются [Башбуг, 2017, с. 291]. По мнению Г.И. Донидзе «характерную особенность послелогов-аффиксов составляют полное отсутствие самостоятельных лексических значений, слияние с сопровождаемыми словами и подчинение закону гармония гласных и согласных» [Донидзе, 1956, с. 5]. В то время как Г.И. Донидзе говорит о двух хакасских аффиксах **«ар»** и **«ча»** [там же], Н.А. Баскаков в качестве примера послеложных аффиксов приводит каракалпакские слова *-gAšA* и - *šAllɨ* [Баскаков, 1952, с. 505]. Н.К. Дмитриев же в своей работе по башкирской грамматике указывает на то, что значение некоторых послелогов, образующих смысловые связи количества-сравнения, может быть передано и с помощью безударных аффиксов, хотя при этом он не использует выражение «послелог-аффикс» [Дмитриев, 1948, с. 123]. Мы видим, что эти аффиксы, определяемые Н.К. Дмитриевым в качестве безударного аффикса и образующие различные смысловые связи, являются аффиксальной формой некоторых послелогов.

Н.А. Баскаков и А.И. Инкижекова-Грекул в книге «Хакасский язык» следующим образом прокомментировали послелоги-аффиксы: «Послелоги-аффиксы — это слова, потерявшие своё самостоятельное значение и на данной ступени развития хакасского языка превратившиеся в слово-аффиксы, имеют звуковые варианты в зависимости от вокализма и конечного согласного основы, и поэтому пишутся вместе с именами или производными формами глагола» [Баскаков, Инкижекова-Грекул, 1953, с. 436]. Они дали следующие четыре примера послелога-аффикса: 1) -ар/-ер (о, о чём-то, благодаря чему), 2) -ча/-че (через, по), 3) ча/-че (размером с, до предела...), 4) -naŋ / -neŋ (в сов. лит. хак. яз. принят как аффикс творительного падежа). В этой книге не сказано, почему Н.А. Баскаков и Инкижекова-Грекул

расценивали «-наң/-нең» в качестве послелога-аффикса, и нет достаточного объяснения тому, почему их рассмотрение этого аффикса в главе об аффиксахх [1953, с. 442] в качестве аффикса творительного падежа привело к тому, что этот аффикс стал считаться ими послелогом-аффиксом.

Между тем как Н.А. Баскаков в книге «Каракалпакский язык» детально рассмотрел послелог «менен» (бенен, пенен, билен) [Баскаков 1952, с. 507]. Вместе с этим объяснением будет полезно вспомнить, что в хакасском аффикс «-наң/-нең», используемый в качестве аффикса творительного падежа, произошёл от послелога «бирлен». Таким образом, становится более понятно, почему это аффикс нужно считать послелогом-аффиксом. Потому что определять аффикс «-наң/-нең» послелогом без доказательства его существования до превращения в аффикс, то есть в качестве самостоятельного слова, не имеет смысла.

В других тюркских языках мы также встречаем структуры, которые образовались от послелога «bilen» или «ile» и со временем превратились в аффикс творительного падежа в различных фонетических вариациях. Мы считаем, что это аффикс, который в чулымском тюркском языке предположительно произошло от слова «бирлен», в мелетском говоре среднечулымского встречается в качестве «-naŋ» и предположительно произошло от слова «bile», в тутальском говоре среднечулымского встречается в качестве «-ble, -bla» и в традиционных книгах по грамматике представлено в качестве аффикса творительного падежа, можно расценивать как послелог-аффикс. В связи с этим, можно рассмотреть 4 морфемы, классифицируемые в качестве послелога-аффикса: 1) -ča, -če, 2) -ča, -če, 3) - -naŋ, -neŋ, 4) -ble, bla.

Мы можем разделить послелоги-аффиксы на 3 группы, классифицируя их в соответствии со смысловыми связями, которые они образуют.

- Послелог-аффикс с пространственно-временным значением (-čA);
- Послелог-аффикс со значением приблизительности (-čA);
- Послелог-аффикс со значением инструментальности и совместности (-nAŋ, -blA);

3.3.1.1. -čA (пространство)

Считается, что послелог «*ča»,* встречающийся в большинстве тюркских языках, произошёл от слова «*čağ*», имеющий значения

количества, количества времени, времени, эпохи, измерения [Deny, 2012, с. 573; Бирюкович 1981, с. 98]. З. Коркмаз же не считает это вполне возможным. По мнению З. Коркмаз, «Объяснение Дени невозможно и с фонетической точки зрения, и с точки зрения значения, которое выражает аффикс. Нам известна эволюция звука «-ğ» в односложных словах. В этом объяснении остаётся непонятной также смысловая связь между переходом от временного слова «čağ» в аффикс «-ča», имеющее особенности подобия и сравнения» [Korkmaz, 1995, с. 43]. З. Коркмаз подтверждает свои взгляды примером из уйгурского: «Как мы можем связать аффикс «-ča», часто встречающееся в диалектах уйгурского, в которых были такие слова как «öd» и «kolı», но не использовалось слово «čağ», с этим временным словом? Объяснение Дени не соответствует и исторической эпохе, о которой писал Кашгари». Нужно также отметить, что В.Л. Котвич [Котвич, 1953] и Г. Рамштедт [Ramstedt, 1903] имели другую точку зрения по поводу происхождения этого аффикса. Помимо происхождения аффикса существуют работы, касающиеся его функций в различных тюркских языках. Общий вывод, вытекающий из всех этих работ, говорит о том, что это аффикс широко употребляется в различных функциях и с различными словесными структурами. Среди этих функций можно перечислить приравнивание, сравнение, ограничение. Кроме того, можно сказать, что это аффикс со временем обрело различные формы, имеет различные функции. Так как в древнетюркском отсутствовал звук /c/, этот аффикс имел форму «ča, če», а в современных тюркских языках встречается в формах «ča, če, ce, ca». «-ča» используется в качестве и падежного аффикса, и послелога. Существуют различные взгляды по поводу того, является ли это слово падежным окончанием или послелогом в случае присоединения к существительным и использования вместо послелога. По мнению Коча, «если какой-либо аффикс изменяет вид (класс) слова, к которому он присоединяется, то такой аффикс, кроме некоторых исключений, не может быть одним из падежных аффиксов существительного». С этой точки зрения, чтобы принять правильное решение по поводу аффикса «-ča», нужно смотреть на то, меняет ли оно категорию слова, к которому присоединяется [Koç, 2000, с. 506]. Можно сказать, что аффикс «-ča» может занимать место в структурах существительного, прилагательного, наречия, послелога в различных тюркских языках. Этот послелог, имеющий одну и ту же форму с аффиксом уподобительного падежа и, располагаясь после слов в дательном падеже, указывающий на точку и время окончания действия или

ситуации, в чагатайском языке был обнаружен в формах -*ča*/*če*/-e/kadar [Li, 2004, с. 201]. Этот послелог, наряду с чулымским [Бирюкович, 1981, с. 98]; в сибирском регионе употребляется также в хакасском [Донидзе, 1956, с. 8; Дыренкова, 1948, с. 119; Баскаков и Инкижекова-Грекул, 1953, с. 436], шорском [Дыренкова, 1941, с. 239], алтайском [Дыренкова, 1940, с. 217], телеутском [М.Г. Токмашев и Д.М. Токмашев, 2008, с. 75], в языке барабинских татар [Дмитриева, 1981, с. 221], в теленгитском в значении продолжительности и направления. Кроме того, он встречается также и в узбекском, в языке жёлтых уйгуров, башкирском, татарском, каракалпакском. Юн-Сун Ли отмечает, что этот послелог превратился в аффикс и является распространённым особенно в чагатайском и кыпчакском [Li, 2004, с. 204]. Послелог «-*ča*», использовавшийся в первых письменных тюркских документах в качестве падежного аффикса в функции уподобления и уменьшения, в процессе исторического развития языка вышел из этой функции и приобрёл особенность словообразовательного аффикса, образующего существительные, прилагательные и наречия, в современных тюркских диалектах [Tosun, 2010, с. 1474].

С точки зрения южно-сибирских языков, при рассмотрении функции «-*ča*» внутри предложения его можно определить в качестве аффикс-послелога [Дыренкова, 1948, с. 119], послелог-аффикса [Донидзе, 1956, с. 5], формы сравнительно-направительного падежа в кызыльском диалекте [Доможаков, 1948, с. 62] формы продольно-сравнительного падежа в хакасском языке [Боргояков, 1976, с. 118], послелог-аффикса, формальный показатель направительного падежа в тувинском языке [ГТЯ, 1961, с. 137] (формы, относящейся к склонению существительных и дополняющей направительный падеж в тувинском), или в качестве склонения падежа следования-сравнения, который, например, существует и в языке бачатских телеутов [Фисакова, 1976, с. 98 > цит. по: Бирюкович, 1981, с. 99].

По мнению Ж. Дени [Deny, 2012, с. 572], исследовавшего структуру и функции «-*ča*», *«что характеризует и отличает падежные аффиксы от послелогов – это их способность развивать внутри себя согласную, называемую «n местоимения», при присоединении к имени с аффиксом третьего лица родительного падежа или к некоторым местоимениям. Вместе с тем, существует также аффикс, который выполняет обе эти функции. С этой точки зрения, мы можем назвать его «послелог-аффикс» (post-position-desinence). Данное определение включает в себя и образование при*

необходимости согласной «n местоимения» и может считаться относительным падежом, кроме того, оно несёт в себе употребления, которые не входят в рамки падежей существительных». Опять же по мнению Ж. Дени, форма «*-ča*» используется в тюркских языках в трёх разных функциях – падежного суффикса, словообразовательного суффикса и послелога. По мнению Н. Коча, в турецком языке суффикс «-ca» в словах *ardınca, aklınca, boyunca, kararınca* располагается после аффикса родительного падежа и согласной «n» местоимения и занимает место послелогов *-ı sıra*, *-a göre*, *-a kadar*. Этот суффикс берёт на себя также функцию падежного показателя при использовании вместо послелога «-a göre» после местоимений «я», «ты», «мы», «вы». Но не стоит путать этот суффикс с другими падежными суффиксами. Бангуоглу [Banguoğlu, 2011, с. 160–329] называл его «падежным суффиксом внешнего склонения», а Коч, по аналогии с термином «глагол-связка», называет его «послелогом-связкой» [Koç, 2000, с. 510]. Ш. Текин рассматривал «*-ča*» в качестве аффикса «уподобительного падежа», и в качестве словообразовательного суффикса. Т. Текин же признавал его только в качестве одного из падежных суффиксов [Tekin, 1997, с. 36]. А. фон Габен, рассматривающий аффикс «*-ča*» в качестве показателя уподобительного падежа, считает, что «этот суффикс, вероятно, является старым покалеченным (verstümmelte) послеложным словом» [Koç, 2000, с. 511]. А. фон Габен причисляет его к падежным показателям в силу отсутствия у него самостоятельного значения [Gabain, 1988, с. 68]. Таким образом, мнения по поводу статуса показателя «*-ča*» существенно расходятся.

Если посмотреть на примеры в сибирских тюркских языках, в которых «*-ča*» используется в качестве и падежного показателя, и послелога, то все взгляды вышеуказанных учёных кажутся правильными по-своему. По мнению Р.М. Бирюкович, для рассмотрения «*-ča*» в сибирских языках в качестве показателя падежей направления и ограничения необходимо исследовать его внутри системы падежного склонения. Чтобы лучше понять место формы «*-ča*» в склонении имён, нужно привести пример дательно-направительного падежа, который образуется при помощи падежного аффикса «-га» и похож на него с точки зрения значения. В дательно-направительном падеже основной контекст появляется в двух точках: в точке адресата действия и точке направления действия [Бирюкович, 1981, с. 99]. Р.М. Бирюкович считает, что в значении адресата имя в форме дательного падежа употребляется с глаголами речи, давания и с

глаголами эмоционального состояния. Имя в форме дательно-направительного падежа дополняет адресат семантически и синтаксически, то есть оно маркировано при помощи направительного падежа [Бирюкович, 1981, с. 100]. Другими словами, в чулымском языке «-čA» как падежный аффикс используется в качестве указателей направленности падежного склонения. В чулымском и других сибирских языках «-čA» часто встречается и в качестве послелога. В тувинском существуют следующие употребления, говорящие о направлении: *хемче* к реке, *хӧлче* к озеру, *хоорайже* к городу, а в других сибирских тюркских языках он играет роль послелога в пролативном значении. В чулымском существуют формы чолча 'по дороге', тағча 'вдоль горы', тайғача 'через тайгу'; в хакасском – чарча 'по берегу', кӧлчä 'по озеру' тағча 'по горе'; в языке бачатских телеутов – горотча 'по городу', су:ча 'по воде, по реке', кӧлчä 'по озеру'; в шорском – мынча 'через это', сугча 'через реку' тайғача 'по тайге'; в алтайском – ӱстӱнчä 'по верху', изинчä 'по следу' дьолынча 'по дороге' [Бирюкович, 1981, с. 100].

Как видно из примеров, имя, используемое с «-ча», не указывает на прямую связь субъекта действия с расположением ситуации, а только связывает его с направлением движения. Эта форма имеет также два значения, которые присущи направительному падежу: направление и пролативность. Есть и другая особенность, на которую хочет обратить внимание Р.М. Бирюкович: «Неправомерность отнесения формы на *-ча* к падежной подтверждается не только семантически, но и формальными признаками» [Бирюкович, 1981, с. 101]. Н.К. Дмитриев отмечал что, все падежные аффикси башкирского языка принимают ударение, тогда как -са/-се остаётся безударным [Дмитриев 1948, с. 114]. Также А.М. Щербак считает, что «форма на -ча не закрепилась в тюркских языках в падежной парадигме: далеко не все имена присоединяют к себе аффикс -ча, и нередко его присутствие обусловлено наличием особого морфологического контекста» [Щербак, 1977, с. 54]. Как видно, используемое в значении пространства «-ča» некоторыми учёными, рассматривается в качестве послелога, а другими — в качестве аффикса.

В главе, где мы рассказывали об энклитике «la», мы, применив таблицу Хоппера, продемонстрировали, как «la» можно расположить по отношению к опорному слову. Однако привести пример для аффикса «-ča» будет трудно. Первая трудность заключается в том, что установить, одинаково ли происхождение омонимичных аффиксов -čA, имеющих разные функции и значения, невозможно. Вторая трудность

заключается в том, что в тюркских языках аффикс «-čA» может выполнять и словообразовательную, и словоизменительную функцию. Данный аффикс, определенный Акдемиром и Иси в «смежную группу», может изменять свою функцию по двум пути: от словоизменительной к новой словоизменительной и от словоизменительной к словообразовательной. То есть, имеет место грамматикализация, смена функций аффиксов от словообразовательных к словоизменительным. Однако случаев, когда словообразовательные аффиксы, подчиняясь морфологическим законам тюркских языков, становились словоизменительными, в языках не зафиксировано [Akdemir ve İsi, 2017, c. 27]. И З. Коркмаз, и Озкан указывают на то, что ввиду отсутствия у аффикса «-ča» словообразовательной способности первоначально процесс образования устойчивых единиц происходил в местоимениях и начался он еще в древности [Korkmaz, 1959, c. 342; Özkan, 2001:155].

Таким образом, можно связать между собой чулымский аффикс «-ča», выражающий пространственные отношения, омонимичный аффикс -čA, выражающий отношения сходства, и родственное, по мнению Дени, древнетюркское слово čağ, и изобразить следующую таблицу:

Знаментальная единица (content item) > грамматическое слово (grammatical word) > словоизменительный аффикс (inflectional affix) > словообразовательный аффикс (derivational affix)

content item>	**grammatical word>**	**clitic >**	**Infl. affix**
«-*č*a» > (имеющий значения количества, времени, эпохи, измерения**)**	**«*č*a»** (до**) >**	**«-*č*a» >**	**«-*č*a»**

Чул.

(114). мäң изим**че** келɣенарь ӱгилаң оɣащтар. 'следом за мной пришли трое детей'. (мелет.)

mäŋ	izimče	kelɣenar	ügilaŋ	oɣaš’tar
я	след-1sg.POST	прийти-PST-3pl	вдвоем	детей

(115). тайғылавлған кизилери таптивсканарь суғщавсқан тайгаж**а**

парсганар. 'охотники бежат от дождя, пошли через тайгу'. (мелет.)

tajɣi-lavl-ɣan	kizi-ler-i	taptivskanar'	suɣš'avsqan	tajgaž'a	parsɣanar
тайга-DerRefl-PTCP	человек-PL-POSS	бегать-PST-3pl	вода-PTCP	тайга.POST	идти-PST-3pl

(116). пис кälғевс чулжа ис сонда 'мы после работы пришли по реке'. (мелет.)

pis	kälɣevs	čulž'a	is	sonda
мы	прийти-PST	река.POST	работа	конец-LOC

(117). кой käле:ди чолчä 'овцы идут по дороге' [ДЗ, с. 194] (тутал.)

koj	käle-di	čol.čä
овец	прийти-PST	дорого.POST

Однако направление и пролативность указываются только в соответствии с местом окончания ситуации (Бирюкович, 1981, с. 100]:

(118). ке:р кижи чол**ча** пере:ды. 'старик по дороге идет.' (тутал.)

Ke:r	kiži	čol.ča	pere:-dı
старый	человек	дорого.POST	идти-PST

В **хакасском** -ча, - че -ҷа -ҷе выражает пространственные в прямом и переносном смысле отношения (при сказуемых, выраженых глаголами движения), указывая на распространенность действия по поверхности предмета, обозначенного сопровождаемым словом [Донидзе, 1975, с. 268]:

- тайғаҷа, суғ чолынҷа, тасхылҷа, чазыларҷа чон төреен чирі-сууна субалысчатхан (фолк) 'по тайге, водными путями, по тасхылам и степям народ возвращался на свою родную землю' [там же]
- азыр ханаттығ самолет ах тигирҷе учухча (фолк) 'с распростертыми крыльями самолет по белому небу летает' [там же]

В **алтайском** управляет родительным падежом.

- көлдиң дьаказынча дьортып келдибис 'мы приехали по берегу озера' [ДРА:218]
- элик каяның ӱстӱнче маңтады 'козуля побежала по верху оленя' [там же, с. 218]

- мениң кийнимче эки бала келди 'следом за мной пришли двое детей' [там же, с.].
- ол слердиң алдыгарча этти 'он прошел мимо вас' [там же, с. 217]

В **шорском** языке управляет основным падежом:

- мен тагча аштым 'я перевалил через гору' [ДРШ:239]
- мен калын (тум) чышча пардым я ехал густым лесом [там же, с. 240]

3.3.1.2. -čA (временная связь, до)

В случаях образования временной связи в словосочетании этот послелог имеет значения русского «пока, до, в течение». Для употребления в значении времени его нужно присоединить к глаголу, который должен иметь аффикс причастия в прошедшем времени (-гАн, -кАн, -хАн). Он встречается в чулымском, хакасском, шорском языках.

(119). ол турған аның мамозунуң щанда адазу кälғенжe äпьке войнадын 'он жил с его мамой пока его отец вернулся из войны'.

urgan	anin	mamo-zu-nuŋ	š'an-da	ada-zu	käl-ɣen-ž'e	äp-ke	vojna-din
стоять-PST	DEM.3sg	мама-POSS.3sg-GEN	бок-LOC	отец-POSS.3sg	прийти-PST-POST	дом-DAT	война-ABL

(120). мän тутғанжа, козан кащваган 'заяц прятался, пока я его не поймал'

män	tut-ɣan-ž'a	kozan	kaš'-va-ɣan
я	поймать-PST-POST	заяц	бегать-PST

(121). сän мында ол-ур, мän суғ-а: ба:р келвänче. 'пока принесу воду, ты посиди' [Дульзон 1973b, с. 202] (тутал.)

sän	minda	olur	män	suɣ-a:	ba:r	kel-vän-če
ты	тут	сидеть-IMP	я	Вода-DAT	идти	прийти-PST-POST

В **хакасском**:

- Инженерні сағаанҷа, забойға суғ тол парар. 'Пока будем ждать инженера, забой наполнится водой' [ГХЯ:268]

В **алтайском** в сочетании с причастием на -ган, послелог ча~че означает продолжающееся состояние, предел действия [Дыренкова, 1940, с. 217]:

- келгенче 'все еще не пришел', 'до прихода' (от глагола кел-)

В шорском:

- апшак кар чаганче инниң аксынга чаткан 'медведь до тех пор пока выпал снег, лежал у входа в берлогу' [ДРШ, с. 240]
- ölгемче алтын тайгама аңнап куштап пар келейин 'пока я еще не умер, съезжу-ка в мою золотую тайгу поохотиться на зверей и птиц' [там же]

3.3.1.3. -čA (приблизительности/относительности)

В чулымском этот послелог, ставший аффиксом, кроме значения пространства и времени образует также смысловые связи приближения, приблизительности и относительности (по-моему, по-твоему). В этих случаях он управляет именительным падежом.

В чулымском:

(122). адама кырыкӂа щазы, änäме одусӂ**а**. Отцу - около сорока, маме - около тридцати пять. (мелет.)

ada-m-a	kɨrɨk-ž’a	š’az-ɨ	änä-m-e	odus-ž’a
отец.1sg-DAT	40.POST	лет-ɨ.POSS.3sg	мама.1sg-DAT	30.POST

(123). ол ана полган щегирьбäӂ**е** щыл. Ей уже около 20 лет. (мелет.)

ol	ana	pol-ɣan	š’egirbä-ž’e	š’ɨl
он	уже	быть-PST	20.POST	лет

(124). мозунуң щанда сäни сағсған игижӓ шас. у моста ждали тебя около 2 часа. (мелет.)

moz.u-nuŋ	š’an.da	san.i	saɣ-s-ɣan	igiž’ä	šas
мост.3sg.GEN	бок.LOC	ты.ACC	Ждать-AUX:INCH-PST	2.POST	час

В **хакасском** данный послелог-аффикс выражает отношения противопоставления, уподобления и приблизительности [Донидзе, 1975, с. 268]:

- андағ алығ ниме чоохтағлап чӧрченче, агротехниканы ӱгренчең ползан 'ты бы лучше изучал агротехнику, чем распространять такие глупости' [там же]

- анда хайдар хайдар аба улиинча хая турған. там стоял большущий - величиной с медведя - камень [там же]
- ол аалнын пазында пай садығчы пар полтыр. Чибиргиче лавка тутчаң полтыр (фолк.) 'На окраине того улуса жил богатый купец. Он держал около двадцати лавок' [ГХЯ:268]

В **алтайском** данный послелог в качестве послелог-аффикса сравнения и предела означает ‘как, подобно чему’ [Дыренкова 1940, с. 217]:

- сениң уулың бистиң уулча 'твой сын как наш сын'
- сенче кижи 'человек с тебя'
- сенче бала ‘ребенок с тебя (ростом)’
- атча кулун ‘жеребенок с коня (величиной)’

В **шорском**:

- алтын шарчын тӧзинде кӧк таскылча кӧк пор-ат турча 'у золотой коновязи стоит голубо-серый конь с синий таскыл' (размером, величиной с) [ДРШ:240]
- ак чарык чер кара пежикче чайкалча белый свет-земля как черная колыбель качается (из эпоса) [ДРШ:240]

3.3.1.4. -naŋ / -neŋ (с)

В древнетюркском языке инструментальным аффиксом является «-n». Этот аффикс, часто встречающийся в древнетюркском, со временем потерял свою активность, однако в некоторых примерах оно сохранилось в виде застывшей формы. Мы встречаем эти древние аффиксы в таких послелогах, как «uč-u-n» и «ile-n». По мнению М. Эргина, после потери активности инструментального аффикса его место занял послелог «ile», который, оставаясь послелогом или перейдя в форму аффикса, полностью заменил инструментальный аффикс. Функции послелога «ile» и инструментального аффикса примерно одинаковы. По этой причине, аффикс сам по себе отдал своё место послелогу, послелог занял его место. Так как послелог «ile» со временем образовал также аффиксные формы «-la, -le», считается, что он перешёл в положение инструментального аффикса [Ergin 2009, с. 237]. В главе, где мы рассматривали собственно послелоги, мы детально остановились на происхождении и структуре послелога «birlen». Можно предположить, что послелог-аффикс *-naŋ* произошёл от послелога «birlen» и имеет два фонетических варианта в чулымских

диалектах: *-naŋ* в мелетском диалекте и *-ble* в тутальском диалекте. В тюркских языках инструментальный аффикс «-la, -le» всегда безударен, как и другие падежные аффиксы. Эту особенность можно объяснить тем, что оно является послелогом, превратившимся в аффикс, потому что послелог «ile» безударен, и ударение падает на предыдущее слово. Так как «-la, -le» являются аффиксной формой послелога, они располагаются не после единственных, множественных форм и форм родительного падежа, а после аффикса родительного падежа. Это подтверждает тот факт, что «-la, -le» не являются абсолютными инструментальными аффиксами и что они, по сути, есть послеложные формы [Ergin, 2009, с. 239]. Если мы воспользуемся таблицей Хоппера для аффиксов -la и -nan, то увидим, что эти фонетические изменения, произошедшие в данный исторический период, никак не отразились на функции аффикса. Если же мы рассмотрим данное отыменное служебное слово как его нулевую форму, наша таблица будет выглядеть следующим образом:

content item> grammatical word> clitic > Infl. affix

bir+(odin**) > bir+ile (**вместе**) > la (-naŋ*)* > la -** -naŋ

При рассмотрении вариантов *-nen/-men/-la/-bla* в различных тюркских языках мы начинаем лучше понимать, что он является послелог-аффиксом. Если посмотреть на инструментальные падежные аффиксы в современных тюркских языках, нам встречаются следующие послелоги-аффиксы: «menen» в киргизском, «bilan» в казахском, «belen» в татарском, «bilen» в туркменском и уйгурском, «man/bla» в карачаево-балкарском, «minen» в ногайском, «nen» в крымском татарском, «minen» в башкирском, «benen/menen» в каракалпакском. Послелог «ile» в результате различных фонетических эволюций был обнаружен в формах men, nen, minen, menen. В южносибирских языках форма «ilen» послелога «ile» путём регрессивной ассимиляции превратилась в «inen», после чего отбросила корневую гласную «-i», и образовалось аффикс «nan». Несмотря на то, что функционально это слово является одинаковым с послелогом «ile» и безударно, в современных книгах по грамматике оно характеризуется в качестве инструментального падежного аффикса. В хакасском, мелетском диалекте чулымского, языке барабинских татар [Дмитриева, 1981, с. 221], телеутском оно

встречается в форме «-mɨnaŋ» [М.Г. Токмашев, Д.М. Токмашев, 2008, с. 75].

В мелетском говоре **чулымского** языка данный послелог-аффикс выражается:

(125). узуға (щанда) кäңщинаң 'спать с ребенком'

uzu-ɣa	š’an-da	känš’i=naŋ
спать-INF	бок-LOC	ребенок=COM

(126). мäң эвим щавсыра турувлу кölӱнең 'мой дом рядом с озером'

mäŋ	ev-i-m	š’avsɨra	tur(u)-vlu	kölü-neŋ
я-	дом-POSS-1sg	рядом	стоить-PRS	озеро=COM

(127). эзен бӱзенде ейдик истенäк палазынаң 'в следующий раз будем работать также с его ребенком'

ezen büzen-de	ejdik	iste-nek	pala-zɨ-naŋ
в следующий раз-LOC	также	работать-FUT	ребенок=COM

В сагайском диалекте **хакасского** языка, Н.Ф. Катанов отмечает следующие примеры [Катанов, 1973, с. 72]:

- ол а:ны ағаснаң сапхан. 'он его бил палкою'
- аттаң па:зылған пу чир. 'эта земля топтана конем'.

По мнению Д.Ф. Патачаковой, в качинском диалекте сильно отличаются аффиксы орудного падежа. которые восходят к древнему послелогу *билен*. В качинском диалекте этот послелог принял формы *-бынаң*, *-бінең*, *-пынаң*, *-пінең*, *-мынаң*, *-мінең* [Патачакова, 1973, с. 19]:

- кізібінең 'с человеком', отпынаң 'с огнем', чонмынаң 'с народом'

Можно подчеркнуть что, авторы грамматики хакасского языка [ГХЯ, 1975] и грамматика шорского [Дыренкова, 1941] не включают эти аффиксы в разделы, посвященные послелогам, в своих книгах. Эти аффиксы встречаются под разделом творительного падежа.

3.3.1.5. -bla/-ble, -la/-le (с)

Послелоги-аффиксы «-bla/ble» и «-naŋ», рассмотренный нами в предыдущем разделе, считаются различными фонетическими вариантами одного и того же послелога. Пояснения, приведённые нами по поводу форм *пеп*, *теп*, *тепеп*, действительны и в отношении послелога «-ble», который, по нашему мнению, произошёл от

послелога «bile/bilen». Этот послелог имеет различные фонетические варианты, такие как *birle, birlen, belen, ilen, menen, man, nan, bile, biła, pilen, pülen, pa, ba* и называется послелог-аффиксом при использовании в форме «-ble». В тутальском говора чулымского этот послелог-аффикс используется в варианте «-bla/ble» и имеет такую же функцию, что и послелог *birle/birge*. Кроме тутальского говора чулымского мы встречаем подобные фонетические варианты также у алтайцев: *-la, -le, -lo, -lö* [Дыренкова, 1940, с. 219]; у лебединских татар: *-bla, -la, -le* [Баскаков, 1985, с. 49]; у кумандинцев: *-bla, -pla, -la* [Баскаков, 1972, с. 74]; в тофаларском языке: *-bla* [Дыренкова, 1963, с. 12], у желтых-уйгуров: *-la*, [Тенишев, 1966, с. 54], в тувинском: *-bile*, в шорском: *-pa, -ba, -ma* и его варианты [Дыренкова, 1941, с. 239]. В тувинском мы встречаем два разных слова «bile», одно из которых является послелогом, а другое – союзом. Союз «bile» пишется раздельно, а послелог — через дефис [ГТЯ, 1961, с. 438].

Р.М. Бирюкович [1981] обращает наше внимание на роль, которую играет *-лан*, определяемое ей в качестве падежного аффикса, в процессе образования послелогов в чулымском, и даёт следующие примеры. Данный послелог в тутальском говоре чулымского языка:

(128). пастыр=была шагом
(129). пурунгусы=была с давних пор
(130). басха=блан по-другому
(131). чыл=лаң годами

Есть большая вероятность того, что эти морфемы, называемые Бирюкович падежным аффиксом, являются бывшим послелогом (birge/pirge, birlen). В вышеуказанных примерах вместо этой морфемы, используемой в качестве показателя творительного падежа, может быть использован послелог «бирле» без какого-либо изменения в значении.

(132). Сäң ме:ңлä паргалдырсың-ба? Ты с мной пойдешь?
(133). палазы=блан с его сыном
(134). кämä=лаң с твоей лодкой
(135). sö:skäj-le червём
(136). палык=лаң рыбой
(137). чол=бла по дороге
(138). кана:та=бла с помощью крыльев
(139). чылтызы=бла с корнем

(140). па:жы=влȧ головой

(141). пычак=выла ножом

(142). шана=вла на лыжах

[Бирюкович, 1981:76–87]

в алтайском:

- Эмди кожыбысты машинала тартып дьадыбыс теперь 'наши грузы перевозим на автомобилях' [ДРА, с. 219]
- дьер ӱстӱ карла бӱркелди 'поверхность земли покрылась снегом' [ДРА, с. 219]

В шорском:

- аттың ӱнибе киштеди, алыптың сӧзибе сӧйледи 'лошадиным голосом ржал, богатырскими словами разговаривал' [ДРШ, с. 239]
- кӱн одыба кӱн кӧй шыкты 'разгорелся день огнем солнечным' [ДРШ, с. 239]

Ф.Г. Исхаков и А.А. Пальмах считают, что в тувинском языке нет творительного падежа, вместо него употребляется существительное с послелогом *биле* [ГТЯ, 1961, с. 424]:

- өш-биле 'со злым умыслом', 'мстя', 'нарочно'
- силерниӊ-биле сумележир дээш келдим я пришел для того, чтобы посоветоваться с вами. [ГТЯ, 436]

По мнению Н.Ф. Катанова, исследовавшего хакасские диалекты, это слово почти во всех диалектах аффиксировалось. «В сагайском диалекте, творительный падеж оформляется аффиксами -наӊ, нэӊ: колнаӊ 'рукою', карнаӊ 'снегом'. Есть еще древние аффиксы, употребляемые только некоторыми стариками сагайского племени, как -пыла, -пілэ, -была, -білэ **ағаспыла** 'палкою' **палтыбыла** 'топором', **сӧспіле** 'со соловом' **кізібіле** 'человеком'» [Катанов, 1973, с. 73]. М.И. Боргояков считает, что, «в белтирском говоре творительный падеж оформляется при помощи послелогов-аффиксов *-паӊ, -пеӊ, -маӊ* и *-мэӊ*. Бельтиры говорят *холмаӊ* 'рукою', *чонмаӊ* 'с народом', *санамаӊ* 'с лыжами', *атмаӊ* 'конем'» [Боргояков, 1973, с. 95].

- Хысты пастағыдох ак кеген кӱнде хаӊаамаӊ, етпеза сормаӊ еб ебире сырайын чаппин кун чолымаӊ ал чӧрче. (В тот же день девушку (невесту) возят на телеге или на санях вокруг дома по ходу солнца) [там же]

По словам Н.Ф. Катанова, «в койбальском наречии и отчасти качинском творительный падеж оканчивается словами (т.е. аффиксами), -пынаӊ, -пінэӊ, мынаӊ, -мінэӊ, бынаӊ -бінэӊ: сӧспінэӊ

'словом'. көлбебінең 'корытом' көлмінэң 'озером'» [Катанов, 1973, с. 73].

3.4. Послелоги-имена
3.4.1. Послелоги-имена, выражающие отношения места-расположения

Все послелоги в тюркских языках либо отыменные, либо отглагольные. Считается, что от имен существительных или глаголов произошли даже те послелоги, чью этимологию сейчас трудно установить (например, tag, učun). Тот факт, что в старотюркском послелогов было мало, да и те происходили от существительных и глаголов, указывает на то, что изначально в тюркском послелогов не было, они появились позже как отдельная группа слов. Наиболее часто тюрские послелоги образуются от самостоятельных слов, которые, утратив свое первоначальное значение, начинают использоваться в качестве служебных слов и становятся устойчивыми выражениями. Кроме того, послелоги образуются путем присоединения различных аффиксов к существительным и глаголам или же при утрате словом первоначального значения. В последнем случае утрата словом первоначального значения может быть полной или неполной. Поначалу образованные таким способом служебные слова больше привязаны к своему первоначальному значению, со временем эта связь исчезает. В тюркских языках некоторые слова, произошедшие от существительных, постепенно перешли в разряд служебных слов.

3.4.1.1. al/alın [перед]

Мы считаем, что происхождение этого слова, которое используется в функции послелога с различными падежными аффиксами, восходит к слову «**al**» [передний, передняя сторона, передняя часть чего-либо]. Считается, что первая форма этого слова состояла из долгих гласных [ЭСТЯ, 1974, с. 124; Tekin, 1995, с. 172]. Г. Клаусон говорит о «точном» существовании двух слов в древнетюркском, имеющих произношение a:l, и с осторожностью размышляет по поводу третьего слова. Г. Клаусон, объясняя в своём словаре значение слов, существование которых точно известно, как «средство/трюк» [device, trick] и «багряный» [scarlet], говорит, что если и существует третье слово, то оно должно означать «передний, внешняя поверхность, подкладка». Однако он с сомнением относится к существованию этого третьего слова. Он отмечает, что в былые

времена это слово встречалось только в форме с аффиксом объектного падежа, и считает, что это слово может быть одной из форм слова «alɨn» с неправильной этимологией. Он объясняет параллельную проблему сомнительного этимологического анализа при помощи примеров «alt» и «altɨn» [Clauson, 1972, с. 120–121]. А.В. Дыбо же объясняя слово «alɨn» [лоб], обращает внимание на то, что слово *a:l [перед] иногда путается со словом *al- [низ] [СИГТЯЛ, с. 199].

В тюркских языках слова, указывающие на расположение-направление, имеют тесную связь с частями тела. В связи с этим, какая бы из расшифровок не была правильной этимологически, это слово, определяющее переднюю верхнюю часть лица и часть лица между бровей и глазом, использовалось и продолжает использоваться в функции послелога в обеих формах. Мы считаем, что существует тесная связь между словами «al» и «alɨn». Однако, так как сомнительно, какое из двух слов является более старым, и пока точно не известно, является ли слово «alɨn» отдельным словом или формой слова «al» с падежным аффиксом, мы предпочли рассмотреть два этих варианта под одним заголовком. Другими словами, мы считаем, что слово «al», означающее «передний», взяло на себя функцию послелога в результате метафоризации слова «alɨn», означающего «лоб». Мы встречаем это имя почти во всех тюркских языках [ЭСТЯ, 1974, с. 125].

Р.М. Бирюкович отмечает, что это слово употребляется в чулымском вместе с исходным, местным, дательно-направительным падежами и обозначает, что «исходным пунктом действия является передняя часть чего-либо, указывает на переднюю часть чего-либо, которая является местом совершения действия» [Бирюкович, 1981, с. 105].

Чул.

(143). ы:л а:лында чазағ парсхан. 'перед деревней пешком пошел' [БР, с. 105]

ɨ:l	a:lɨn-da	čazaɣ	parsxan
деревня	перед-LOC	пешком	пойти-PST

(144). äп а:лындын от öс паған. 'перед домом трава росла' [БР, с. 105]

äp	a:lɨn-dɨn	ot	ös paɣan
дом	перед-3sg-ABL	трава	расти-AUX:быть-PST

(145). аға:зы а:лына чаң то:нын салған. 'перед отцом новую шубу

положил' [БР, с. 105]

aɣa:-zi-	a:l-i-na	čaŋ	to:nin	sal-ɣan
отец-3sg	перед-3sg-DAT	новый	шуба	класть-PST

(146). парсқан ävин алында 'проехать перед домом'

parsqan	äv-in	al-i-nda
проехать	дом-GEN	перед-Poss.3sg-LOC

(147). ол турған аның адазунуң алында. 'он стоял перед своего отца'

ol	turɣan	an-iŋ	ada-zu-nuŋ	al-i-nda
он	стоить-PST	он-GEN	отец-POSS.3sg-GEN	перед-Poss.3sg-LOC

(148). щилгозун алында мең шасағ калейдим. 'перед лощадей я пешком иду'.

š'ilgo-zu-n	al-i-n-da	meŋ	šasaɣ	kal-ejdi-m
лощадь-POSS.3sg-GEN	перед-POSS.3sg-LOC	я	решком	идти-PRS-1

Хак.

Кустук, пағдағы кізілернің алнына ойлап киліп, оларзар салаанаң көстеп чоохтанча 'кустук, подбежав к связанным людям и показывая на них пальцем, говорит'. [ГХЯ 263]

Шор.

алларында кара чыш көрўнди. 'впереди них видна была черная тайга' [ДРШ 115]

Как понятно из определения, это слово используется в функции послелога только в случае взятия различных аффиксов. Это не совсем подходит к традиционному определению послелога.

3.4.1.2. alt [под]

Аннемари фон Габайн считает, что этот послелог, «скорее всего, появился в результате неверной расшифровки слова al+tin [<al "alt" + tin "аффикс наречия места"] в качестве alt+i+n [Gabain, 1954, с. 24; Li, 2004, с. 573]. Г. Клаусон говорил об этой возможности неправильной расшифровки в отношении и слов «alt-altin», и слов «al-alin» [Clauson, 1972, с. 121]. В этимологическом словаре Э.В.

Севортяна мы видим похожие взгляды. По мнению Э.В. Севортяна, это слово происходит от слова «al», имеющего значения «низ, нижняя часть». В крымском татарском, крымском караимском, татарском, алтайском диалектах, в уйгурском, турецком, карачаево-балкарском и хакасском языках встречаются подвергшиеся звуковым изменениям варианты этого слова [ЭСТЯ, 1974, с. 140]. Слово в целом имеет следующие значения в тюркских языках: сторона чего-либо, смотрящая на пол; дно чего-либо; часть берцовой кости, которая касается пола при положении сидя; часть чего-либо, близкая к полу; самый дальний из предметов по отношению к нам; самый близкий к полу предмет [ЭСТЯ, 1974, с. 140]. По мнению Г.И. Донидзе, «Алтына, алтында, алтынан, алтынзар, алтынча восходят к имени существительному алт[ы] низ, нижняя часть чего-либо используется: алтына и алтынзар – для указания на направленность под низ чего-либо, алтында – для указания совершение действия под низом чего-либо, алтынан – для указания на напревленность действия из-под чего-либо, аттынча – для указания на движение по пространству под чем-либо....» [ГХЯ, 1975, с. 263]:

Азаам алтында хар ығырап одырчатхан. 'моими ногами поскрипывал снег.' [ГХЯ 263]

В тувинском, шорском, алтайском языках также встречаются похожие употребления [Орсулова, 2001; Невская, 1997; СИГТЯМ, 572].

В тюркских языках достаточно часто встречаются другие варианты «alt» с падежным аффиксом. Они могут брать аффикс местного падежа (-da), дательного падежа (-a), исходного падежа (-dan, nan), орудно-совместного падежа (-la). Эти послелоги, беря различные падежные аффиксы и флексии, могут принимать на себя различные функции в предложении. Существуют различные взгляды по поводу того, можно ли считать послелогами новые слова, образованные в результате присоединения к корню «alt» сначала аффикса третьего лица единственного числа и потом падежных аффиксом. Например, Н. Хаджиэминоглу [Hacıeminoğlu 2015, с. 105–106] говорит, что «европейские тюркологи считают послелогами и включают их в грамматику даже такие формы, как “üstüne”, “üstünde”, взявшие падежные аффиксы. Тогда как слово, взявшее какой-либо падежный аффикс, в тюркском перестаёт быть послелогом», и он считает, что эти слова уже не могут быть послелогами.

Мы согласны с тем, что данное слово является не послелогом, а именем, употребляющимся в функции послелога, потому что послелоги при управлении впереди стоящих слов при помощи

различных падежей не влияют на падеж впереди стоящего имени; в соответствии со связью агенс-глагол в предложении они сами склоняются в различных падежах. Это употребление в чулымском параллельно с другими тюркскими языками. В связи агенс-пространство-глагол – с какими падежными аффиксами будет склоняться слово, решают восприятие говорящего, направление движения глагола или расположение объекта. В этом случае это слово не выполняет функцию «управления», присущую послелогам, а переходит в форму «управляемого» в соответствии с другими факторами.

В чулымском и соседних сибирских тюркских языках это служебное слово используется с местным, исходным и дательным падежами. Форма «**altɨnda»,** стоящая в местном падеже, используется в следующих ситуациях:

- Чтобы показать, что что-либо находится внизу без соприкасания.
- Чтобы показать, что что-либо находится внизу и есть соприкасание.
- Для обозначения расположения предмета по отношению к Солнцу, дождю, радуге и другим природным явлениям.

Тоже самое можно сказать и про слово «altɨna» с аффиксом в дательном падеже.

Чул.

(149). pälächäk o:l кроват' алтына кир паған. 'маленький мальчик под кровать залез' [БР 104]

päläčäk	o:l	krovat	alt-ɨ-na	kir paɣan
маленький	мальчик	кровать	под-POSS.3sg-DAT	зайти- AUX:быть-PST

(150). мыжык ыстäл алтындын щық паған. 'кошка вышла из-под стола' [там же]

mɨžɨk	ɨstäl	alt-ɨ-(n)dɨn		š'ɨq paɣan
кошка	стол	под-	POSS.3sg-ABL	выйти AUX:быть-PST

(151). Ол таг тазының алтында палығын табсған. 'он нашел рыбу из-под камней'. [мел.]

ol	tag	taz-ɨ-nɨŋ	alt-ɨ-(n)da	palɨɣ-ɨ-n	tabsɣan
он	горе	камень-POSS.3sg-	под-POSS.3sg-	рыба-POSS.3sg-	найти-PST

GEN LOC GEN

(152). Тақтозун устал алтындын аппар. 'Возьми стул из-под стола' [мел.]

Taqtozun	ustal	alt-i-(n)din	appar
стул	стол	под- POSS.3sg-ABL	взять-IMP

(153). Та: алтында тилкӱ щугуруп парсған. Под горой лиса бегом убежала. [мел.]

Та: (i-n)	alt-i-(n)da	tilkü	š'ugurup	par-s-ɣan
горе-GEN	под-POSS.3sg-LOC	лиса	убежать-CVB	идти-AUX:INCH-PST

(154). ағасын алтында орду поған. 'Под деревом берлога есть' [мел.]

aɣas-in	alt-i-(n)da	ordu	poɣan
дерево-GEN	под-POSS.3sg-LOC	берлога	есть-PRS

(155). мызығы кирьпаған устал алтына. 'кошка залезла под стол'. [мел.]

mizigi	kir'-paɣan	ustal	alt-i-(n)a
кошка-POSS.3sg	войти-PST-3sg	стол	под-POSS.3sg-DAT

(156). книғозу аңнапаған диванының алтына. 'книга упала под диван' [мел.]

kniɣo-zu	aŋna-paɣan	divan-i-niŋ	alt-i-(n)a
книга-POSS.3sg	упасть-PST.3sg	диван-POSS.3sg-GEN	под-POSS.3sg-DAT

(157). адою олурған устал алтында. 'собака сидела под столом' [мел.]

adoj-u	olur-ɣan	ustal	alt-i-(n)da
собака-POSS.3sg	сидеть-PST-3sg	стол	под-POSS.3sg-LOC

Шор.

чадык алтында козанак одурча 'под колодой сидит зайчонок' [ДРШ, с. 115]

Алт.

Столдың алдында киске отуры 'Под столом сидит кошка' [Орсулова 2001, с. 77]

3.4.1.3. ara [между]

Нет общего мнения по поводу происхождения этого слова. Т. Текин считает, что оно является деепричастной формой глагола «ar-» [проходить между чем-то] [Tekin 1968, с. 162]. Это слово в чулымском, принимая различные падежные аффиксы, превратилось в существительное и использовалось в функции послелога в форме существительного. По этой причине мы посчитали, что будет правильнее рассматривать это слово в разделе имён-послелогов, а не среди послелогов. Однако Г. Клаусон отмечает, что нет никакой информации по поводу того, что это слово использовалось в качестве существительного, и что оно употреблялось в виде послелога, выражающего значение «между двух мест» или «между людьми». Г. Клаусон отмечал также, что слово использовалось в османском в качестве послелога до 16-ого века [Clauson, 1972, с. 196–198]. [Ли считает, что Г. Клаусон пришёл к этому выводу в результате неверного прочтения, см.: Li 2004, с. 78]. Считается, что позже этот послелог взял различные падежные аффиксы и превратился в существительное. Однако, если учитывать тот факт, что послелоги в начале были осмысленными самостоятельными словами и уже потом перешли в форму служебного слова, развитие слова в качестве «ara» [существительное]<ara[послелог]<ara [знаменательное слово/существительное или глагол] входит в число вероятных возможностей. К. Эраслан рассматривает слово «ara» под заголовком послелогов со строением существительного в значении «промежуток, между» [Eraslan, 2012, с. 275].

А. Фон Габен [Gabain, 1952, с. 143] указывала на происхождение послелога «ara», употребляемое в древнетюркском, караханском, чагатайском, кыпчакском и западно-тюркском без каких-либо звуковых изменений, от существительного, а К. Брокельмен – от глагола [Brockelmann, 1954, с. 181], но эти учёные не предоставили каких-либо объяснений этому. Слово «ara» может использоваться и как послелог, и как существительное с падежными аффиксами и по форме напоминает наречие места, образованное при помощи аффикса направления «-ra», а также имеет сходство с деепричастием. Это слово при использовании в качестве послелога в предложении выполняет функцию наречия места [Hacıeminoğlu, 2015, с. 5]. По мнению Т.Е.

Орсуловой, которая не давала каких-либо объяснений по поводу происхождения этого слова и рассматривала его в разделе служебных имён, слова «ara» и «orto» похожи друг на друга с точки зрения значения: «Различие между ними состоит в том, что ара=употребляется в сочетании со словами, обозначающими отдельные, конкретные предметы, а орто= со словами, обозначающими целый, геометрически замкнутый предмет или совокупность нескольких предметов» [Орсулова, 2001, с. 87]. Мы не обнаружили в чулымском употребление этого слова в качестве собственно послелога без каких-либо аффиксов. Однако при взятии аффикса местного и дательного падежей оно образует в предложении значение пространства.

Чул.

(158). олар та:брақ а:ч ара̀:зында чазын паған. 'они быстро среди деревьев спрятались' [БР, с. 104]

olar	ta:braq	a: č	ara:-zi-(n)da		čazin paɣan
они	быстро	дерево	между-LOC	POSS.3sg-	спрятаться-PST

(159). ағач ара̀:зында қозан täптепискäн 'в глубь [в средину] леса заяц побежал' [там же]

aɣač	ara:-zi-(n)da		qozan	täptep-is-ken
дерево	между-LOC	POSS.3sg-	заяц	побежать-AUX-PST

(160). Улуу тиллеринин арозында кӱчӱш тиллери чазынпағанлар. 'Среди великих языков малые языки исчезли'.

Uluu	til-ler-i-nin	aro-zi-(n)da	küčüš	til-ler-i	čazin-paɣan-lar
великий	язык-PL-POSS-GEN	между-POSS.3sg-LOC	маленький	язык-PL-POSS	исчезать-PST-3.pl

(161). кӱчӱш ағаслар арозында шеңчик погатын кашгаган. 'среди маленьких деревьях от бодучего быка спрятался'

küčüš	aɣaslar	aro-zi-(n)da	š'enčik	poga-tin	kaš'va-ɣan
маленький	дерево-PL	между-POSS.3sg-LOC	бодучий	бык-ABL	спрятаться-PST-3sg

(162). агач ара:зында äштилтир кижиниң ӱнӱ. 'в лесу слышен голос человека' [ДУ, с. 207]

agač	ara:-zi-(n)da	äšt-il-tir	kiji-niŋ	ün-ü
дерево	между-POSS.3sg-LOC	слушать-PASS-PRS	человек-GEN	голос-3sg

Хак.

Кізі ағас аразынаң сых килген. 'Человек вышел из лесу' [ГХЯ, 264]

Шор.

агаш аразында кижи уни угулча. 'в лесу слышен голос человека' [ДРШ, 117]

Алт.

Агаш аразында јайгыда сӱрекей серӱӱн 'Летом в лесу очень прохладно' [Орсулова, 2001, с. 87]

3.4.1.4. baš/bas [голова, вершина, начало]

Слово «баш» считается одним из древнейших слов тюркского языка [Ata, 2000, с. 87]. Это слово в орхонских письменах используется в значении «голова, верхушка, пик» [Tekin, 2008, с. 37–38]. Основным анатомическим значением слова «baš» является «голова», и с самых ранних периодов оно употребляется в переносном значении – «глава армии», «начало чего-либо» и для описания географических понятий [Clauson, 1972, с. 375]. Что касается значений в тюркских языках, мы видим следующие значения этого слова: «часть тела, охватывающая такие органы человека и животного, как мозг, глаз, ухо, нос, рот, и находящаяся на верхней или передней части тела; управляющий каким-либо обществом; начало; основа; самая высокая точка на поверхности; конец чего-либо; каждый из концов чего-либо; крупица в пище; близость или окружение чего-либо; находящий впереди по важности; рана; самый возвышенный» [TDK: Словарь Института турецкого языка]. Это слово имеет различные фонетические варианты и при употреблении в качестве служебного слова больше употребляется в значении «в начальной стороне чего-либо», «в верхней стороне». По мнению Г.И. Донидзе, [ГХЯ 1975, с. 265] в хакасском *«pazına, pazınan, pazındar, pazınça восходят к имени существительному pas голова верхушка, начало, используются: pazına и pazınzar - для указания направленность действия к верхней части или к началу чего-либо, pazında для указания на совершение действия в*

верхней плоскости чего-либо в пространтсвенном плане и в начале чего-либо – во временном, pazłnan для указания на направленность действия с верхней плоскости чего-то в пространтсвенном плане и от настоящего к будущему – во временном, pazłnça для указания на на совершение действия по верхней части чего-либо».

Хак.

Улуғ аалның пазына чағдан киліп. 'Приблизившись к большому улусу...' [ГХЯ 265]

В чулымском это слово используется в качестве служебного слова вместе с местным, исходным, дательно-направительным падежами или управляет именительным падежом. Это слово может быть использовано для детализирования и местных, и временных отношений [Бирюкович 1981, с. 105]. В этой функции оно встречается почти во всех сибирских языках.

Чул.

(163). äп па:женда örtök ӱчӱптӱр 'над домом утки летают' [там же]

äр	pa:ž-e-(n)da	örtök	üčüp-tür
дом	голова-POSS.3sg-LOC	утка	летить-PRS

(164). ай па:женда ме:ң оғланымға тӧ:ртӱнзӱ йа:жы 'в начале месяца моему ребенку исполнится четвертый год' [нч.] [там же]

aj	pa:ženda	me:ŋ	oγlan-ım-ga	tö:rt-ünzü	ja:žı
месяц	голова-POSS.3sg-LOC	я	сын-POSS.1sg-DAT	4-ORD	год-3sg

(165). ӱс па:жендын 'с истоки Чулыма' [там же]

(166). ӱс па:жена 'к истоки Чулыма' [там же]

(167). тайганың пазында могалағ гӧрегевс. 'мы увидели медведя в начале тайги'. [мел.]

tajga-nıŋ	paz-ı-(n)da	mogalaγ	gör-(e)gev-s
тайга-GEN	голова-POSS.3sg-LOC	медведь	видеть-PST-1pl

(168). тайганың пазында могалағ щӧрен. 'в начале тайги медведь ходил' [мел.]

tajga-nıŋ	paz-ı-(n)da	mogalaγ	š'ör-en
тайга-GEN	голова-POSS.3sg-LOC	медведь	ходить-PRS

(169). щулорунуң пазында баалыктору көп. 'В начале реки много рыб'

š’ul-oru-nuŋ	paz-i-**(**n)da	baalik-tor.u	köp
река-POSS.3pl-GEN	голова-POSS.3sg-LOC	рыба-PL-POSS	много

В мелетском говоре, когда речь идет о лохматых вещах употребляются *пазында;* а когда об узких вещах, употребляются *ужунда.*

(170). Аашың пазында кучактар учтурлар. 'Над головой дерева птички летают' [мел.]

Aaš-iŋ	paz-i-**(**n)da	kučak-tar	uč-tur-lar
дерево-GEN	голова-POSS.3sg-LOC	птица-PL	летить-PRS-3pl

(171). Аашың ужунда кучактар учтурлар 'Над головой дерева птички летают' [мел.]

aaš-iŋ	už-u-(n)da	kučak-tar	uč-tur-lar
дерево-GEN	конец-POSS.3sg-LOC	птица-PL	летить-PRS-3pl

Шор.

Том пажы - мӧзӱк тайгалыг чер. 'верховье р. Томи — высокая скалистая местность.' [ДРШ 114]

Алт.

Туранын бажында боро кушкаштар уйа тартып алган 'На крыше дома воробьи свили гнёзда' [Орсулова, 2001, с. 76]

3.4.1.5. čan/šan [бок]

Несмотря на то, что основное значение этого слова – «бедро», оно использовалось также в значении «сторона тела» и в других значениях [Clauson, 1972, с. 940]. В современных тюркских языках оно имеет следующие значения: часть вне передней, задней, нижней и верхней стороны чего-либо; направление; общее название для слов «право» и «лево»; сторона; место; верх; вместе; сопутствование; какая-либо часть тела; находящийся на втором уровне. Это слово, за исключением атахской группы, используется в большинстве старых и новых диалектах тюркского в качестве послелога или существительного в функции послелога. Более старым употреблением слова является форма *yān [Tekin 1995, с. 175; Li 2004, с. 778].

Данное слово имеет различные фонетические варианты в тюркских языках, в чулымском выступает перед нами в формах «čan» и «šan» и употребляется вместе с местным и исходным падежами. Обозначает место совершения действия сбоку чего-либо или исходный пункт действия, которым является бок чего-либо, место рядом с чем-либо [Бирюкович, 1981, с. 105]. В хакасском оно имеет форму «nan» [Баскаков, Инкижекова, 1953, с. 114], в тофаларском – «nyan» [Рассадин, 2005, с. 153].

Чул.

(172). äп чанда қой пастуқтабыл. у дома [около дома] пасет [он] овец. [БР 105]

äp	čan-da	qoj	pastuqta-bɨl
дом	бок-LOC	овец	пасти-PRS

(173). е:бем ча:ндын парсханнар та:ң агырпыс ханда. от моего дома отправились на заре. [БР 106]

ä:b-em	ča:n-dɨŋ	par-s-xan-nar	ta:ŋ	agɨrp-ɨs	xanda
дом-	бок-ABL	ходить-AUX:inc-PST-3pl	зар я	заниматься -PTCP	сторона-DAT

(174). пар олур аның щанда. 'иди и сядь с ним рядом' [мел.]

par	olur	an-ɨŋ	š’an-da
идти-IMP	сидеть-IMP	он-GEN	бок-LOC

(175). ол щуртавлы қородуң щанда. 'он живет возле города' [мел.]

ol	š’urta-vlɨ	qorod-uŋ	š’an-da
он	жить-PRS	город-GEN	бок-LOC

(176). аран турувлу чул щанда. 'сарай стоит около реки' [мел.]

aran	turuv-lu	čul	š’an-da
сарай	стоить-PRS	река	бок-LOC

(177). пис щуртавлывс мос щанда. 'мы живем около моста' [мел.]

pis	š’urtavlɨvs	mos	š’anda
мы	жить-PRS-3pl	мост	бок-LOC

(178). мозунуң щанда сени сағиқывс 'у моста будем ждать тебя' [мел.]

mozu-nuŋ	š’an-da	seni	saɣi-qɨvs
мост-GEN	бок-LOC	ты-ACC	ждать-PRS-1pl

Шор.

эжигиниң чанында салды. 'Положил у двери'. [ДРШ 116]

Алт.

Эртенгизинде эртен тура Чумардыҥ апылыныҥ јанында улус јуулып

келди 'Назавтра возле дома Чумар собрались люди' [Орсулова, 2001, с. 80]

3.4.1.6. is/iš[внутри]

Это слово, встречающееся почти во всех старых и новых тюркских языках, начиная с орхонского тюркского и заканчивая современными языками, использовалось в качестве послелога с различными падежными аффиксами [Li 2004, с. 654]. Используемый со времён енисейских и орхонских письмен, послелог «ичре» в те времена употреблялся в качестве наречия и послелога. Послелог «ичре» выражает, что какое-либо действие, образование или движение происходят внутри какого-либо существа, предмета или места. Этот послелог при использовании вместе с конкретными именами может иметь ту же функцию, что и послелог «bilen» [c] [Yaman, 2005, с. 71]. Этот собственно послелог не подвергался каким-либо фонетическим изменениям со времён древнетюркского периода. Он чаще всего выполняет функцию наречия места.

Э.В. Севортян следующим образом описывает значения этого слова: 1]внутренность, внутренняя часть, нутро, полост, внутреннее, тайный, затаенный, секретный, 2] переносные по происхождению значения: внутренний мир, сокровенные мысли 3] вторичные значения: ум, память; 4] внутренности, потроха, требуха; 5] недра; 6] вместимость; 7] подкладка, подбой, внутренний мех в шубе, изнанка; 8] мякоть [плода]; начинка [фарш]; 9] сердцевина [в разных значениях], ядро, ядрышко, суть; 10] экскременты [редко]; 11] придача [уст.]; 12] в служебной функции послелога. По Э.В. Севортяну, согласно данным, которыми располагаем, исходное значение «**ич»** не подлежит восстановлению. Оно, скорее всего, не «внутренность/внутренняя часть», безотносительно к предмету, а в генезисе «привязано» к чему-то конкретному, объяснение которых могут дать значения 4 – «внутренности» и «нутро» из группы 1. Значения 1 и 4 можно считать древнейшими значениями «ич», также вполне возможно считать и значения 7, которые можно встретить в старейших текстах наряду с гомогенными производными в тех же самых текстах. Приведём

пример: «içmek» – «барашковая шуба» в составе глагола «içmeklenme». Другие значения – вторичные, в определённой своей части метафорические по происхождению. [ЭСТЯ 1974, с. 389]. Этимология послелога «içre» обычно даётся следующим образом: iç + re: корень существительного + направительный аффикс. Ф. Габайн рассматривает «içre» в виде собственно послелога в значении «внутри, в» [Gabain, 1988, с. 99]. К. Эраслан же говорит, что «içre» [<iç+re] является собственно послелогом, выражает значение места, произошло от существительного и используется в значении «внутри, внутрь» [Eraslan, 2012, с. 299].

Данное слово было обнаружено в чулымском в виде «иш/ис», в тофаларском – «i:šti» [Рассадин, 1978, с. 262], в телеутском – «іč», [ТОС, 1995, с. 31], в языке барабарских татар – «its», «іč», «еč» [Дмитриева, 1987, с. 52–78]. В тувинском, хакасском, чулымском и шорском языках оно употребляется вместе с аффиксом принадлежности третьего лица единственного числа [Щербак, 1987, с. 67]. В чулымском оно используется с дательно-направительным, местным и исходным падежами. По Р.М. Бирюкович, данное служебное слово, «употребляются в форме местного, дательно-направительного и исходного падежей в служебной функции. В дательно-направительном падеже обозначает направленность действия во внутрь, в местном падеже указывает на место совершения действия, в исходном падеже указывает на направленность действия изнутри» [Бирюкович, 1981, с. 106]

Чул.

(179). ке:р анайак äп ишнä кир паган. 'старушка в дом зашла' [там же]

kä:r	anajak	äp	iš-nä	kir paɣan
старый	женшина	дом	внутри-DAT	заходить-PST

(180). äп иштиндä кижи көп 'в доме много людей' [там же]

äp	iš-ti-(n)dä	kiži	köp
дом	внутри-POSS.3sg-LOC	человек	много

(181). äп иштиндин тутун тохлабыл. 'из дома идет дым' [там же]

äp	iš-ti-(n)din	tutun	toxla-bıl
дом	POSS.3sg-ABL	дым	дымить-PRS

(182). пазымнын истинде мистерим щаксы истептир. 'в моей голове

мозг хорошо работает'

paz-ɨm-nɨŋ	iš-ti-(n)dä	mister-im	š’aksɨ	istep-tir
голова-POSS.1sg-GEN	POSS.3sg-LOC	мозг-POSS.1sg	хорошо	работать-PRS

(183). аран истинде адай поган. 'в сарае есть собока'

aran	iš-ti-(n)de	adaj	pogan
сарай	POSS.3sg-LOC	собака	быть-PRS

Хак.

Иб істінде сып-сымзырых пол парған. В доме воцарилась совершеннейщая тишина. [ГХЯ, 264]

Шор.

кара тайганың иштинең кара ат шыкты. 'из черной тайги черный конь вышел.' [ДРШ, 116]

Алт.

Туранын ичинде эмди ӱч ӱй кижи отурды: Јинји, Тодылдай, кызы Јалбрак 'В доме сидели трое: Диндьи, Тодылдай, её дочь Дьалбрак' [Орсулова, 2001, с. 83]

3.4.1.7. kaš/kas [бровь, берег, край]

В предыдущих главах мы уже отмечали, что в тюркских языках из слов, обозначающих части тела, могут образовываться служебные слова. Слово **«kaš»,** имеющее основное значение «бровь», позже подверглось смысловому расширению и начало означать также «край чего-либо, склон, верхушка, родство». С различными падежными аффиксами эти слова используются в чулымском, хакасском, шорском, ногайском, каракалпакском, туркменском, узбекском языках в значении «берег, край чего-либо» в функции послелога [Щербак, 1987, с. 69–70, Li 2004, с. 674].

Чул.

(184). щулнуң касында ааштору коп. 'на берегу реки много дерева'

š’ulnuŋ	kas-ɨ-(n)da	aaš-tor-u	köp
река-GEN	берег-POSS.3sg-LOC	дерево-PL-POSS	много

Хак.

стеналар хазында 'у стен' [ГХЯ 267]

Шор.

Ак талайдың кажында улус чон чаткан. 'на берегу белого моря народ жил.' [ДРШ 117]

3.4.1.8. qɨr [на краю]

Это слово, являющееся формой слова «qɨr» с аффиксом родительного падежа третьего лица, означающее «край», употребляется в чулымском с падежным аффиксом в функции послелога. Оно имеет значения «на краю чего-либо», «около», образует смысловую связь пространства и употребляется в функции послелога во многих сибирских языках. Согласно редакции «Этимологического словаря тюркских языков» 1997 года, составленный Л.С. Левитской, А.В. Дыбо, В.И. Рассадиным [ЭСТЯ, 1997, с. 245], основные значения этого слова – это край, берег, кромка, гран, граница, сторона.

В чулымском оно используется для выражения положения одного объекта по отношению к другому. Этими объектами могут быть географические объекты или движущиеся объекты. Однако в момент осуществления действия или ситуации объекты должны быть неподвижными. В алтайском, тувинском и чулымском оно встречается в виде «hɨr», в шорском – «kɨrɨy».

Чул.

(185). парайға қырынаң кölуне. 'ехать краем озера'

Paraj-ɣa	qɨr-ɨ-naŋ	köl-ü-ne
идти-INF	край-POSS.3sg-COM	озеро-POSS.3sg-DAT

(186). чулунуң қырына щäткан. 'попало на берег реки'.

čul-u-nuŋ	qɨr-ɨ-na	š’ätkan
река-POSS.3sg-GEn	край-POSS.3sg-DAT	попасть-PST

Хак.

Каной, аның хыринзар киліп, хости одырыбысхан. 'Каной, подойдя к нему, сел рядом.' [ГХЯ 267]

Шор.

Ол мени позының кырыйына чаттыр салды. 'он усадил меня рядом с собой.' [ДРШ 118]

Алт.

Кенетийин jолдың кырында уйуктап калган уулчакты көрӱп ийди

'Вдруг он увидел мальчика, спящего на краю дороги' [Орсулова, 2001, с. 97]

3.4.1.9. käs [за]

Р.М. Бирюкович считает, что этот послелог произошёл от существительного «köst», означающего заднюю часть чего-либо. Однако он не приводит подробного объяснения. Некоторые учёные спорят по поводу существования в древнетюркском слова «ke», означающего «назад, задняя сторона» [Clauson, 1972, с. 704; Tekin, 2003, с. 140, Brockelmann, 1954, с. 166]. В тюркском к этому корню были присоединены различные аффиксы, и образовались новые слова. Н.К. Дмитриев говорит о слове «ked» и переносит спор на другой уровень. Однако Севортян [Севортян, 1978, с. 22] не согласен с Н.К. Дмитриевым, считающим, что слово «geri», означающее «назад», произошло от слова «ked», потому что исчезновение звука /d/ в примере «kedgerü» не поддаётся объяснению. А.М. Щербак же говорил о том, что общетюркская фонема /d/ в разных тюркских языках могла превратиться в такие звуки, как /d/ /m/ /z/ /s/ /j/ [Щербак, 1987, с. 70]. Мы же присоединяемся к Т. Текину, Э.В. Севортяну, К. Брокельману, Г. Клаусону и считаем, что это слово могло образоваться от «ke». Как предполагает Н.К. Дмитриев, если будет доказано, что существует слово «ked» со значением «задняя сторона», объяснение этого слова полностью изменится. По этой причине на данный момент мы предпочли принять слова, означающие «задняя сторона, сзади», за исходную точку слова «ke».

Это слово, взяв различные падежные аффиксы, выполняет функцию послелога. В хакасском, тувинском, шорском, чулымском языках это существительное встречается в функции послелога. В служебном значении оно употребляется в форме местного и исходного падежей, выражает направленность действия за предмет, за объект или из-за объекта, из-за предмета [Бирюкович, 1981, с. 105].

чул.

(187). пистиң кäстипистä огланнар паған. 'за нами дети шли' [там же]

pistiŋ	käst-ipis-tä	oglan-nar	pa-ɣan
мы-GEN	за-POSS.1pl-LOC	ребенок-PL	быть-PST

(188). ежик кäстиндиң кижи көрӱбӱлӱ. 'из-за двери смотрит человек' [там же]

ejik	käs-ti-(n)diŋ	kiji	körü-bülü
дверь	за-POSS.3sg-ABL	человек	смотреть-PRS

(189). ол кижизи кавых кäстиндиң көрӱбӱлӱ. 'человек смотрит из-за двери' [там же]

ol	kijizi	kavɨx	käs-ti-(n)diŋ	körü-bülü
он	человек	дверь	за-POSS.3sg-ABL	смотреть-

(190). алышына кäстиндä калерге карек. 'лосю сзади подходит нужно'

ališ-i-na	käs-ti-(n)dä	kaler-ɣe	kärek
лось-POSS.3sg-DAT	за-POSS.3sg-LOC	подходить-INF	надо

(191). щулу эрип ащтыпароду апрелиның кäстиндä майының алында. 'Река вскрывается а конце апреля — в начале мая'

šul-u	erip aštɨparodu	aprel-i-niŋ	käs-ti-(n)dä	maj-i-niŋ	al-i-(n)da
река-POSS.3sg	вскрываться	апрель-POSS.3sg-GEN	за-POSS.3sg-LOC	мая-POSS.3sg-GEN	перед-POSS.3sg-LOC

(192). силäрьниң истериң кäстинаң пис кälгевс. за вами, мы пришли.

siler-niŋ	is-ter-iŋ	käst-i-naŋ	pis	kälgevs
вы-GEN	след-PL-GEN	за-POSS.3sg-COM	мы	прийти-PRS

Н.Н. Ефремов отмечает, что якутское слово «kenniger» соответствует хакасскому послелогу «kistine» и что этот послелог используется с дательным падежом [Ефремов, 2013, с. 125].

Хак.

Стол кистіне кіріп ал. Пройди за стол. [ГХЯ, с. 264]

Шор.

по агаштар кестинде ээн чер 'за этим лесом поляна' [ДРШ, с. 117]

3.4.1.10. ortu [посередине, между]

Данное слово используется со времён орхонского тюркского. Оно встречается во всех современных тюркских диалектах. Оно имеет следующие значения: середина двух предметов; место в середине

между началом и концом чего-то; место, одинаково близкое к началу и концу; определённый временной отрезок между началом и концом чего-либо. Слово используется и в пространственных, и во временных выражениях. Так как оно берёт различные падежные аффиксы, мы считаем правильнее будет рассматривать его под заголовком послелогов-имён. Слово может передавать различные пространственные значения в зависимости от падежного аффикса.

По данным «Этимологического словаря тюркских языков» Э.В. Севортяна; «господствующей во всех языках и памятниках является форма с конечным открытым гласным орта. Форма с конечным закрытым гласным орту и т.д. засвидетельствована в ранних памятниках наряду с формой орта на восточной периферии тюркской языковой территории, а также в турецких диалектах, в которых вообще сохранилось весьма заметное количество архаических слов и лексикализованных форм, известных из древных памятников.". Указывается 9 значений этого слова: 1] середина,; 2] промежуток; 3] Среда; 4] место действия; 5] человек среднего достатка, середняк; 6] полк, янычар, рота янычар; 7] очаг; 8] четверг; 9] в функции служебного имени или послелога» 1974, с. 474].

В сибирских тюркских языках корень этого слова имеет различные фонетические варианты: в чулымском – ortu, в алтайсокм – orto, в хакасском – orti, в шорском – orta, в тувинском – ortu, в языке барабарских татар – orta.

Чул.

(193). агастын ортузунда ырыска олурублу. по средине дерева глухарь сидит

aɣas-tiŋ	ortu-zu-(n)da	iriska	olur(u)-blu	
дерево-ABL	среди LOC	POSS.3sg-	глухарь	сидеть-PRS

(194). щайызының ортузунда щӧрувläрь щылгаларь, иняктарь и қойларь. 'лощади, коровы и овцы ходят посреди степи'

š'aj-izi-GEN	ortu-zu(n)-da	š'äruv-lar	š'ilgalar	injaktar	i qojlar
степь-POSS.3sg-ABL	середина-POSS.3sg-LOC	ходить-PRS.3pl	лощадь-pl	корова-pl	и овец-pl

Хак.

Аба, тізең, ол ікі ағастың ортызына хыстыл чӧрібіскен. А

медведь, втиснулся и застрял между теми двумя деревьями. [ГХЯ, с. 265]

Шор.

турна куштын уязы састын ортада. 'гнездо журавля посредине болота.' [ДРШ, с. 117]

Алт.

Волейбол ойноп турган уулдардың ортозында батпак сынду, тес ле кара бӱдӱштӱ бир уул ого кенетийин таныш den билдирди 'Среди парней, игравших в волейбол, парень с черным лицом, маленького роста, показался ему неожиданно знакомым' [Орсулова, 2001, с. 85]

3.4.1.11. tag [на]

Несмотря на то, что мы не встречаем употребление этого послелога в качестве послелога в значениях «верх, наверху» в других тюркских языках, А.М. Щербак говорил о том, что в узбекском и уйгурском языках существует послелог **«tag»**, имеющий значения «низ», «нижняя часть». Однако из пояснений А.М. Щербака мы видим, что этот послелог используется в значении русского предлога **«под»**. То есть мало вероятно, что слово «tag», о котором говорит А.М. Щербак, и чулымский послелог «tag» – это один и тот же послелог, потому что они имеют противоположные значения.

В первую очередь, нужно отметить, что в хакасском слово «tigey», означающее «макушка, вершина [головы]», и слово «tigiy» в кетском, означающее «голова» [Бутанаев, 1973, с. 147], очень похожи друг на друга. Как известно, в тюркских языках есть общее название для этого слова – баш [голова].

Р.М. Бирюкович относит происхождение этого послелога к слову «teg», означающее «макушка, верхушка». В чулымском этот послелог употребляется с направительным падежом и имеет значение «над» [Бирюкович, 1981, с. 104]. Другими словами, хоть Р.М. Бирюкович и связывает этот послелог с существительным «teg», его обоснование напоминает нам слово «tigey» в кетской или хакасской форме. С другой стороны, корень этого послелога, который Р.М. Бирюкович связывает с существительным «teg», может происходить также и от глагола «teg-», означающего «прикасаться, доходить, достигать». Из просмотренных нами работ можно сделать вывод, что послелог «teg» в значении «до» является широко распространённым в тюркских языках. Однако в значении «над» этот послелог встречается очень редко. Тот

факт, что послелоги в значении «до» и «над» оба используются с направительным падежом, заставляет нас думать, что эти два послелога могли иметь одно происхождение. А.Н. Кононов в работе об узбекских послелогах говорит о параллельных послелогах «tag» и «ost», означающих «над» и имеющих небольшие различия друг от друга [Кононов, 1951, с. 38]. Другое предположение – это возможность образования этого послелога от глагола «tak» [надевать, одевать, завязывать]. Однако по данному вопросу нет каких-либо конкретных исследований. При исследовании этого слова в словарях мы обнаружили интересные результаты. В различных словарях слово выступает перед нами в следующих формах:

В хакасских словарях:

Тигей 1] вершина [горы]; **тагларнынь харлыг тигейлери** – снежные вершины гор; 2] сопка, холм; **тигей хабыргазы косогор**, 3] макушка [головы] **тигей сӧӧри** – теменная кость [ХРСС, 2006, с. 613]; [разг.] головы маковки [РХС, 1961, с. 359]

В «Словаре диалектов сибирских татар», составленном Д.Г. Тумашевой, значение слова «tek» дано как верх, верхний [СДСТ, 1992, с. 208], в кетско-русском словаре Вернера – как To'y [вверх, вверху, наверху] [КРС, 2002, с. 89]. В долганском для значения «верхушка» предпочитается слово «töbe», и оно присутствует почти во всех тюркских языках.

В тофаларско-русском словаре В.И. Рассадина есть слово «taak» [taagı] [ТФР, 2005, с. 92] в значении «крышка» и слово «teg» в значении «нагрузить, грузить» [там же, 101]. Кроме того, в этом словаре для передачи значений «вершина», «верховье» были выбраны слова «baş» и «ustun» [там же 158]. Здесь мы также не можем найти точных данных по поводу слова «tag». В телеутско-русском словаре слово «tiy» переводится как задевать, касаться, трогать [ТОС, 1995, с. 84].

Другими словами, это слово могло быть и послелогом в значениях «касаться, трогать», и словом, пришедшем из соседних сибирских языков. Тот факт, что мы встречаем его и в енисейских и в тюркских языках, говорит о подобной возможности. Другая причина этого мнения – это то, что употребление с чулымским значением [макушка, верхушка] является не очень распространённым в других тюркских языках. Для этих выражений в других языках мы видим более частое употребление значений «в начале, над». В чулымском мы встречаем употребление значения и «голова» и «верхний», что выносит на повестку дня новые вопросы по поводу происхождения слова «tak».

В итоге, по отношению происхождения данного слова мы можем показать два источника: слово, означающее в тюркских языках «гора», и слово со значением «голова» в енисейских языках. В обоих случаях корень слова мог иметь как тюркское происхождение, так и произойти от какого-либо сибирского или монгольского языков. В чулымском этот послелог управляет дательным падежом. Мы можем привести следующие примеры предложениями, в которых он образует связи пространства-места:

Чул.

(195). пис қаш тä:генä шыққабыс 'мы вышли на вершину горы' [104]

pis	qaš	tä:g-e-nä	šɨq-qa-bɨs
мы	горе	на вершину-POSS.3sg-DAT	выйти-PRS-1pl

(196). салғыл книгаң стал тä:генä. 'положи книгу на стол' [104]

sal-ɣɨl	kniga-ŋ	stal	tä:g-e-nä
положить-IMP	книга-POSS	стол	на вершину-POSS.3sg-DAT

(197). қазың тägейине щыкадым 'я вышел на гору' [мел.]

qaz-ɨŋ	täg-eji-ne	š’ik-ad-ɨm
горе-POSS	на вершину-POSS.3sg-DAT	выйти-PRS-1sg

(198). Аронунуң тäғейи щаптыпаған қарнаң. 'верх сарая покрылся снегом' [мел.]

Aron-u-nuŋ	täɣ-eji	š’aptɨ-paɣan	qar=naŋ
сарай-3sg-GEN	на вершину-POSS.3sg-ACC	покрыться-PST	снег=COM

3.4.1.12. uč [на краю]

В главе о собственно послелогах мы затронули тему послелога «učun», про который полагают, что он мог произойти от существительного «uč». Это существительное, взяв различные падежные аффиксы, может использоваться в функции послелога. Согласно этимологическому словарю В.Э. Севортяна, [ЭСТЯ, 1974, с. 611–612] слово «у:ч» в тюркских языках имеет значения: 1] конец; 2] верх, верхушка; 3] край, берег; 4] начало; 5] причина, и почти во всех тюркских языках присутствует в виде глагольной омоформы «uč». Однако, учитывая, что при использовании в качестве служебного слова

оно имеет значение «края чего-либо», мы считаем, что в функции послелога оно происходит от слова «uč», которое имеет не глагольное происхождение, а именное. Т. Текин считает, что более старой формой слова «uč» является «huč» [Tekin 1995, с. 179; Li 2004, с. 757].

В чулымском это слово имеет значения «конец, верхушка», при использовании в функции послелога может брать аффикс местного и исходного падежей, управляет исходным падежом в слове, стоящим перед ним. При употреблении в значении пространства означает «на краю чего-либо, на окраине».

Чул.

(199). Ағасның ужунда тиң олурублу. 'зверь сидит в конце дерева'

Aɣas-niŋ	už-u-(n)-da	tiŋ	olur-ublu
дерево-GEN	конец-POSS.3sg-LOC	зверь	сидеть-PRS-3sg

(200). тэрекниң ужунда қучактарь учтурлар. 'птички летают над головой тополя'

Terek-niŋ	už-u-(n)da	qučak-tar	uč-tur-lar
тополь-GEN	конец-Poss.3sg-LOC	птица-PL	летить-PRS-3pl

Алт.

Агаштың учында турган алтай бӧрфӱктӱ уул – Толток. 'В конце бревна стоявший парень – Толток' [Орсулова, 2001, с. 89]

3.4.1.13. üst [на]

Данное слово имеет сходство со словом «alt» с точки зрения функции и строения. В тюркских словарях оно имеет следующие значения: верхняя сторона чего-либо; внешняя поверхность чего-либо; поверхность; одежда; оставшаяся часть; находящийся до некоторой степени наверху. Оно присутствует почти во всех тюркских диалектах. Считается, что оно образовалось от структуры Üz+t [пространственный, детерминативный] [СИГТЯМ, 1988, с. 502; Севортян, 1974, с. 638–639; Räsänen, 1969, с. 523]. Предположительно, слово üs+tün [üz: верхняя часть + tün: аффикс наречия места] появилось в результате неправильного анализа в виде üst+ü+n [<üst+ü+«соединительная гласная» + n «аффикс инструментального падежа»] [Li, 2004, с. 764; Alkaya, 2002, с. 578].

По мнению Т.Е. Орсуловой, исследовавшей этот послелог в алтайском языке, *«..от основы ӱст= 'верх, верхняя часть' в*

пространственных падежах образуется следующая серия служебных имён: ӱст=и=н=де, ӱст=и=не, ӱст=и=нен', ӱст=и=ле. За общей именной основой уст= следует притяжательный аффикс 3-го лица -и, а за ним аффиксы, материально тождественные падежным: местного [=да] дательного [н]е] исходного [=нен], орудно-совместного [=ле]. ...Служебное имя ӱст=и=н=де в алтайском языке относится к частотно употребимым служебным именам. В сочетании с именами, местоимениями в местном падеже указывает на местонахождение предмета или на действие или процесс, который совершается на поверхности какого-либо объекта». И.А. Невская показала, что в шорском языке *«ӱст= обозначает только конкретную область пространства, соотнося объект с верхней поверхностью опорного локума. Значение наверху, вверху передается локализатором с послелогом-наречием ӧрӧ*» [Орсулова, 2001, с. 72–73; Невская 1997, 103]. В хакасском же языке, по мнению Г.И. Донидзе, «ӱстӱне, ӱстӱнде, ӱстӱнең, ӱстӱнзер, ӱстӱнче восходят к имени существительному ӱст[ӱ] ‘верх’, ‘верхняя часть’; используются ӱстӱне и ӱстӱнзер – для указания направленность действия на поверхность чего-либо, ӱстӱнде – для указания на совершение действия на поверхности чего-либо, ӱстӱнең – для указания на напревленность действия с поверхности чего-либо, ӱстӱнче – для указания на совершение действия по поверхности чего-либо» [ГХЯ, 1975, с. 266].

Чул.

(201). ағасның ӱштӱнде турна олурублу. 'наверху дерева журавль сидит'

aɣas-niŋ	üšt-ü-(n)de	turna	olur-ublu
дерево-GEN	на-POSS.3sg-LOC	журавль	сидеть-PRS

(202). пис қазына ӱштӱнге сыквағабс. 'мы вышли не вершину горы'

pis	qaz-i-(n)a	üšt-ü-(n)ɣe	sik-vaɣavs
мы	горе-POSS.3sg-DAT	на-POSS.3sg-DAT	выйти-PST

(203). қазың ӱштӱндӱн парчозу көрнӱвлу. 'на вершине горы все видно'

qaz-iŋ	üšt-ü(n)-dün	parčo-zu	kör-nü-vlu
горе-GEN	на-POSS.3sg-ABL	все-POSS.3sg	видеть-REFL-PRS

Хак.

Чазы ӱстӱне харасхы тӱзібіскен 'На степь опустились сумерки' [ГХЯ, 266]

Шор.

Камныгаштар суг ӱстӱне шыгара аттыбысчалар. 'ельцы выскакивают из воды' [ДРШ, 115]

Алт.

Столдыҥ ӱстинде jалтыpан турган самоварды эбиреде, кӱски тоштый, ак оҥду айактар турды. 'На столе, вокруг блестевшего самовара стояли белые чашки, как осенний лёд' [Орсулова, 2001, с. 73]

3.4.1.14. töz [y]

Это слово в древнетюркском означает «корень, основа» [Щербак, 1987, с. 75], в уйгурском – «вена, элемент» [Gabain, 1988, с. 302], в караханском – «основа, корень, род» [DLT, с. 398], в тувинском – «основа, корень, туловище» [ТУВ, с. 179], в шорском – «основание, основа, горизонт» [ШРС, с. 55], в хакасском – «основание, подножие чего-либо» [ХРСС, с. 665], в алтайских диалектах – «корень, основа», и при использовании в функции послелога образует похожее значение с русским предлогом «у» и реже – с предлогом «от». Оно встречается во всех южносибирских языках.

Мы можем привести следующие примеры употребления при образовании пространственных связей в чулымском:

(204). a:сыҥ тӧзинде узун қурт сӧюп парсқан. 'у дерева проползла змея'

a:siŋ	töz-ü-(n)de	uzun qurt	söj-up parsqan
дерево-GEN	у-POSS.3sg-LOC	змея	проползти-CVB идти-PST

(205). евиҥ тӧзинде шумурт östӱр. 'возле (у) черемуха растет'.

ev-iŋ	töz-i-nde	šumurt	ös-tür
дом-GEN	у-POSS.3sg-LOC	черемуха	расти-PRS

(206). мозунуҥ тӧзинде сени сағиқывс. 'у моста будем ждать тебя'.

moz-u-nuŋ	töz-i-nde	sen-i	saɣ-iq-ivs
мост-POSS.3sg-GEN	у-POSS.3sg-LOC	ты-ACC	ждать-FUT-1pl

Хак.

Аның төзінде минің отағыҷаам турған. 'Под ним стоял мой шалашик.' [ГХЯ 266]

Шор.

алтын шарчын төзинде аг-ой ат турча. 'у золотой коновязи белосивый конь стоит' [ДРШ 118]

Алт.

Бис јаантайын ла бу кайынғның төзинде отуратаныс 'Мы всегда сидели возле этой берёзы' [Орсулова, 2001, с. 98]

3.4.2. Послелоги-имена, указывающие на замещение

3.4.2.1. orun [вместо]

Мы считаем, что это слово, имеющее различные фонетические варианты в сибирских тюркских языках, образовалось от слова «ор», имеющее значение «колодец, место». При использовании в функции послелога с различными аффиксами оно передаёт значения «вместо чего-либо, вместо кого-либо». Слово «orin/orun» в функции послелога не встречается в огузской группе тюркских языков, за исключением туркменского. В татарском и башкирском этот послелог берёт аффикс третьего лица родительного падежа, используется в местном падеже и образует уподобительную связь [Li, 2004, с. 709], чего нельзя наблюдать в чулымском и других южносибирских языках. При исследовании чулымских примеров мы видим, что слово берёт аффикс родительного падежа и образует смысловую связь, похожую на русское слово «вместо». Такое употребление встречается и в других сибирских тюркских языках.

чул.

(207). ме:ң орнымда айтган, ме:ни защищал. 'вместо меня говорил, меня защищал'.

meŋ	orn-ɨm-da	ajt-ɣan	men-i	zaš’iš’al
я-GEN	вместо-POSS.1sg-LOC	говорить-PST	я-ACC	защищать-PST

хак.

Минің орнымда хайдағ даа кізі мин осхас поларҷых. 'на моем месте любой бы человек поступил так же, как и я' [ГХЯ, 264]

шор.

Меең орнумга кем парар 'вместо меня кто пойдет' [ДРШ,, 118]

Алт.

Бўгўн Борлой Чопторовичтиҥ ордына јаны председатель келди 'Сегодня вместо Борлой Чотпоровича новый председатель пришёл' [Орсулова, 2001, с. 96]

3.4.3. Послелоги-имена, образующие временные связи

3.4.3.1. al [перед]

В предыдущей главе мы отметили, что это слово, используемое в функции послелога с различными падежными аффиксами, чаще употребляется в значении пространства. Мы считаем, что это слово произошло от слова «**al**» [перед, передняя сторона, передняя часть чего-либо] и в случаях образования временных связей берёт аффикс местного падежа, а при использовании со словами в значении времени указывает на время начала действия. Однако мы видим, что в чулымском временами это слово используется не только как послелог, но и как предлог под воздействием русского языка.

(208). щайныҥ а:лында тугукдыр. 'Она родит в начале лета'.

š’ajnɨŋ	a:l-ɨ-(n)da	tug-uk-dɨr
лето-GEN	начало-POSS.3sg-LOC	родить-PRS-EMPH

(209). а:лында шайында 'в начале лета'. (м.)

(210). пу шыл а:лында сыярға ӱретикивс. 'перед этого года будем учить писать'.

pu	šil	a:l-ɨ-(n)da	sijarɣa	üret-iki-vs
это	год	начало-POSS.3sg-LOC	писать-INF	учить-FUT-1pl

Хак.

Ол иирде, кӱн кірер алнында ла, оңарыл парған. 'Он пришед в себя лишь вечером перед заходом солнца'. [ГХЯ, 263]

Шор.

амдыгының алында полтур 'то было прежде теперешного'. [ДРШ, 115]

Алт.

Байрам алдында биске адамнын нӧкӧри айылдап јӱрди - 'Под праздник к нам приезжал друг отца' [Орсулова, 2001, с. 90]

3.4.3.2. pas/paš [через, спустя]

Это слово произошло от слова «ɓaš» [голова] и при использовании в функции послелога образует и пространственную, и временную связи. Мы привели примеры случаям образования пространственных связей в предыдущей главе. Если при использовании в функции послелога это слово образует временную связь, оно берёт сначала аффикса родительного падежа, а потом – предложного падежа. В этом случае впереди стоящее слово должно быть словом, выражающим часы, день, неделю, год и т.д.

Чул.

(211). Щыл пазында адайнын олган палазы. 'В начале года у собаки появился щенок'.

š’ił	paz-i-(n)da	adaj-niŋ	ol-ɣan	palazi
год	начало-POSS.3sg-LOC	собака-GEN	быть-PST	щенок-POSS.3sg

(212). пу чулу эрип ащтыпароду майынын пазында. 'река вскрывается в начале мая'.

pu	čul-u	er-ip aš’ti-par-odu	maj-i-niŋ	paz-i-nda
это	река-ACC	вскрываться-CVB идти-CVB-PRS	май-POSS.3sg-GEN	начало-POSS.3sg-LOC

Хак.

чыл пазында 'в начале года' [ГХЯ, 265]

Чох, сағам пілбинҷе, че Орамай ағаның устаанынаң, ікі-ӱс кӱн пазынаң прай нимені пілер. 'Нет, сейчас не знает, но под руководством дедушки Орамая через два-три дня узнает все.' [ГХЯ, 265]

Шор.

ол керектиң пажында чакшы полбас. 'в результате этого дела хорошо не будет' [ДРШ, 119]

Алт.

Јарым частың бажында ончолоры јеткилеп келди 'Все пришли через полчаса' [Орсулова, 2001, с. 90]

3.4.3.3. ortu [посередине]

Это слово указывает на определённый временной отрезок между началом и концом действия в предложении, в котором оно образует

временную связь. Оно используется с такими временными словами, как день, неделя, месяц, год.

Чул.

(213). кӳн ортунда щибсап парсқавс истänарғе ырақлаң. 'днем (в полдень) пошли работать дальше'.

kün	ort-u-(n)da	š'ibsap parsqavs	istä-(n)er-ɣe	ıraqlaŋ
день	середина-POSS.3sg-LOC	уходить-CVB идти-CVB-PRS	работать-INF-DAT	дальше

Шор.

тӳн ортазында 'в полночь' [ДРШ, 117]

Алт.

Тӳн ортозында Јейнек јылу тымык уйкуга бастырып, терең уйуктап калды 'Среди ночи Дьейнек, впав в тёплый тихий сон, уснула глубоким сном' [Орсулова, 2001, с. 93].

Выводы по главе 3

В этой главе мы разделили чулымские послелоги в соответствии с широко распространённой классификацией на три группы: 1) собственно послелоги, 2) послелоги–аффиксы и 3) послелоги–имена.

В группе собственно послелогов мы рассмотрели послелоги, которые образуют в предложении следующие смысловые связи: пространство, время, цель-причина, совместность, приблизительность, включение/исключение, соответствие.

Исходя из управляемого падежа, собственно послелоги в чулымском можно классифицировать следующим образом:

-послелоги, управляющие основным падежом;

-послелоги, управляющие дательным падежом;

-послелоги, управляющие винительным падежом;

-послелоги, управляющие творительным падежом;

-послелоги, управляющие исходным падежом.

Во вторую группу мы поместили единицы, которые используются так же, как послелоги; возможно, когда-то они были послелогами и со временем превратились в аффиксы. -čA, -nAŋ, -blA.

В последнюю группу мы включили единицы, которые являются именами существительными, обладают настоящим значением, склоняемы, но используются также в качестве послелогов. В

чулымском мы обнаружили 15 имён, используемых в качестве послелогов. Несмотря на то, что они склоняются, мы отметили, что и эти единицы управляют в чулымском языке тремя падежами.

Заключение

В данной работе были рассмотрены две главные темы: нынешнее состояние чулымского, который является одним из языков, находящихся на грани исчезновения, и послелоги, употребляемые в чулымском языке. Одной из важнейших стадий работы являются полевые исследования. В результате полевых исследований были изучено социолингвистическое состояние чулымского языка, а также были получены важные сведения с точки зрения чулымской грамматики. В процессе полевых исследований по чулымскому были использованы сведения, полученые от информантов, представляющих разные говоры чулымского языка (мелетский и тутальский).

Так как основной акцент в работе сделан на исследовании послелогов, в первую очередь, были определены чулымские послелоги, образующие смысловые связи места, времени, причины, подобия и т.д. (см. Таблицу 1 в Приложении). Нами были приведены сведения, касающиеся происхождения, семантических функций этих послелогов, а также данные о падежах, которыми они управляют.

В полевых данных некоторые послелоги, встречающиеся в мелетском говоре, в тутальском говоре обнаружены не были. Тутальский говор изучался лишь в беседе с одним информантом, уровень знания которого по сравнению с предыдущими поколениями не настолько высок (сам он называет себя «сохранитель»), поэтому послелогов мелетского говора удалось собрать намного больше.

Чулымские послелоги были подразделены на три группы: 1) собственно послелоги, 2) послелоги-аффиксы и 3) послелоги-имена. В данной работе было рассмотрено 25 собственно послелогов, 3 послелога-аффикса и 15 послелогов-имён, употребляемых в средне-чулымском языке. Нельзя однозначно утверждать, что это все послелоги, которые есть в чулымском. Данные числа были получены нами исходя из сведений, полученных от информантов и из данных, предоставленных учёными, которые исследовали данный регион ранее. Тем не менее данное количество может возрасти в результате более масштабных исследований.

В ходе данного исследования нами было обнаружено, что собственно послелоги в чулымском управляют пятью падежами – именительным, дательным, винительным, творительным и исходным (см. Таблицу 2 в Приложении).

Важное место в чулымской морфологии занимают послелоги-аффиксы. Эти единицы, которые когда-то употреблялись в качестве

послелогов, а после, в процессе эволюции, которую мы можем объяснить при помощи экономического принципа в языке, были превращены в аффиксы, своей формой сходны с аффиксами, а с точки зрения функции напоминают послелоги. По этой причине, в традиционной тюркологии эти единицы были названы послелогами-аффиксами. Доказательство превращения послелогов в аффиксы можно увидеть в диалектах и говорах современных тюркских языков. Кроме чулымского, послелоги-аффиксы употребляются в схожей форме также в хакасском, шорском и алтайском в этом ареале.

Существуют служебные слова, которые, употребляясь в качестве послелогов, могут принимать различные аффиксы. Эти служебные слова, не соблюдающие принцип «несклоняемости», который рассматривается в традиционных книгах по грамматике в качестве одной из важнейших особенностей послелогов, именуются «послелогами-именами». Они по функции и структуре похожи на послелоги, но с точки зрения формы сохранили именные черты. В связи с этим, существуют различные мнения по поводу того, следует ли считать их послелогами. В соответствующих главах данного исследования мы затронули споры по данному вопросу, а также рассмотрели послелоги-имена, которые были нами обнаружены в чулымском языке.

Принципиальное отличие между послелогами и падежными аффиксами — постановка ударения. Когда послелоги выступают в роли самостоятельных слов, они не присоединяются к главному слову и имеют собственное ударение. Послелоги, в отличие от аффиксов, не являются частью главных слов, следовательно, фонетическим законам гармонии гласных не подчиняются. В российской тюркологии послелоги, превратившиеся в аффикс, рассматриваются как послелоги-аффиксы, если они не потеряли свои послеложные особенности. В данном языке мы обнаружили 3 морфемы, классифицируемые в качестве послелога-аффикса: 1) - čA, 2) nAŋ, 3) - blA.

В советской тюркологической традиции выделяют особую группу служебных слов, которые нельзя назвать послелогами в полном смысле этого слова; такие служебные слова называют послелогами-именами. Поскольку послелоги-имена (например, алт, ӱст, ич) могут присоединять к себе аффиксы, назвать их полноценными послелогами нельзя. Однако мы обнаружили, что в некоторых случаях подобные слова становятся устойчивыми выражениями и используются в качестве послелога. Такие служебные слова, которые, как и послелоги,

указывают на отношения взаимосвязи, начала и завершения действия, ограничения и схожести, мы определили в третью группу служебных частей речи — послелогов-имен, как их определяет советская тюркологическая школа. К этой группе мы отнесли 15 слов из чулымского языка.

В тюркских языках существуют аффиксы, образующие существительные, прилагательные и глаголы, но нет аффиксов, образующих послелоги. В связи с этим, послелоги относятся к «закрытому классу», который не пополняется новыми словами. Начиная с первых письменных источников, которые мы можем проследить, и по сегодняшний день послелоги в тюркских языках претерпели очень ограниченные изменения. Самое распространённое изменение просматривается в их тенденциях к клитизации и превращению в аффиксы, присоединению именных аффиксов. Некоторые употребляемые в чулымском послелоги (alt, ust, jan, bas) имеют именные употребления, в то время как другие (ča, naŋ, bla) превратились в аффиксы.

В результате сравнения чулымских послелогов и исследования образуемых ими структур, нами были сделаны следующие выводы:

– Послелог «ažira», обозначающий в мелетском говоре бесконтактное преодоление какой-либо поверхности, или пересечение пешком трудного участка местности, в тутальском говоре нам не встретился. Значение этого послелога может меняться в зависимости от управляемого падежа. При использовании со словами в исходном падеже этот послелог имеет значения «свыше», «больше», а при управлении именительным или винительным падежом — получает пространственный смысл. При употреблении с числительными и указывающими на время существительными этот послелог формирует смысловую связь со значениями «превышающий указанное время», «больше указанного времени». В этих случаях он управляет исходным падежом. При использовании в именительном падеже со словами со значением времени, без числительных, появляется ещё один случай, когда послелог придаёт временное значение, и он очень часто встречается в тюркских языках. В таком случае этот послелог указывает на то, что какое-либо действие постоянно совершается «в указанный отрезок времени», но этот отрезок времени повторяется после остановки на единицу времени. Мы установили, что данный послелог, который используется в алтайском и тувинском со словами и в именительном, и в исходном падеже, в чулымском языке в случае обозначения отношений пространства используется лишь со словами в

именительном падеже, тогда как в случае обозначения временных отношений управляет исходным падежом.

– Мы обнаружили, что послелог «ala» мелетского говора уступил функцию выражения отношений пространства аффиксу исходного падежа -дин (закон речевой экономии). В тех случаях, когда «ala» и -дин используются одновременно, можно сказать, что ala имеет усилительное значение. В тутальском говоре послелог «ala» нам не встретился.

– Было установлено, что послелог «äйлäндерä», который в алтайском управляет винительным и именительным падежом, в чулымском управляет только винительным падежом.

– Послелог «tüvün» (вниз), управляющий в чулымском и хакасском именительным, в алтайском управляет винительным падежом. Кроме того, мы можем утверждать, что данный послелог в чулымском языке может присоединять к себе аффиксы, как послелоги-имена. В ходе наших полевых исследований мы обнаружили, что употребление послелога «тювюн» достаточно ограничено.

– Послелог «tüŋža» (до), который мы обнаружили в чулымском, нельзя встретить в других тюркских языках, за исключением его фонетических вариаций в шорском (tönče) и алтайском (töön). Шорское слово «тööнче» имеет одинаковое значение и функцию с чулымским словом «tüŋža», а алтайское «тööн» означает «к, по направлению» и может различаться по смыслу и функциям. Что касается употребления в чулымском языке, можно сказать, что здесь это слово используется с функциями и пространства, и времени. При использовании с функцией пространства за ним наблюдаются такие значения, как «до определённого места, от части целого к другой части». При использовании же с функцией времени оно выражает временной отрезок окончания действия или ситуации.

– Послелог «udur» в чулымском, так же, как и в тувинском, алтайском и шорском, используется в значении «навстречу» и управляет дательно-направительным падежом.

– Считается, что послелог «koža» образовался в результате трансформации глагола «кош-» (добавлять, делать) в деепричастие. При употреблении в пространственном значении он используется для описания близости двух неподвижных объектов или временное пребывание движущегося объекта возле неподвижного. Информант (АФК) отмечает, что в мелетском говоре это употребление является очень редким в с. Пасечное. В таких случаях они предпочитают использовать слово «щанда». Таким образом, можно сказать, что

употребление этого послелога сократилось, его место заняло имя, используемое в функции послелога. Кроме того, в чулымском мы также встречаем слово «кош» (напротив), которое, по нашему мнению, имеет связь с послелогом и при употреблении в пространственном контексте имеет почти такие же значения. Встречаемые нами в чулымском слова «koža» и «košti», предположительно, содержат различные семантические оттенки. Однако мы не смогли найти подтверждающих это сведений из источников и у информантов, с которыми мы работали.

– В работах, связанных с чулымским, слово «kidin» (с) не расценивается в качестве послелога. По причине того, что аффикс -дин в его составе похож на аффикс исходного падежа, возможно, это слово не рассматривалось в книгах по грамматике в качестве послелога. Исходя из чулымского употребления, мы склонны считать, что данное слово является послелогом. Если посмотреть на примеры из чулымского, можно сказать, что это слово в чулымском имеет функцию послелога, используемого в значении времени. В этих случаях оно берёт на себя функцию и значения, схожие с русским «с», и используется для выражения продолжительности какого-либо действия или ситуации, начиная с определённого времени. Мы не встретили употреблений данного послелога в чулымском в пространственной функции. В хакасском и шорском же языках он используется не как собственно послелог, а в качестве существительного или наречия, взявшего падежный аффикс, и имеет значение «задний». В сравниваемых нами хакасских и шорских источниках мы видим, что это слово более часто используется в качестве прилагательного и наречия, чем в виде послелога. Кроме того, мы установили, что это слово во многих тюркских языках принимает падежные аффиксы.

– Послелог «saj» в чулымском тюркском обычно располагается после временных наречий и управляет именительным падежом существительного. В этом случае он выражает повторение, продолжительность указанного времени. При использовании во временном значении он показывает, что субъект совершает действие постоянно или, что действие, которое не связано напрямую с подлежащим, повторяется в определённые периоды. Мы не встретили употребления этого послелога в чулымском в значении пространства, в котором он используется в алтайском. Мы не смогли найти также подобного употребления в хакасском и шорском языках. А когда он располагается не после временных слов, а после действия, он означает

«с момента совершения действия, как можно быстрее». Такое значение есть также в хакасском, шорском, телеутском, чалканском, барабинском языках.

– В чулымском послелоги, образующие смысловые связи подобия – это «čilep», «sindiɣ», «kokten». Необходимо заметить, что за послелогом «чилеп» закреплена по большей части область выражения внутренних качеств и свойств, которые характеризуют сравниваемые объекты. За послелогом «sindiɣ» по большей части закреплена область обозначения внешнего сходства, но также отмечены случаи выражения характерных свойств, сравниваемых объектов [Бирюкович, 1981, с. 103]. Послелог «kokten» используется для того, чтобы выразить лишь внешнее сходство [Бирюкович, 1981, с. 10]. Таким образом первых два послелога обозначают не только внешнее сходство, но и поступки, физические характеристики, поведение, действия и прочие признаки, характеризующие деятельность.

– Послелог «pirge» управляет существительными с помощью творительного падежа и выражает совместное осуществление действия или ситуации. Используемый в похожем значении послелог «bile» используется в значениях и средства, и совместности, а послелог «pirge» не имеет значения средства. Это главное отличие «pirge» от «бирле». При использовании в значении совместности «бирле» и «pirge» имеют одинаковую функцию и могут использоваться вместо друг друга. «Pirge» встречается в чулымском, хакасском и шорском языках. В тутальском говоре чулымского встречается «pirge», в мелетском говоре чаще встречается «birle» и его фонетические варианты. Однако это слово чаще встречается в функции наречия, чем послелога.

– В мелетском говоре мы выявили ещё один послелог «šeni» («около, «в течение»). Данный чулымский послелог мы больше нигде не встретили, за исключением шорского языка. В работе Н.П. Дыренковой «Грамматика шорского языка» мы не видим значения «в течение» в шорском употреблении. В примерах Н.П. Дыренковой можно увидеть, что этот послелог означает «около» и может использоваться в такой же функции, как и суффикс-послелог «-чА» или послелог «чагын» [Дыренкова, 1941, с. 108].

– В чулымском послелоги, которые управляют именительным падежом, чаще всего указывают на количественные или качественные отношения и создают смысловые связи разного рода, в то время как послелоги, управляющие направительным падежом, имеют ограничительное значение. В подобных случаях послелоги скорее

указывают на ограничения во времени, пространстве или направлении. Такие послелоги используются для обозначения временных или же пространственных рамок. Исходные послелоги указывают на временные, пространственные, причинно-следственные отношения.

* * *

В заключение данной исследовательской работы по чулымскому языку, находящемуся на грани исчезновения, хотелось бы сделать ещё одно замечание. В 2018 г. скончался самый ценный информант для исследователей чулымского языка, А.Ф. Кондияков. В 2014 году он принимал меня у себя дома, в 2014–2017 гг., несмотря на отсутствие в селе Интернета и компьютеров, он терпеливо отвечал на мои письма, которые передавала ему его дочь, живущая в Ачинске. Особую ценность имеют работы А.Ф. Кондиякова по созданию чулымской письменности. Мы потеряли человека, который старался научить чулымских детей их родному языку, который первым добился того, чтобы в свидетельстве о рождении его внука Никиты стояла национальность «чулымец». Можно смело сказать, что мы потеряли последнего носителя чулымского языка. Одним из главных итогов данной исследовательской работы мы считаем демонстрацию того, какие тысячелетние традиции, какое языковое богатство, мировоззрение и мировосприятие мы утратили.

Список сокращений и условных обозначений

АТ: Алтай табышкактар = Алтайские загадки / Горно-Алтайский НИИ истории, языка и лит. ; Сост. Е.К. Укачина; Науч.ред. С.С. Суразаков. Горно-Алтайск : Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1981. 174 с.

БР: *Бирюкович Р.М.* Морфология чулымско-тюркского языка : в 2-х частях / Р.М. Бирюкович. Саратов : Изд-во Саратовского ун-т, 1981. Ч. II. 184 с.

ГТЯ: *Исхаков Ф. Г.* Грамматика тувинского языка : Фонетика и морфология / Ф. Г. Исхаков, А. А. Пальмбах. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 472 с.

ГХЯ: Грамматика хакасского языка / Редколлегия: М.И. Боргояков, А.И. Грекул, Г.И. Донидзе, Д.Ф. Патачакова / Под редакцией проф. Н.А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 420 с.

ДМБ: Дмитриева, Л.В. Язык барабинских татар. Л., 1987.

ДН: *Донидзе Г.И.* Послелоги в хакасском языке / Г.И. Донидзе // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. 4. Абакан : Хакасское книжное Изд-во, 1956. С. 3–32.

ДРХ: *Дыренкова Н.П.* Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. / Н.П. Дыренкова. Абакан: Хакасское Областное Национальное Изд-во. 1948. 124 с.

ДРШ: *Дыренкова Н.П.* Грамматика шорского языка / Н.П. Дыренкова. М.-Л.: АН СССР, 1941. 308 с.

ДТС: Древнетюркский словарь Текст. / Под- ред. В.М. Наделяева и др. Л.: Изд-во «Наука», Ленинградское отделение, 1969. 676 с.

ДУ: Дульзон А.П. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола Текст. / А.П. Дульзон // Ученые записки Хакасского научно исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск VIII. Абакан: Хакасское книжное Изд-во, 1960.-С. 101–145.

ДШ: Духовная Шория : шорский фольклор в записях и из архива профессора А.И. Чудоякова / [Сербегешева А.А., Косточаков Г.В. (сост.). Кемерово : Кузбасс, 2008. 351 с.

КБРС: Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.

КО: Кокышев Лазарь. Алтайдың кыстары. Горно-Алтайск, Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1980. 495 с.

КРС: Вернер Г.К. Кетско-русский/русско-кетский словарь. Учеб. пособие для уч-ся нач. шк. 2-е изд., перераб. СПб.: «Изд-во "Дрофа" Санкт-Петербург», 2002. 240 с.
ЛМРС: Монгольско-русский словарь / Ред. Лувсандэндэв А.М., 1957.
ЛЭС: Журинская, М.А. Посессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 388–389.
МРС: Васильев, В.М. и др. Марийско-русский словарь: Около 20000 слов/ Васильев В.М., Саваткова А.А., Учаев З.В. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991–508 с
НЕВ: Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 198 с.
ОЙРС: Ойротско-русский словарь. Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. М., 1947.
ОРС: Орсулова Т.Е. Послелоги и служебные имена в алтайском языке: дис. … канд. филол. наук. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2001. 132 с.
РХС: Русско-хакасский словарь. Сост.: Н.Г. Доможаков, В.Г. Карпов, Н.И. Копкоева, А.П. Бытотова, Д.Ф. Патачакова, И.П. Чебодаев, М.Н. Чебодаев; Под ред. Д.И. Чанкова; Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 968 с.
СИГТЯМ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э.Р. Тенишев.. М.: Наука, 1988. 558 с.
СИГТЯЛ: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
СДСИ: Словарь диалектов сибирских татар. Сост. Тумашева Д.Г. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992. 255 с.
РХС: Русско-хакасский словарь. Под редакцией Д.И. Чанкова = Орыс-хакас словарь. Д.И. Чанковтын редакциязын. М.: Государственное Изд-во иностранных и национальных словарей, 1961. 968 с.
ТОС: Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеут-орус сӧзлик. Телеутско-русский словарь. Кемерово, 1995. 120 с.
ТУВ: Тенишев, Э.Р. (ред.) *Тыва-орус словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

ТФР: Рассадин В.И. Словарь тофаларско-русский и русско-тофаларский: Учеб. пособие для уч-ся ср. шк. СПб.: Изд-во «„Дрофа“ Санкт-Петербург», 2005. 295 с.
ХРС: Хакасско-русский словарь. Сост. Н.А. Баскаков, А.И. Инкижекова-Грекул. М. 1953. 488 с.
ХРСС: Хакасско-русский словарь / Под редакцией О.В. Субраковой. Новосибирск, 2006.
ХСО: Хакасско-русский словарь онлайн. [Электронный ресурс] URL: http://sostik.info (дата обращения: 30.05.2016).
ШРС: Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. Кемерово, 1993. 149 с.
ЭКХЯ: Электронный корпус хакасского языка. http://khakas.altaica.ru/corpus/
ЭСТЯ 1974: Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на гласные/ АН СССР.Ин-т языкознания. М.:Наука,1974.-768с
ЭСТЯ: Севортян, Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюрские основы на букву «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1980. 395 с.
DLT: Ercilasun, A.B., Akkoyunlu, Z. Kaşgarlı Mahmud Divanu Lugati't-Türk (Giriş - Metin - Çeviri -Notlar - Dizin), Ankara: TDK Yayınları, 2014. 995 s.
DLT I-II-III: Atalay B., Divanu Lugati't-Türk Tercümesi. Ankara. 1940.

мелет.: мелетский говор среднечулымского.
тутал.: тутальский говор среднечулымского.
чул.: чулымско-тюркский язык.

Список условных обозначений в глоссах

1 форма первого лица
2 форма второго лица
3 форма третьего лица
ABL аблатив
ACC аккузатив
AUX вспомогательный глагол
CAUS каузатив
COM комитатив
CVB деепричастие
DAT датив
EMPH эмфатическая частица

GEN генитив
IMP повелительное наклонение
INCH инхоатив
INF инфинитив
LOC локатив
NOM номинатив
OPT желательное наклонение
ORD порядковое числительное
PL форма множественного числа
PASS Пассив
POSS Посессив
PRS Настоящее время
PST прошедшее время
PTCP причастие
SBJV сослагательное наклонение
SG форма единственного числа

Список литературы

1. Абдрахманов М.А. Тексты чулымско-тюркского языка (среднечулымский диалект) // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1970. Т. 2. С. 58–69.
2. Багашев А.Н. (ред.). Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. / А.Н. Багашев, В.А. Дремов, А.Р. Ким и др.; Отв. ред. А.Н. Багашев; Том. гос. ун-т. Томск: Изд-во Томского ун-т, 1998. Т. 4
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языкознания. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
4. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1969, с. 350–354.
5. Баскаков Н.А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи): Грамматический очерк, тексты, переводы и словарь / Институт языкознания АН СССР. М.: Наука (Главная редакция восточной литературы), 1972. 280 с.
6. Баскаков Н. А. Диалект Лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М.: Наука, 1985. 233 с.
7. Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы на -са/-се в тюркских языках // Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятипятилетию : сборник статей. М., 1953. 344 с.
8. Баскаков Н.А. (ред.). Каракалпакский язык. Т.II. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 544 с.
9. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 246 с.
10. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М.: Наука, 1975. 287 с.
11. Башбуг Фырат. Особенности послеложных конструкций в чулымском языке // Научный диалог, 2017, № 5, С. 9–20.
12. Башбуг Фырат. Энклитика «La» в чулымском языке // Вестник Северо-Восточного федерального ун-т им. М.К. Аммосова, 2017, № 2 (58), С. 81–91.
13. Башбуг Фырат. Послелог-аффикс «Ча» чулымского языка // Вестник Удмуртского ун-т. Серия «История и филология», 2017, т. 27, № 2, С. 291–296.

14. Башбуг Фырат, Чиркоева Дария Ивановна. "Выражающие комитативные отношения послелоги «биле» и «кожа» в чулымском языке" // Вестник Удмуртского ун-т. Серия «История и филология», 2018, т. 28, № 6, с. 972–979.
15. Беликова О.Б. Зырянский могильник конца XVI-XVII в. таежного Причулымья в свете археологии и археоботаники (опыт комплексного исследования одного кургана). Томск: Изд-во Томского ун-т, 2010. 432 с.
16. Боргояков М.И. Бельтирский говор сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка. Патачакова Д.Ф. (ред.). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1973. С. 80–104.
17. Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1976. 160 с.
18. Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Томского ун-т. 152 с.
19. Бирюкович Р.М. Сонорные согласные в среднечулымском диалекте // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-т, 1972. Вып. V. С. 38–42.
20. Бирюкович Р.М. Сочетаемость согласных в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка // Вопросы филологии. Омск, 1972. Вып. 81. С. 195–203.
21. Бирюкович Р.М. Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско- тюркского языка. автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск: Изд-во ТомГУ, 1973. 20 с.
22. Бирюкович Р.М. Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско- тюркского языка : дис. … канд. филол. наук: 10.02.06. Томск, 1973. 229 с.
23. Бирюкович Р.М. Сравнительно-исторический анализ фонемы «с» в среднечулымском диалекте // Вопросы тюркской филологии: сборник статей. Кемерово, 1973. С. 10–14.
24. Бирюкович Р.М. Краткие гласные среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка // Проблема этногенеза народов Сибири Дальнего Востока: тезисы докладов всесоюзной конференции, 18–21 декабря 1973 г. Новосибирск, 1973. С. 168–170.
25. Бирюкович Р.М. Палатализация согласных в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка // Языки и топонимия Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-т, 1975. Вып. VII. С. 18–21.

26. Бирюкович Р.М. К вопросу семантики числа в чулымско-тюркском языке // Языки народов Сибири: сборник статей. Кемерово, 1978. Выпуск 2. С. 115–118.
27. Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. Категория имени существительного (Учебно-методические материалы). М.: ИЯ АН СССР, 1979. Часть I. 91 с.
28. Бирюкович Р.М. Строй чулымско-тюркского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1980. 404 с.
29. Бирюкович Р.М. Приложение к диссертации «Строй чулымско-тюркского языка» Иллюстративные материалы. М., 1980. 62 с.
30. Бирюкович Р.М. Строй чулымско-тюркского языка. автореф. дис. … д-ра филол. наук. М.: ИЯ АН СССР, 1980. 28с.
31. Бирюкович Р.М. Семантика и формы выражения способов глагольного действия в чулымско-тюркском языке // Советская тюркология. Баку, 1980, № 1. С. 68–77.
32. Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка : в 2-х частях. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1981. Ч. II. 184 с.
33. Бирюкович Р.М. Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу. Саратов: Изд-во Саратовского ун-т, 1984. 88 с.
34. Бирюкович Р.М. Чулымско-тюркский язык // Языки мира: Тюркские языки. Бишкек: Издательский дом «Кыргызстан», 1996. С. 491–497.
35. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260с.
36. Гаджиева Н.З. О методах сравнительно-исторического анализа синтаксиса (на материале тюркских языков). // Вопросы языкознания. М., 1968. № 3. С. 19–30.
37. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. / Н.З. Гаджиева. М.: Наука, 1973. 408 с.
38. Гаджиева Н.З. Принципы ареального описания языков // Принципы описания языков мира / Отв. ред. В.Н. Ярцева, Б.А. Серебренников. М.: Наука, 1976. С. 164–202.
39. Гаджиева Н.З., Бирюкович Р.М. Реликты древнетюркского синтаксиса в современных тюркских языках (на материале чулымско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1983, № 2. С. 3–15.
40. Гайко Вадим Валерьевич. Этническая история чулымских тюрок XVI–XVII веков в трудах А.П. Дульзона // ОНВ. 2009. №1 (75). С. 32–35.

41. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 276 с.
42. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 607 с.
43. Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. Л.:Наука, 1987.
44. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
45. Доможаков, Н.Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: дис. … канд. филол. наук. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. 200 с.
46. Донидзе Г.И. Послелоги в хакасском языке // Записки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Вып. 4. Абакан : Хакасское книжное изд-во, 1956. С. 3–32.
47. Дульзон А.П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1950. Том VI. С. 175–187.
48. Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык // Ученые записки Томского государственного педагогического института. 1952. Том IX. С. 76–211.
49. Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках нарымского края и Причулымья // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1954. Том XI. С. 59–94.
50. Дульзон А.П. Диалекты татар — аборигенов Томи // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск, 1956. Том XV. С. 297–379.
51. Дульзон А.П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакасам // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан: Хакасское книжное Изд-во, 1959. Вып. VII. С. 93–102.
52. Дульзон А.П. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола // Ученые записки Хакасского научно исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск VIII. Абакан: Хакасское книжное Изд-во, 1960. С. 101–145.
53. Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. М., 1960. С. 9.

54. Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири [Текст] // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: СО АН СССР, 1961. С. 361–372.
55. Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык // Языки народов СССР.. Тюркские языки. М.: Наука, 1966. Т. 2, С. 446–466.
56. Дульзон А.П. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М.: Изд-во «Наука», 1971. С. 198–208.
57. Дульзон А.П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Советская тюркология. 1973. № 2. С. 16–29.
58. Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири / А.П. Дульзон // Ученые записки Хакасского НИИЯЛИ. Абакан, 1973. Вып. XVIII. С. 187–207.
59. Дульзон А.П. Происхождение падежных аффиксов алтайских языков // Вопросы языкознания. М., 1973. № 1. С. 50–63.
60. Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири // Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977. С. 150–178.
61. Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Восточная литература, 2007. 222 с.
62. Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 303 с.
63. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л.: АН СССР, 1941. 308 с.
64. Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Фонетика и морфология. Абакан: Хакасское Областное Национальное Изд-во. 1948. 124 с.
65. Дыренкова Н.П. Тофаларский язык // Тюркологические исследования. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 5–23.
66. Ефремов Н.Н. Пространственные конструкции с послелогами в якутском языке (в сопоставлении с хакасским языком) // Наука и мир. Международный научный журнал. Волгоград, 2013. № 2 (2). С. 125-127.
67. Ефремов, Н.Н. Функциональная семантика грамматических и лексических единиц в якутском языке. // Функционально-семантические категории в якутском языке: грамматическая и лексическая база. [Н.И. Данилова, Н.Н. Ефремов, Н.И. Винокурова и др.]; отв. ред. В.Д. Монастырев, к.филол.н.; Рос. Акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманит. исслед. и проблем

малочисл. народов Севера. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2017. 140 с. [Электронный ресурс] URL: http://igi.ysn.ru/files/publicasii/fsc.pdf. (дата обращения: 23.12.2017)
68. Иванов, П.Г. Татары среднего течения реки Чулыма : (краткий предварительный отчет о поездке летом 1928 года с этнографо-лингвистическим обследованием турецко-татарского населения среднего течения реки Чулыма) // Труды Томского краевого музея. Томск, 1929. Т. 2. С. 87–91.
69. Исхаков Ф.Г. Грамматика тувинского языка : Фонетика и морфология / Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 472 с.
70. Катанов Н. Ф. О звуках сагайского диалекта // Диалекты хакасского языка : очерки и материалы. Абакан: Хакасское отделение Красноярского Книжного Изд., 1973. С. 67–79.
71. Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка / А. Казем-Бек. — Казань: Изд-во Казан, ун-та, 1846. - 467 с.
72. Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). (Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 10.) М.: МГУ, 1972. — 181 с.
73. Кононов А.Н. Послелоги в современном узбекском литературном языке. М-во просвещения УзССР. Респ. науч.-метод. кабинет по заоч. обучению. Ташкент: САГУ, 1951. 43 с
74. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 569 с. 160.
75. Котвич В.Д. Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. Лит., 1962.
76. Кудаев, П.С. К вопросу о послелогах мордовских языков // Вопросы мордовского языкознания / Труды МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1967. Вып. 32. С. 160–177.
77. Кучигашева Н.А. Значение и употребление пространственных падежей (дательного, местного, исходного) в современном алтайском языке // УЗ, ГорноАлтайского НИИИЯЛ. Горно-Алтайск, 1960
78. Кучукова, Д.А. Современный фольклор тубаларов. С .33–36. Вестник молодых ученых: сб. науч. работ. № 7 / М-во образования и науки РФ. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010. 135 с.
79. Левитская, Л.С. Историческая морфология чувашского языка. М. Наука, 1976.

80. Лемская В.М. Потенциал применения методов корпусной лингвистики в рамках дескриптивного подхода в исследовании чулымско-тюркского языка. // Вестник ТГПУ. Выпуск 4 (55). Сер.: Гуманитарные Науки (Филология). 2006. С. 174–177.
81. Лемская В.М. К вопросу о развитии конструкций со сложными глагольными сказуемыми в языках разных типологий // Коммуникативные аспекты языка и культуры: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-т, 2007. Ч. 2. С. 3–8.
82. Лемская В.М. Акциональные формы, глагола в чулымско-тюркском языке // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы Международной научно-практической конференции. Новокузнецк: Изд-во КузГПА, 2008, С. 85–90.
83. Лемская В.М. Чулымско-тюркский язык. Мангуш. Среднечулымский диалект чулымско-тюркского языка. / Ред. А.Ю. Фильченко, О.С. Потанина, Е.А. Крюкова и др. // Сборник аннотированных фольклорных языков обско-енисейского языкового ареала. Томск: «Ветер», 2009 . С. 137–167.
84. Лемская В.М. Чулымско-тюркские тексты / Ред. Фильченко А.Ю., Потанина О.С., Крюкова Е.А. и др. // Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. Том 1. Томск: «Ветер», 2010. С. 263–314.
85. Лемская В.М. Глагольные системы чулымско-тюркских диалектов: временные формы // Урало-алтайские исследования. Научный журнал. № 2 (3) 2010. Гл. ред. А.В. Дыбо. М.: Ин-т языкознания РАН, 2010. С. 19–35.
86. Лемская В.М. Сложные сказуемые фразеологизированного типа как способ номинации пространственной характеристики глагольного действия в чулымско-тюркском языке //Вестник ТГПУ. 2011. Вып. 9 (111). С. 171–177.
87. Лемская В.М. Грамматикализация поливербальных конструкций в чулымско-тюркских говорах (в сопоставительном аспекте). Автореферат дисс. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 27 с.
88. Лемская В.М. Грамматикализация поливербальных конструкций в чулымско-тюркских говорах (в сопоставительном аспекте). Дисс. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2011. 181 с.

89. Лемская В.М. Грамматикализация поливербальных конструкций в чулымско-тюркском языке // Вестник ТГПУ. Вып. 1 (116), 2012. Томск, Изд-во ТГПУ, 2012. С. 60–63.
90. Лемская В.М. Чулымско-тюркский текст. «Жили три брата». Запись Р.М. Бирюкович. / Ред. Фильченко А.Ю., Потанина О.С., Крюкова Е.А. и др. // Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. Том 2. Томск: Вайар. 2012. С. 184–237.
91. Лемская В.М. Акциональность в чулымско-тюркском языке (в типологической перспективе) // Вестник ТГПУ. 2012, 10 (125). С. 98–104.
92. Лемская В.М. Чулымско-тюркский текст. / Ред. Фильченко А.Ю., Потанина О.С., Крюкова Е.А. и др. // Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. Том 3. Томск: Вайар. 2013. С. 295–345.
93. Лемская В.М. Чулымские тюрки: сокращение численности населения как результат трансформации этноязыкового самосознания // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk journal of linguistics and anthropology). 2013. Вып. 2 (2). С. 50–55.
94. Лемская В.М. О словообразовании в чулымско-тюркском языке. // Вестник ТГПУ. Выпуск 10 (138) 2013. Томск, Изд-во ТГПУ, 2013. С. 128–131.
95. Лемская В.М. Чулымско-тюркские тексты. / Ред. Фильченко А.Ю., Потанина О.С., Феллин П.М. и др. // Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. Том 4. Томск: ТМЛ-Пресс; Вайар. 2015. С. 217–291.
96. Лемская В.М. Выражение категории посессивности через отношения предикации в чулымско-тюркском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2016. Вып. 4 (14). С. 37–42.
97. Лемская В.М. Чулымско-тюркские тексты. / Ред. Фильченко А.Ю., Потанина О.С., Крюкова Е.А. и др. // Сборник аннотированных фольклорных текстов языков обско-енисейского языкового ареала. Том 5. Томск: ТМЛ Пресс;Вайар. 2017. С. 103–176.

98. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева, М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
99. Львова Э.Л. К этнической истории чулымцев // Проблемы археологии и этнографии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. Выпуск 1.
100. Львова Э.Л. Чулымские тюрки (историко-этнографические очерки): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 1978. 17 с.
101. Львова Э.Л. К вопросу о некоторых закономерностях развития этноса и культурно-хозяйственного типа (на примере чулымских тюрков) // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. С. 16–121.
102. Львова Э.Л. Чулымско-тюркский язык и этнос (к методике поиска этнических субстратов) // Смены культур и миграции В Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. С. 48–50.
103. Львова Э.Л., Дремов В.А., Аксянова Т.А. и др. Тюрки таежного Причулымья. Популяция и этнос. Э.Л. Львова, В.А. Дремов, Г.А. Аксянова и др. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 246 с.
104. Львова Э.Л., Томилов Н.А. Чулымцы // Тюркские народы Сибири / Отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов. М.: Наука, 2006. (Народы и культуры). С. 125–170.
105. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951.
106. Малов, С.Е. Древние и новые тюркские языки. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.. М., 1952. Т. XI. Вып. 2 С. 135–143.
107. Малов, С.Е. Язык жёлтых уйгуров: словарь и грамматика. Алма-Ата: Изд-во Академии Наук Казахской ССР. 1957. 197 с.
108. Малиновский В.Г., Томилов Н.А. Томские татары и чулымские тюрки в первой четверти XVIII века: Хозяйство и культура / По материалам Первой подушной переписи населения России 1720 г. — Новосибирск: Наука, 1999. Т.3. 531 с.
109. Межекова Н.Н. Шорский диалект // // Диалекты хакасского языка. Патачакова Д.Ф. (ред.). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1973. С. 49–57.
110. Меновщиков Г.Л. О двух аспектах выражения пространственных отношений в алеутском языке. Языки и топонимия Сибири, Томск, 1976, вып.2. с.5–13.
111. Мураталиева Дж.М. Послелоги в киргизском языке. - Фрунзе:Киргизучпедгиз, 1958. 97 с.

112. Наажан Ч.В., Лемская В.М. Некоторые особенности глагольного словообразования чулымско-тюркского языка в контексте тюркских языков Южной Сибири (на примере словообразовательного форманта +LA) // Вестник ТГПУ. Томск, Изд-во ТГПУ, 2014. Выпуск 10 (151) С. 63–67.
113. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. Языки зарубежного Востока и Африки под редакцией проф. Г.П. Сердюченко, 1960, М.: Изд-во Восточной литературы. 88 с.
114. Новлянская М.Г. Филипп Иоганн Страленберг. Его работы по исследованию Сибири. М.-Л.: Наука, 1966. 96 с.
115. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): дис. … д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997. 198 с.
116. Невская И.А. Пространственные послелоги-наречия в шорском языке // Гуманитарные науки в Сибири. Изд-во сибирского отделения РАН, 1997, №4, с. 76–83.
117. Николина Е.В., Озонова А.А. Падежная система чалканского диалекта // Языки коренных народов Сибири. Вып. 17. Новосибирск, 2005. С. 4–25.
118. Николина Е.В., А.А. Озонова, А.Р. Тазранова. Алуғ оол (Парень-дурак),Тьелвеен айзаа шыққаны (О том, как Тьельвеен поднялся на небо) // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Вып. 17. Новосибирск: изд-во НГУ, 2005. С. 141–150.
119. Ооржак Б.Ч. О формах на -ган и -быт в тувинском и якутском языках. Проблемы и перспективы развития национальных литературных языков в России. Данилова Н.И. (отв. ред.). Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. С. 169-182
120. Орсулова Т.Е. Послелоги и служебные имена в алтайском языке: дис. … канд. филол. наук. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2001. 132 с.
121. Орсулова Т. Е. Пространственные послелоги в алтайском языке // Теоретические вопросы алтайской грамматики: сб. науч. тр. / Под ред. Л. Н. Тыбыковой. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С. С. Суразакова; Горно-Алтайский государственный университет, 2002. С. 131-154.
122. Орсулова Т.Е. Послелоги и служебные имена в алтайском языке. Горно-Алтайск: ЧП Орехов А.В., 2006. 168 с.
123. Патачакова Д.Ф. Сагайский диалект // Диалекты хакасского языка. Патачакова Д.Ф. (ред.). Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1973. С. 28–49.

124. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Петроград: ИИАН., Вып.4, Т. III. Ч. I. 1916.
125. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000. 384 с.
126. Плунгян В.А, Рахилина Е.В. По поводу локалистской концепции значения: предлог по. / Отв. ред: Д. Пайар и О.Н. Селиверстова // Исследования по семантике предлогов. Сборник статей. М.: Рус. Словари, 2000. с.115–132.
127. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. Учебник. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
128. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937.
129. Потапов Л.П. Шорцы // Народы Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 492–538.
130. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978.
131. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Часть II. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). СПб.: Типография Императорской АН, 1868. 420 с.
132. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии = Ethnographische ubersicht der turkstamme sibiriens und der mongolei / Пер. с нем. проф. Н.Н. Козьмина ; Иркутский гос. ун-т. Кабинет монгол. яз. и культуры. - Иркутск : Тип. изд-ва "Власть труда", 1929. 26 с
133. Рясянен М. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955, с. 28–32.
134. Реформатский А.А. Введение в языкознание. М.: Государственное учебно-педагогическое изд-во министерства просвещения РСФСР, 1955.
135. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. — 102 с.
136. Саяргалиев Б.С. Служебные слова в башкирском языке. Уфа: Башкнигоиздат, 1960. — 107 с.
137. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г» и «Д» / Э.В. Севортян. М.: Наука, 1980. 395 с.

138. Серебренников, Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 390 с.
139. Серебренников Б.А., Бирюкович Р.М. Из истории некоторых глагольных времен чулымско-тюркского языка // Советская тюркология. No 6. Баку, 1984. С. 3–14/
140. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Э. Р.Тенишев. М.: Наука, 1988. 558 с.
141. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
142. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции. / Отв. ред. чл.-корр. РАН Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 2002. 767 с.
143. Тазранова А.Р. Послелоги в чалканском языке // Языки коренных народов Сибири. Чалканский сборник. Вып. 17. Новосибирск: изд-во НГУ, 2005. С. 26–44.
144. Тодаева Б.Х. Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. 195 с.
145. Тодаева Б.Х. Монгорский язык. М.: ГРВЛ Наука, 1973. 389 с.
146. Токмашев Д. М. Телеутские тексты // Сборник аннотированных фольклорных и бытовых текстов обско-енисейского языкового ареала: труды кафедры языков народов Сибири. Томск: Изд-во Аграф-Пресс. 2010- Т. 1. с. 315–336.
147. Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чулымско-тюркском языках: именные конструкции // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2015. Вып. 4 (10). С. 24–35.
148. Тощакова Т.М. Служебные слова в алтайском языке. Дисс. … канд. филол. наук. М., 1950.
149. Тощакова Т.М. Послелоги в алтайском языке // Уч. Зап. Горно-Алтайской НИИИЯЛ. Выпуск 1. Горно-Алтайск, 1951.
150. Тощакова Т.М. Послелоги в алтайском языке // УЗ. Горно-Алтайск, 1956, №1. С. 18–50.
151. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 655 с.
152. Тенишев Э.Р. Язык желтых уйгуров. М.: Наука, 1966. 84 с.
153. Тенишев, Э.Р. (ред.) Тыва-орус словарь. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

154. Токмашев М.Г., Токмашев Д.М. Телеңет тили. Телеутский язык: учеб. пособие по телеут. языку для русскоязычных. Кемерово: Скиф, 2008. 140 с.
155. Томилов Н.А. Вопросы этнического развития сибирских татар в дореволюционной и советской литературе // Этнокультурные явления в западной Сибири. Томск, 1978. С. 131 –149.
156. Убрятова Е.И. (отв. ред.) Грамматика современного якутского литературного языка. Том 1. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1982. — 496 с.
157. Укачина К.Е. Алтайские народные загадки: Исследование. / К.Е. Укачина. Горно-Алтайск : Горно-Алтайское отделение кн. из-во, 1984. 104 с.
158. Ураев Р.А. Говор чулымских тюрков деревни Ежи // Учен. зап. Томского гос. пед. инта. Томск, 1955. Т.X1II. С. 345–367.
159. Фисакова, Г.Г. Заметки об орудном, продольно-сравнительном и сравнительных падежах в языке бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. Кемерово : Изд-во КемГУ, 1976. С. 95–100.
160. Хаджилаев Хаджи-Мурат. Послелоги и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное Изд-во, 1962. — 159 с.
161. Хакасско-русский словарь. Под редакцией Н.А.Баскакова, с приложением очерка «Хакасский язык». М. Государственное Изд-во иностранных и национальных словарей. 1953 г. 488 с.
162. Харитонов, Л.Н. Современный якутский язык. фонетика и морфология, под редакцией Н.К. Димитриева, Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947, 313 с.
163. Хертек А.Б. Послелоги, управляющие локальными падежами, в тюркских языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск, 2006. С. 167−194.
164. Хертек А.Б. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском яхыках: дисс. … канд. филол. н. Новосибирск, 2008. 246 с.
165. Храмова В.В. Западносибирские татары // Народы Сибири. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 473–491.
166. Чертыкова М.Д. Семантическая структура глагола сағын «думать» в хакасском языке. Вестник КемГУ 2014 № 1 (57) Т. 1 С. 161-165.
167. Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992. 318 с.

168. Чугунекова А.Н. Пространственные послелоги как средство выражения пространственных отношений в современном хакасском языке (в сравнении с алтайским и шорским языками) // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2013. №4.
169. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л.: Ленинградское отделение издательства Наука, 1977. 188 с.
170. Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). Д.: Наука, 1987.151 с.
171. Aarsleff, Hans. From Locke to Saussure: Essays on the Study of Language and Intellectual History. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1982. 422 p.
172. Aikhenvald, Alexandra Y., and Robert M. W Dixon. Areal diffusion and genetic inheritance. ed. Alexandra Y. Aikhenvald ve R. M. W. Dixon. Oxford University Press. 2001. 453 p.
173. Akdemir Yılmaz, İsi Hasan. Çekim Ekinden Yapım Ekine "+ca". Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. Cilt 10, Sayı 48, Şubat 2017.
174. Alkaya E. Karay Türkçesinde Edatlar. Karadeniz Araştırmaları. Sayı 8 (Kış 2005) s.66–98.
175. Alkaya E. Kuzey Grubu Türk Lehçelerinde Edatlar. Yayımlanmamış Doktora Tezi. Elazığ. 2002. 678 s.
176. Arat, R. Rahmeti. "Türk Şivelerinin tasnifi." Türkiyat Mecmuasi 10 (1953): 59–138.
177. Arat. R. R. Türkçede Cihet Mefhumu ve Bunun ile ilgili Tabirler. Türkiyat Mecmuası, 1965, Cilt 14. s. 1–14.
178. Andersen, Henning. "Center and periphery: adoption, diffusion, and spread." Historical dialectology: Regional and social s. 39–85. ed. J. Fisiak. Berlin: De Gruyter Mouton. 1988. 708 p.
179. Anderson, Gregory D.S., Harrison, David K. Middle Chulym: Theoretical Aspects, Recent Fieldwork and Current State / G. D. S. Anderson, K. D. Harrison // Turkic Languages. Vol 7 (2). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2003. P . 245–256.
180. Anderson, Gregory D.S., Harrison, David K. Ös tili: Towards a Comprehensive Documentation of Middle and Upper Chulym Dialects / G.D.S. Anderson, K.D. Harrison // Turkic Languages. Vol. 10 (1).- Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. P. 47–72.
181. Anderson, Gregory D.S., Harrison, David K. Shaman and Bear. Siberian Prehistory in Two Middle Chulym Texts / G. D. S.

Anderson, K.D.Harrison // Languages and Prehistory of Central» Siberia / ed. by Edward J. Vajda. Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 179–197.
182. Bang, Willy. (1916). Studien zur vergleichenden Grammatik der Türksprachen II, Berlin: Reimer. 1916. 920 p.
183. Bang Willy. Berlin'deki Macar Enstitüsünden Türkoloji Mektupları (1925–1934) (çeviren: Şinasi Tekin). Erzurum: Atatürk Üniversitesi Basımevi. 1980. 161 s.
184. Banguoğlu T. Türkçenin Grameri / T. Banguoğlu. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2011. 628 s.
185. Başbuğ, Fırat, "Çulım Türklerinde Balıkçılık", Balık Kitabı, (ed.) Emine Gürsoy Naskali, İstanbul: Kitabevi, s. 297–332. 2015.
186. Başbuğ, Fırat. "Tehlikedeki Dillerin Belgelenmesi Üzerine: Çulımca ile İlgili Bazı Tespitler". idil 6.28 (2016): 217–232.
187. Başbuğ, Fırat. "Çulımcada Uzam ve Zaman". Sibirya Araştırmaları (SAD). 4.9 (2016): 71–88.
188. Bodrogligeti A. "On Modern Turkish 'Üstünkörü' and 'Yüzükoyun'. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 26, no. 1 (1972): 145–50. [Электронный ресурс] URL: http://www.jstor.org/stable/23657232. (дата обращения: 23.12.2016)
189. Brockelmann C. Osttürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens, Leiden: Brill, 1954. 429 p.
190. Deny, Jean. Türk Dil Bilgisi. İstanbul: Kabalcı Yayınevi. 2012. 969 s.
191. Demirci, Kerim, "Dilbilgiselleşme Üzerine Bir İnceleme", Bilig, Bahar 2008, Sayı 45, s.131–146, 2008.
192. Doerfer G. Lexik und Sprachgeographie des Chaladsch. Wiesbaden: Harrassowitz. 1987. 535 p.
193. Eker, S. Çağdaş Türk Dili. Ankara: Grafiker. 7. baskı. 2011. 544 s.
194. Eraslan K. Eski Uygur Türkçesi Grameri / K. Eraslan. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2012. 664 s.
195. Ercilasun, Ahmet Bican. "La Enklitiği ve Türkçede Bir Pekiştirme Enklitiği Teorisi", Dil Araştırmaları, Sayı: 2, s. 35–56, 2008.
196. Erdal M. A grammar of Old Turkic. London; Boston: Brill, 2004. 575 p.
197. Erdal, Marcel. "Clitics in Turkish", Studies on Turkish and Turkic Languages, Proceedings of the Ninth International Conference on Turkish Linguistics, Oxford, August 12–14, 1998 (Edited by Aslı Göksel and Celia Kerslake), Wiesbaden. 2000.

198. Erdem, M. Yön Ekleri: Çekim ve Türetim Özellikleri Bakımından Tarihsel Bir Değerlendirme. Prof. Dr. Mine Mengi Adına Türkoloji Sempozyumu (20–22 Ekim 2011) Bildirileri. 2012. s. 624–632
199. Ergin M. Türk Dil Bilgisi / M. Ergin. İstanbul : Bayrak, 2009. 407 s.
200. von Gabain A. Eski Türkçenin grameri / A. von Gabain, M. Akalın (çev). Ankara: Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu. 1988. 313 s.
201. Gibbs, R.W. Embodiment and Cognitive science [Text] / Raymond W. Gibbs, Jr. Cambridge UK; New York: Cambridge University Press, 2006. 337 p.
202. Grenoble, Lenore A. 2011. Language ecology and endangerment. In Peter K. Austin & Julia Sallabank (eds.), The Cambridge Handbook of Endangered Languages, 27–44. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
203. Grønbech K. Der Türkische Sprachbau, I. Kopenhagen: Levin&Munksgaard, 1936.
204. Gulya Janos, «Some Eighteenth Century Antecedents of Nineteenth Century Linguistics : The Discovery of Finno-Ugrian», in Dell Hymes, ed., Studies in the History of Linguistics: Traditions and Paradigms. Bloomington: Indiana University Press: 258–276. 1974.
205. Günşen, A. "Altay Türkleri ve Dilleri". Erciyes Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi Sayı 6, Yıl 1995. s. (1995): 213–223.
206. Hacıeminoğlu N. Türk Dilinde Edatlar / N. Hacıeminoğlu. İstanbul: Bilge Kültür Sanat, 2015. 336 s.
207. Himmelmann, N.P. Language documentation: What is it and what is it good for? In Gippert, J., N.P. Himmelmann & U. Mosel (eds.) Essentials of Language Documentation. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006, p. 1–30.
208. Hopper, P.J., Traugott, E. C. Grammaticalization. 2nd edition, Cambridge: Cambridge University Press. 2003. — 276 p.
209. İmer K. Dilbilim Sözlüğü / K. İmer, S. Özsoy, A. Kocaman. İstanbul : Boğaziçi Üniversitesi, 2011. 351 s.
210. Kaya C. 2014. Orta Türkçe töne kün üzerine. VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi. İstanbul, 30 Eylül-04 Ekim 2013. (İstanbul Üniversitesi Edebiyat Fakültesi). [Электронный ресурс] URL: http://www.cevalkaya.com/yazilar/ck_07_22.pdf (дата обращения: 24.12.2015)
211. Karaağaç G. Edat Üzerine Düşünceler / G. Karaağaç // Gazi Türkiyat. 2009. № 5. S. 157–169.

212. Koç, N. -ca Eki Üzerine. Türk Dili Dil ve Edebiyat Dergisi, 582, 505 – 514. 2000.
213. Korkmaz Z. Ucun~ucun~icin vb. Çekim Edatlarının Yapısı Üzerine / Z. Korkmaz // Türk Dili Yıllığı 3. Belleten 1961. Ankara : Atatürk Kültür, Dil ve Tarih Yüksek Kurumu, Türk Dil Kurumu, 1988. S. 31–35.
214. Korkmaz, Zeynep. ‘‘Uçun~üçün~için vb. Edatların Yapısı Üzerine‘‘, Türk Dili Üzerine Araştırmalar, Cilt I, ss. 94–97, TDK Yay.: Ankara. 1995.
215. Korkmaz Z. Türkçede Eklerin Kullanılış Şekilleri ve Ek Kalıplaşması Olayları. Ankara: DTCF 1962. 98 s.
216. Korkmaz Z. “Türk Dilinde +ça Eki ve Bu Ek ile Yapılan İsim Teşkilleri Üzerine Bir Deneme”, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi 17.3-4 (1959). URL: http://dtcfdergisi.ankara.edu.tr/index.php/dtcf/article/view/4315 (дата обращения 10.12.2016).
217. Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri Şekil Bilgisi / Z. Korkmaz. Ankara : Türk Dil Kurumu, 2014. 1027 s.
218. Kornflit, Jaklin. 1997. Turkish. London: Routledge, 1997.
219. Lehmann, Christian. Language documentation. A program. p.83-97. In Bislang, W. (ed.) Aspects of Typology and Universals. Berlin: Akademie Verlag. 2001. URL: https://www.christianlehmann.eu/publ/Language_documentation.pdf (дата обращения 08.12.2015).
220. Li Yong-Song. Türk Dillerinde Sontakılar. İstanbul: Kebikeç, 2004. 913 s.
221. Menges Karl Heinrich. The Turkic Languages and Peoples: An introduction to Turkic Studies. Wiesbaden, 1968.
222. Muysken, Pieter (ed). From Linguistic Areas to Areal Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 2008.
223. Nalbant M. Vefa. Üçün ve İçin Edatları Üzerine Yeni Bir Değerlendirme. Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Türkoloji Dergisi, 19, 2 (2012) 87–94.
224. Öner, Mustafa. “Türkçe’de Edatlı (Sentaktik) İsim Çekimi”, Türk Dili Dil ve Edebiyat Dergisi, Ankara: TDK Yay., 10–18. 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://www.turkoloji.cukurova.edu.tr/YENI%20TURK%20DILI/oner_edat.pdf, (дата обращения 08.10.2016).

225. Pomorska, Marzanna. Consonant Alternations in Culym (1). Folia Orientalia. Studia in Honorem Stanislai Stachowski Dicata. Vol. XXXVI, p. 247–257. Krakow. 2000.
226. Pomorska, Marzanna. The Chulyms and Their Language. An Attempt at a Description of Chulym Phonetics and Nominal Morphology. Türk Dilleri Araştırmaları 11 (2001): 75-123.
227. Pomorska, Marzanna. Middile Chulym Noun Formation. Studia Turcologica Cracoviensia. Vol: 9. Krakow: Jagiellonian University, 2004.
228. Ramstedt, G. J. Über die Konjugation des Khalkha-Mongolischen. Helsingfors: Finnischen Litteraturgesellschaft. 1903.
229. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen / M. Räsänen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. 533 P.
230. Schönig, Claus. “The Internal Division Of Modern Turkic and Its Historical Implications.” Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, vol. 52, no. 1, 1999, pp. 63–95. JSTOR, [Электронный ресурс]. URL: www.jstor.org/stable/43391369. (дата обращения 07.10.2016).
231. Tavkul, Ufuk. "Türk Lehçelerinin Sınıflandırılmasında Bazı Kriterler." Kırım Dergisi 12.45 (2003): 23–32.
232. Tekin, Ş. “Eski Türkçe”, Türk Dünyası El Kitabı, C.II, Ankara, s. 69– 120. 1992.
233. Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic /T. Tekin. Bloomington: Indiana University, 1968. 419 p.
234. Tekin T. Orhon Türkçesi Grameri / T. Tekin. İstanbul: Sanat Kitabevi, 2003. 272 s.
235. Tosun, İ. “Türkiye Türkçesinde +Ca Ekinin Kullanım ve Anlam Çeşitliliği, Turkish Studies, Vol. 5/4, 2010”, [Электронный ресурс], URL: http://www.turkishstudies.net/Makaleler/1809724743_70Tosun_%C4%B0brahim.pdf (дата обращения 08.11.2016).
236. Trask, R. L. (1993), A Dictionary of Grammatical Terms in Linguistics, New York: Routledge, 1993.
237. Trask, R. L. Historical linguistics. Oxford: Oxford University Press, 1996.
238. Trask R. L. Key Concepts in Language and Linguistics London, New York: Routledge, 1999. 276 p.

239. Tuite, Kevin. Interpreting Language Variation and Change. in Christine Jourdan and Kevin Tuite, eds. Language, Culture, and Society, pp. 229–256. Cambridge University Press, 2006. — 323 p.
240. Vámbéry H. Etymologisches Wörterbuch der Turko-Tatarischen Sprachen. Leipzig: Brockhaus, 1878.
241. Üşenmez E. Tün Sözü Üzerine. Turkish Studies International Periodical For the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic. 3/1. Kış. 2008. s. 399–404.
242. Üstüner, Ahat. Türkçede Pekiştirme, Elazığ: Fırat Üniversitesi Yayınları, 2003.
243. Zwicky, Arnold M. On Clitics. Bloomington, IN: Indiana University Linguistics Club. 1977.
244. Zwicky, Arnold M. 1994. "What is a clitic?" Clitics: A comprehensive bibliography, 1892–1991, ed. Joel A. Nevis and Brian D. Joseph, Dieter Wanner, Arnold M. Zwicky. 1994. [Электронный ресурс], URL: http://web.stanford.edu/~zwicky/what-is-a-clitic.pdf (дата обращения 08.10.2015).
245. Wackernagel J. Über ein Gesetz der Indogermanischen Wortstellung. Indogermanische Forschungen, 1892. Bd. 1.

Приложение А

Таблица А.1 – Семантическая классификация чулымских послелогов

Послелог	Значение	пространство	время	сравнение	включение-исключение	подобие	комитатив	причина-следствие	мера
ažira	*через*	+	+						+
ala	*перед*	+	+						
äjländerä	*вокруг*	+							
baska	*кроме*				+				
bile	*с*						+		
kedžir	*через*	+							
kidin	*с*		+						
koža	*с, рядом*	+					+		
košti/kosti	*напротив*								
kökten	*как, словно*					+			
köre	*по сравнению с*			+				+	
ošhaš	*подобно, как*					+			
öžin	*для*							+	
öske	*кроме*				+				
peer	*с*								
pirge	*с*						+		
saj	*каждый*		+						
sindiŋ	*как, словно*			+		+			
tüvün	*вниз*	+							
tüŋža	*до*	+	+						
udur	*навстречу*	+							
čettir	*до*	+	+						
šeni	*приблизительно*		+						+
šilep	*как*			+		+			
ebire	*вокруг*	+							

Таблица А.2 – Падежи, управляемые чулымскими послелогами

Именительный	**Дательный**	**Винительный**	**Творительный**	**Исходный**
ažɨra	koža	äjländärä	bile	ala
bile	kökten	kökten	pirge	baska
kedžir	köre	ebire		kosti
kidin	tüŋža			öske
ošhaš	udur			peer
öžin	čettir			
saj				
sindɨɣ				
tüvün				
šeni				
šilep				
ebire				

Приложение Б

Список информантов

Информант мелетского говора среднечулымского языка (АФК): Александр Федорович Кондияков, 1952–2018, Красноярский край, Тюхтетский р–н, д. Пасечное

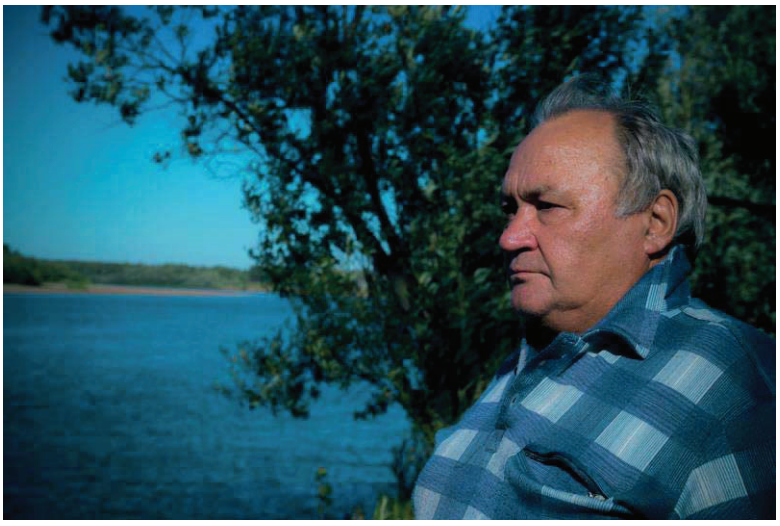
Информант тутальского говора среднечулымского языка (ВМГ): Василий Михайлович Габов, 1952 г. р. д. Томская Область, Тегульдетский р–н, с. Тегульдет

Информант мелетского говора среднечулымского языка (ФИТ): Тимофеев Федор Иванович, 1949–2016, Красноярский край, Тюхтетский р–н, д. Пасечное

Информант мелетского говора среднечулымского языка (ГГТ): Тамочев Геннадий Григорьевич. 1953 г. р., Красноярский край, Тюхтетский р–н, д. Пасечное

А.Ф. Кондияков, 1952–2018, д. Пасечное, Красноярский край

Ф.И. Тимофеев, 1949–2016, д. Пасечное, Красноярский край



В.М. Габов, 1952 г.р. с. Тегульдет, Томская Область